Джонатан Литтелл

Хомские тетради

Записки о сирийской войне

16 января – 2 февраля 2012

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книг о войне написано очень много, но это в основном художественные произведения, которые представляют собой авторский взгляд на происходящие события. Книга «Хомские тетради. Записки о сирийской войне» — это подлинный документ, позволяющий читателю увидеть события в Сирии, которые происходили в 2012 году, как будто своими глазами.

Книга написана в форме дневника автора, который просто рассказывает то, что происходило в те дни и позволяет читателю самому делать выводы, не навязывая свое мнение. В этой книге описан тот период, когда из Сирии уже ушли сторонние наблюдатели и обе стороны конфликта перестали оглядываться на мнение других стран.

- Джонатан Литтелл
  - Предисловие
  - Понедельник 16 января. Триполи, Ливан
  - Вторник 17 января. Триполи — граница — Аль-Кусейр
  - Среда 18 января. Аль-Кусейр
  - Четверг 19 января. Аль-Кусейр — Баба-Амр
  - Пятница 20 января. Баба-Амр
  - Суббота 21 января. Баба-Амр
  - Воскресенье 22 января. Баба-Амр
  - Понедельник 23 января. Баба-Амр
  - Вторник 24 января. Баба-Амр — Халдия — Баяда
  - Среда 25 января. Халдия — Сафсафи — Баб-Сбаа — Сафсафи
  - Четверг 26 января. Сафсафи — Баб-Дриб — Карам — аль-Зайтун — Баб-Тедмор — Сафсафи
  - Пятница 27 января. Сафсафи — Баб-Дриб — Сафсафи
  - Суббота 28 января. Сафсафи — Баба-Амр — Халдия — Баяда
  - Воскресенье 29 января. Баяда
  - Понедельник 30 января. Баяда — Халдия
  - Вторник 31 января. Халдия — Баба-Амр
  - Среда 1 февраля. Баба-Амр
  - Четверг 2 февраля. Баба-Амр — Аль-Кусейр — граница — Бейрут
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

Джонатан Литтелл
Хомские тетради. Записки о сирийской воине 16 января — 2 февраля 2012

Предисловие

Эта книга — не беллетристика, а подлинный документ. В ее основу легли два блокнота моих собственных записей, сделанных по следам реальных событий во время нелегальной поездки в Сирию в январе 2012 года. Вначале я думал, что мои заметки годятся лишь для того, чтобы по возвращении на их основе написать несколько статей. Но мало-помалу, за долгие периоды вынужденных простоев, отдыха и ожидания, в ходе всевозможных бесед и обсуждений, в процессе перевода и в результате некоего лихорадочного состояния, подталкивающего нас к тому, чтобы, не откладывая, зафиксировать пережитое на бумаге, они увеличились в объеме настолько, что стали пригодны для публикации. Другое дело — стоили ли они того. Ответить утвердительно меня побудило то обстоятельство, что в них был описан довольно краткий и уже отошедший в прошлое период, протекавший практически в отсутствие сторонних наблюдателей, — последние дни восстания против режима Башара Асада части города Хомс, потопленного властями в крови, которая льется там и сейчас, когда я пишу эти строки.

Мне хотелось бы представить читателю этот текст в его первозданном, необработанном виде. Но некоторые фрагменты, в силу специфических условий, в которых он писался, получились слишком невнятными и обрывочными, и я был вынужден их переделать. Вдалеке от тех мест пришлось восполнять недостающее с помощью памяти. Но это все: за исключением необходимых уточнений и комментариев, я не прибавил к тексту ничего.

Всем известно, что сирийское правительство фактически запретило иностранным журналистам работать на территории страны. Те немногие репортеры, которым удается получить визу, находятся там под плотной опекой властей, лишены свободы передвижения и возможности общаться с рядовыми гражданами и часто становятся объектом манипуляций и провокаций, иногда со смертельным исходом, как та, что стоила жизни французскому репортеру Жилю Жакье. Есть, правда, и такие, кому удается обеспечить себе свободу рук, въехав в страну по туристической визе, а затем «ускользнув» из-под бдительного ока властей или перейдя границу нелегально с помощью бойцов Свободной армии Сирии (САС), как это сделали мы с моим фотографом Мани. Но и в этом случае, как мы смогли убедиться в последние недели, есть риск нарваться на неприятности.

Мысль сделать такой репортаж пришла мне в декабре 2011-

го, после возвращения из Хомса моей знакомой Манон Луазо, отснявшей там материал для документального фильма. *Я* поделился своей идеей с редакторами газеты «Le Monde», она им понравилась, и они предложили мне взять в попутчики Мани. Он уже бывал в Сирии, где провел в октябре-ноябре 2011-го больше месяца и по возвращении опубликовал уникальный фоторепортаж: на тот момент ничего подобного в прессе не появлялось. И если нам удалось попасть туда сравнительно легко и быстро и работать в Хомсе довольно свободно, то это лишь благодаря связям и знакомству со страной, которые он приобрел в предыдущую поездку. Найти переводчика на месте практически невозможно, и Мани, прекрасно говорящий по-арабски, оказал мне неоценимую услугу, переведя большинство интервью. Наш совместный репортаж — текст с фотографиями — был напечатан в пяти номерах «Le Monde», с 14 по 18 февраля.

Разумеется, Мани часто упоминается в моих записях. Из соображений секретности мы оба взяли себе военные псевдонимы (себя я называл Абу Эмир), а Мани будет выступать под тем, который выбрал он, — Райед. Это относится и к большинству сирийцев, с которыми мы общались: у них всех есть псевдонимы — или те, что выбрали они, или те, которыми назвал их я.

Что же касается людей, которые фигурируют в книге под своими настоящими именами, то разрешение их обнародовать я получил от них лично. Имен раненых или убитых я не называл вовсе из опасения навлечь гнев властей на их близких или на них самих — на случай, если они остались в живых.

Появление этого текста было бы невозможно без доверия и поддержки, оказанных нам газетой «Le Monde». Мне хочется поблагодарить всех ее сотрудников, участвовавших в нашем проекте, и в особенности Сержа Мишеля, заместителя директора редакции, и Жиля Пари, редактора международного отдела. И наконец, мне хочется выразить свою благодарность и восхищение тем многочисленным сирийцам — гражданским активистам и бойцам Свободной армии, — которые нам помогали без колебаний и часто с риском для жизни.

Понедельник 16 января. Триполи, Ливан

Я прилетел в Бейрут в пятницу, 13 января. Мани присоединился ко мне 14- го и тут же начал звонить в Хомс, чтобы нас переправили через границу. Абу Брахим, религиозный старшина квартала Баяда, у которого Мани жил в ноябре, обратился к своим знакомым в САС с просьбой организовать для нас коридор через границу. В понедельник 16-го, часам к пяти дня, Мани — отныне носящий имя Райед — получил телефонный звонок: нам предлагалось прибыть в Триполи тем же вечером.

22.30. Мы в Триполи, идет дождь[1]. В условленном месте нас встретили трое крепких парней и отвели на квартиру, оказавшуюся совсем рядом. На лестнице темно, из стен торчат оборванные провода. В доме жуткий холод, но квартира оказалась просторной и красиво убранной: полы из отшлифованного камня, позолоченная мебель с бархатной обивкой, большой стеклянный канделябр. На стенах — картины и фрагменты арабской вязи в рамках. Д., молодой активист, приехавший из Хомса неделю назад, поставив ноутбук на низкий столик, чатится в скайпе. «Мне очень жаль, но квартира холостяцкая!» Включенный телевизор настроен на канал «Сирийский народ» — оппозиционная телестанция, вещающая из Великобритании.

Д. рассказывает нам о Жиле Жакье. «Режим уничтожил его намеренно, чтобы отбить у журналистов охоту приезжать в страну. Жакье убили в Акраме, квартале Аль-Джадиды, населенном лояльными к Асаду алавитами, прямо напротив рынка Аль-Бутул. Фальшивую информацию о месте предполагаемой атаки распространяли власти и один журналист-предатель». Рассказчик имел в виду Мухаммеда Баллу из арабской службы Би-Би-Си, ливанца по национальности, члена Сирийской национал-социалистической партии. Би-Би-Си, как говорят, принесла извинения за своего сотрудника[2]. Жиль Жакье, репортер «Франс-2», погиб в Хомсе 11 января во время артиллерийского обстрела города, где в то время находилась группа журналистов, работавшая в стране с санкции и под охраной властей. Вину за гибель журналиста правительство и оппозиция валят друг на друга. Все время, что мы будем находиться в Сирии, о трагедии с Жакье нам станут рассказывать многие, пытаясь убедить в виновности режима, хотя никаких неопровержимых доказательств мы так и не услышим.

Пришли какие-то люди. Главный среди них — А. — наш

проводник, бородатый, приземистый, улыбчивый. Одет в черное, в каждой руке — по мобильнику.

Д. продолжает свой рассказ о Жакье. Восставшие считают его shahid[3], как и всех жертв режима. На страничке Facebook, посвященной сирийской революции, прошлый четверг был объявлен Днем памяти Жиля Жакье; поминальными становятся все дни недели, а не только пятницы. Д. продолжает восхищаться погибшим французом: «Он приехал сюда, чтобы всему миру рассказать о страданиях сирийского народа». Координационные комитеты революции собирают доказательства того, что Жиль Жакье был убит властями. Парень приводит навскидку такие объяснения: shabbiha[4], свирепствующие в Хомсе, обычно являются выходцами из Акрама и прилегающих к нему кварталов; оппозиционерам появляться там очень опасно. Университет, расположенный в западной части города, вообще объявлен военной зоной.

По телевизору говорили о минометном обстреле, однако Д. утверждает, что у Свободной армии минометов нет, как нет вообще никаких тяжелых вооружений такого типа. Это его главный довод, и он его горячо защищает. В разговор вмешивается проводник, и начинается спор о минометах; для него калибр 60 мм, который весит девяносто килограммов, слишком тяжел, чтобы его мог нести один солдат. *Я* начинаю возражать, и наш спор тонет в деталях.

Время обеда. Сытная, обильная еда принесена из ресторана: курица, хумус, фалафель, салат. Наш проводник называет себя Al-Ghadah, что в переводе означает «Гнев». «Меня так прозвали в самом начале революции, но вообще-то я веселый!» Двое его приятелей — ливанцы, с их помощью нам завтра предстоит преодолеть ливанские пропускные пункты на границе. Дальше Гнев, который родом из Хомса, доведет нас до города. Весь переход распадается на четыре этапа и займет сутки, может, полтора дня. До границы на машине, потом несколько километров на мотоцикле, затем снова на машине.

Манон Луазо, моя знакомая журналистка, рассказывала, что ей, чтобы попасть на сирийскую территорию, пришлось идти по минному полю. Я спрашиваю, что об этом думает Гнев.

В принципе, нам это не грозит. Есть другие способы, они вполне надежны. Однако случиться может всякое. Сам Гнев ходил по минам только однажды. Но даже если придется, особой проблемы здесь нет: через пару недель после того, как правительственные войска заминировали приграничную полосу,

САС расчистила в ней коридор трехметровой ширины. Это было два месяца назад. Один парень потерял на этом обе ноги. Мужчины хохочут: «Бу-у-ум!» — и руками показывают, как за спиной появляются крылышки. Как у ангела.

Коридор отмечен камнями, по нему постоянно ходят контрабандисты. Гнев успокаивает: «Если придется идти там, я пойду впереди. Ваши жизни дороже моей». Сказано с пафосом, но искренне.

Вторник 17 января. Триполи — граница — Аль-Кусейр

5.30. Клич муэдзина. Очень мелодичный, многократно усиленный динамиками, он как бы взрезает плотную ночную тьму.

6.50. Подъем. Bleary grey morning[5]. В гостиной нас терпеливо поджидают двое проводников-ливанцев.

7.30. Отъезд. Белый микроавтобус, в салоне — плазма. За руль садится один из ливанцев. На экране возникает картинка, звучит приглушенная музыка. Под проливным дождем пробираемся по запруженным транспортом улицам Триполи. Окраина, промзона. Узкие ущелья на перевале занесены снегом, приходится делать большой крюк. Кроме того, надо обойти стороной два ливанских армейских блокпоста. А вообще самая короткая дорога — на север.

Извилистый переезд через Ливанский хребет, пейзаж скудный, облака цепляются за скалистые гребни, на крышу машины мягко ложится снег. Не останавливаясь, минуем блокпост. К нам подсаживается какой-то солдатик; я, лежа, приоткрываю один глаз и снова засыпаю. Попутчик выходит в маленьком шиитском городишке, битком набитом военными. Меня будят: мы двигаемся по грунтовой дороге посреди пустынного плоскогорья. С одной стороны — окутанный облаками Ливанский хребет, с другой — деревенька, прилепившаяся у подножия горы. Перед нами — Сирия. По дороге бредут крестьяне, гонят баранов. После нескольких километров тряски выезжаем, наконец, на шоссе, идущее в объезд ливанского погранпоста. Деньги переходят из рук в руки: Гнев дает ливанцу семьсот долларов — видимо, это плата за нас, — а потом еще тысячу — вроде бы на покупки. А может, за транспортировку минометов? На краю дороги — мечеть Хизбалла: мы подъехали к шиитскому городку; как в долине Бекаа, здешние края отличаются чрезвычайной конфессиональной пестротой.

Гнев объясняет: «Большинство местных суннитов поддерживают нашу революцию, но с некоторыми исключениями; что же касается шиитов, то у них все наоборот». На дороге — трое молодых людей, рядом — два ржавых мотоцикла: древние таратайки китайского производства; по мозолистым рукам видно, что это местные крестьяне, наши ливанские друзья. Мы здороваемся, рассаживаемся на мотоциклы — по трое на

каждый — и пускаемся в путь по проселочным дорогам, мимо полей и деревенских домов. Плохо одетые, сопливые ребятишки, бараны, пчельники, какой-то парень верхом на лошади. Через несколько километров подъезжаем к одному из домов — уже по ту сторону границы. Нам удалось проскользнуть между двумя пограничными постами — ливанским и сирийским. Но граница — не тонкая черта, это довольно объемное понятие.

Граница не сводится исключительно к линии на карте, ее присутствие ощущается на протяжении нескольких десятков километров благодаря глубоко эшелонированной системе заграждений, как стационарных, так и мобильных. Однако для людей, живущих в непосредственной близости, по обе ее стороны, она, напротив, как бы и не существует вовсе. Они чувствуют границу лишь как особую экономическую реальность, заставляющую их, делая свои обычные дела, постоянно ходить через нее туда-сюда.

Мы попали в дом к простым людям, здесь живут крестьяне со своими семьями. На столе кофе, отцы играют с детьми. Звонок радиотелефона, все готово, можно идти. В нескольких сотнях метров еще один дом, нас проводят в гостиную. Райед получает на мобильник CMC: MINISTRY OF TOURISM WELCOMES YOU IN SYRIA. PLEASE CALL 137 FOR TOURISM INFORMATION OR COMPLAINTS[6]. Welcome to Wonderland. На часах — ровно полдень.

Дом богатый, гостиная устлана коврами и обставлена мебелью с цветастой обивкой из синтетической ткани. Газовое освещение, большая печка на мазуте — на сирийском диалекте она называется sobia. Молодые ребята подают на подносе обильную закуску. Женщин не видно. Хозяин объясняет нам, как организованы местные силы САС: подразделения Аль-Кусейра входят в katiba[7] «Аль-Фарук» квартала Баба-Амр, которым командует Абдельраззак Тласс, в звании mulazim awwal[8]. Он был первым из кадровых офицеров правительственных войск, перешедшим на сторону повстанцев.

Как мы уже поняли, чтобы попасть в Хомс, нам, скорее всего, придется пройти через Баба-Амр, квартал на юго-западной окраине города, полностью контролируемый повстанцами. Абу Брахим, организовавший наш переход, сам живет в Баяде, в северной части Хомса. Мы расспрашиваем нашего собеседника о положении в Баба-Амре и в приграничной зоне.

Хозяин объясняет: Баба-Амр — это, по сути, бастион САС, поскольку квартал большой и к тому же он выходит на фруктовые

сады на берегах Оронта. Правительственные силы его блокируют, но внутрь не заходят. Подразделения Свободной армии есть и в других кварталах города — Халдие, Баяде, но они не такие мощные, поскольку территория там не столь обширна и силам госбезопасности легче ее контролировать.

Жители приграничных деревень в протестных акциях не участвуют, поскольку не хотят привлекать к себе внимание mukhabarat[9], что могло бы помешать их мелкому бизнесу. Но дальше, в районе Аль-Кусейра, у САС есть свои подразделения, и она может вступать в боестолкновения с регулярной армией и силами безопасности.

В эту приграничную деревню подразделения армии и сил безопасности входили уже дважды. Обыскивали дома в поисках подрывных элементов. Но, не найдя никого, ушли, в общем-то не причинив никому особых неприятностей. В дом, где мы сидим, они тоже заходили, задали несколько вопросов, но обыскивать не стали.

Я интересуюсь у хозяина: «Ты не боишься за своих детей?» Он: «Я боюсь только Бога». Своим детям он доверяет: они сидят тут же и слушают наш разговор. «Они не проболтаются».

Женщины тоже участвуют в сопротивлении: оказывают первую помощь раненым, делают перевязку, помогают перевозить их в безопасное место и прочее.

Хозяин: «Нас притесняют уже давно. Спецслужбы создали в стране такую обстановку, что никто никому не верит». Он — суннит и ощущает это особенно остро. Все лучшие рабочие места заняты алавитами. «Нет никакой справедливости и жаловаться некому. Куда деваются арестованные — непонятно, связаться с ними невозможно, никаких вестей от них мы не получаем». Его сын хотел поступить на службу в полицию, обивал пороги три года, но все напрасно. Они уверены: это потому, что он суннит.

Поначалу они хотели только реформ и свободы. Но, натолкнувшись на репрессии, ожесточились.

* * *

Отъезд, времени — примерно час дня. Гнев пригнал пикап, и мы втроем втиснулись на переднее сиденье. Звонок из Баба-Амра: кто-то нервно, на повышенных тонах объясняет, что проехать невозможно, что принять журналистов они не могут и советуют проводнику отвезти нас обратно в Ливан. Райед связывается со своими знакомыми, и мало-помалу, напряжение рассасывается. Трогаемся в путь.

Мы попали туда в такой момент, когда нежелание некоторых повстанцев Баба-Амра принимать новых журналистов было очень сильно. Впоследствии, когда начались массированные бомбардировки квартала, ситуация изменилась. Но когда там находились мы, это было постоянным источником напряжения.

Смешанный, конфессионально пестрый регион, суннитские и алавитские деревни соседствуют друг с другом. Мы въезжаем в сельскохозяйственный район, контролируемый Свободной армией. Навстречу попадается какой-то военачальник на маленьком грузовике, потом блокпост с одним солдатом, а затем, на мосту, более серьезный пропускной пункт. Сплошной поток миниавтобусов и пикапов, следующих в Ливан и оттуда, — скорее всего, контрабандисты. Их наскоро осматривают и пропускают. Выезжаем на другую дорогу, связываемся по телефону с Хомсом. Какой-то парнишка развлекается с уоки-токи: видимо, отец-военный дал поиграть. У нашего проводника на приборной панели лежит такой же, а рядом, у самого руля, — граната. Если наткнемся на мобильный патруль, он не затормозит.

Съезжаем с шоссе на грунтовую дорогу: впереди один из блокпостов, которыми окружен Аль-Кусейр. Мы объезжаем его по бездорожью, по равнинной местности, населенной бедуинами, живущими в армейских палатках. Двигаясь какой-то тропой, обходим упомянутый кордон метрах в трехстах, не больше: Гнев показывает его мне и смеется. Въезжаем в Кусейр: город на семьдесят тысяч жителей, застроен двухэтажными домами из потрескавшегося бетона, краска на стенах домов выцвела от времени. Дождь, нахохлившиеся прохожие, мотоциклисты. Добираясь до жилища проводника, мы долго петляем по переулкам. Два часа дня: дорога от Триполи заняла у нас шесть часов.

На самом деле здесь живет не Гнев, а его друг. Небольшая комнатка хозяина, компьютер с принтером, печка на мазуте. Гостей несколько человек, нас угощают чаем с пирогами. Появляется какой-то тип с калашом: в квартале — свободно. Зазвучал динамик на ближайшей мечети: этим утром похоронили двух мучеников, убитых в Хомсе, сообщает имам, а после вечерней молитвы земле предадут еще одного. За столом разгорается спор, можно ли нам присутствовать на похоронах. Хозяева возражают: не исключено, что траурная церемония выльется в манифестацию, и тогда правительственные войска могут начать стрелять. А кроме того, они опасаются, как бы нас не засекли рядом с ними.

Выясняется, что последнего усопшего уже похоронили. Его

звали Ахмед И., ему было за пятьдесят. Случается, что родственники, чтобы избежать осложнений, хоронят своих покойников еще до того, как об этом объявит имам. Все трое мужчин погибли одновременно, в Хомсе, в квартале Шеммас, жители которого лояльны к властям. Группа shabbiha зашла на рынок торгового комплекса Сакан-эль-Шаббаб, где они работали, и уничтожила их только за то, что они были не местные, а из Кусейра. Двое из убитых совсем молодые — лет двадцать пять — тридцать, их звали Расул И. и Мухаммед Х. Расул был родственником Ахмеда.

Издалека доносятся звуки стрельбы. Что это: попытка остановить возможную манифестацию?

Государственная больница в Аль-Кусейре — ближайшая к кладбищу — занята силами безопасности. На крыше — снайперы.

Нам показали пункт скорой помощи, организованный в одном из домов. Средства самые простые: шприцы, соляной раствор, компрессы. Что-то принесли люди, что-то передали из аптек. Ковры на полу прикрыты листами пластика: чтобы не запачкать кровью?

Абдур Рахима Амира, врача, заведовавшего этим хозяйством, убили в Растане два месяца назад. Он был схвачен в медицинском центре агентами военной разведки и казнен. Санитаров арестовали. Сейчас здесь только один врач и один санитар. Это единственный медпункт в городе; ближайший, развернутый в простой палатке, находится в двенадцати километрах отсюда, на другом берегу реки.

Здесь можно оказать только первую помощь. Люди умирают от легких ранений, от потери крови. Тяжелораненых из этого пункта стараются переправлять в Ливан, но это сложно. Принимают одного-двух пациентов в день: или раненых в ходе уличных беспорядков, или подстреленных в темное время суток. В городе официально действует комендантский час, и по ночам снайперы стреляют в случайных прохожих.

* * *

Центр квартала. В ожидании митинга собирается молодежь.

Революционное знамя — черно-бело-зеленое с тремя красными звездами. Выставлен часовой — молодой парень с автоматом. Квартал контролируется САС, и солдаты регулярных войск не рискуют здесь появляться, хотя артиллерийские снаряды могут долетать до больницы и мэрии.

Свободная сирийская армия: al-Jaych as-Suri al-Hurr.
Регулярная армия: al-Jaych al-Assadi, или Армия Асада.

Проходим мимо мэрии. Громоздкое четырехэтажное здание в советском стиле, побитые оконные стекла отсвечивают голубоватым блеском. Подразделения САС пытались взять его штурмом, но безуспешно: мэрия похожа на крепость. Стрельба из РПГ[10] оказалась бесполезной, а применять минометы атакующие не хотели, поскольку вокруг мэрии много жилых домов. На крыше и на этажах здания — гнезда снайперов. Мы возвращаемся к мэрии по длинной улице, которая упирается в здание. По вечерам снайперы обычно не работают. Пока все спокойно. Дальше расположен сад, который служит кладбищем для shahids. Хоронить на обычном погосте стало очень опасно, потому что войска Асада обстреливают любое скопление народа.

* * *

16 часов. Какой-то старик умер своей смертью, и его похороны не должны вызвать осложнений. Но молодежь (shabbab) обычно не пропускает ни малейшего повода, чтобы помитинговать. И потому, даже если старик не shahid, его погребение может обернуться беспорядками. Но, поскольку он не shahid, его будут хоронить на городском кладбище. Следовательно, погребальная церемония может быть обстреляна.

Мы бродим по городу в сопровождении парня на мотоцикле. Снова проходим мимо мэрии, в двухстах метрах от укрепленного поста регулярной армии, расположенного на углу здания. На базарной улице предусмотрительно закрыты все лавочки; по дороге нам встретился бывший врач: он уволился три месяца назад, когда правительственные войска заняли помещение больницы и перевели врачей и персонал в другое место, на его взгляд совершенно неподходящее. Он утверждает, что с августа, когда в Аль-Кусейре начались беспорядки, количество жертв достигло ста двадцати. Наш друг Гнев показывает на своем мобильнике видео ролик — первый shahid в Кусейре, погибший еще в августе, на одиннадцатый день Рамадана: на теле, изрешеченном пулями, только грязные трусы. Одна нога оторвана.

Настоящая бойня.

Возвращаемся к месту похорон, но там тихо: никаких митингов. Нас знакомят с общественными координаторами Аль-Кусейра. Мы болтаем, парни шутят, смеются, их смех полон

ощущениями пережитого. Очень похоже на веселое отчаяние.

* * *

18.30. Восхитительное блюдо из риса, баранины, курицы и жареного миндаля. Называется kapsi и подается вместе с labneh[11]. Спор о политике. Наш хозяин Абу Амар озвучивает свою главную мечту: «Я хочу быть гражданином». — «А как ты это понимаешь?» — «Государство и военные не должны вмешиваться в жизнь граждан. А у нас, даже чтобы жениться, надо получить разрешение от mukhabarat. Я хочу жить в стране, где есть свобода вероисповедания: молюсь тому богу, какому хочу. Вот я: отпустил бороду и имею из-за этого неприятности. Больше пяти — не собираться, могут арестовать. У христиан то же самое: под угрозой ареста больше пяти не собираться». Гнев: «Это христиане-салафиты!» Люди здесь мечтают не столько о демократии, что для них звучит довольно мутно, сколько о правовом государстве.

* * *

19 часов. Уличный митинг напротив квартальной мечети, проходит под прикрытием Свободной армии, площадь освещена прожекторами. Собралось человек, наверное, триста. Такие митинги проходят каждый день. Знамена оппозиции, барабаны, песни и пляски — все выглядит очень красиво и весело. Лозунги: «Башар, кто ты на самом деле — мусульманин или еврей?», «Башар, у тебя шея, как у жирафа!»

С крыши мечети ведет съемку парень, ответственный за информацию[12]. Женщины и дети собрались с краю, они смотрят на происходящее, поют вместе со всеми. Но в митинге принимают участие только мужчины.

Я поднимаюсь на крышу мечети к тому парню. Его зовут М., он немного говорит по-английски. Он показывает мне кое-что из снятого: на экране труп. Может, это один из погибших на рынке в Хомсе? Мне не очень понятно, а парень слишком плохо знает английский, чтобы объяснить. Погибший — усатый мужчина лет сорока-пятидесяти, в стопе у него пуля, рука отсечена ножом. Отсечена, насколько я понял, когда он еще был жив. Убили потом.

Рядом, весь в слезах, отец погибшего.

М.: «Митинг — это zikr[13]». Но на митинге присутствуют и христиане. Мой собеседник знакомит меня с одним из них:

мужчина тридцати четырех лет, разделяет взгляды оппозиции. Гордо показывает мне висящий у него на шее крест. Власти объявили его в розыск, и потому он не может жить дома. Мне сказали, что на похоронах трех убитых в Хомсе присутствовало человек пятьдесят христиан.

М. выступает за межконфессиональное единство страны, христианин с ним согласен. «Мы живем рядом уже больше ста лет. Это Башар, придя к власти, создал между нами проблемы. Для того, чтобы Франция и другие страны сказали: христиан надо защитить».

М. продолжает: «This country is for everyone, and God is for us»[14]. Лозунги:

«Башар, уходи и забери с собой своих собак!», «Башар, это мы — сирийцы, а ты — нет!» Манифестанты танцуют, выстроившись в ряд, это действительно похоже на zikr, но никакого религиозного содержания в их танце нет. Во всяком случае, манифестация выглядит весело.

На улице блокнот лучше не вынимать. Всеобщая подозрительность принимает характер паранойи.

* * *

20.15. Ночная вылазка на ферму за пределами Аль-Кусейра, в сельскую местность, где нам предстоит встреча с одним офицером. В гостиной нам навстречу выходит молодой улыбчивый парень; ему семнадцать лет, он поддерживает Свободную армию, но в ее акциях не участвует.

Пока мы ждем, парень пересчитывает свои запасы. Калибр 9 миллиметров, боеприпасы в ящиках с израильскими наклейками, две сотни патронов калибра 7,62 на пулеметной ленте, где каждый пятый — трассирующий.

Выстрелы в темноте: где-то в районе больницы работает «душка»[15]. Слышны несколько очередей.

Райед обсуждает с Гневом переход границы. Наш провод ник объясняет, что взял микроавтобус из-за нас. Обычно он берет большой. Это обошлось им в несколько сотен долларов. Но от наших денег они отказываются.

Спор по поводу оружия. Гнев: РПГ стоит две с половиной тысячи, включая доставку; ракетная пусковая установка — шестьсот пятьдесят долларов. Один Калашников («руси», как его здесь называют) — тысячу восемьсот. Шестидесятимиллиметровый миномет — четыре с половиной, а один снаряд к нему — сто пятьдесят долларов. Миномет калибра

80 мм — семь с половиной.

Свободная армия получает значительную часть своего оружия, отбивая его у противника. Денег у нее мало. Иногда солдаты, симпатизирующие повстанцам, отдают кое-что даром, иногда приходится у них покупать, но это случается редко.

Гнев убежден, что мирным путем заставить уйти этот режим невозможно. Его придется свергать силой. Количество дезертиров идет по нарастающей. В районе Хомса, на его взгляд, число перебежчиков достигло десяти тысяч.

Гнев — личность известная. САС раздобыла списки, составленные госбезопасностью: там есть его имя. Нашему проводнику двадцать восемь лет, до войны он был столяром. В 2010 году совершил небольшой хадж: показывает мне иорданскую и саудовскую визы в своем паспорте. До событий был холост и как раз собирался жениться. И перед ним встал выбор— или революция, или семья. Сегодня он постоянно в разъездах. Но не из-за денег (его родные ни в чем не нуждаются), и перевозкой контрабанды не занимается. По просьбе Свободной армии взял на себя переправку журналистов, раненых, доставку лекарств, перевязочных материалов и прочего.

Поначалу он только принимал участие в манифестациях, но месяца через четыре ему надоело наблюдать, как там убивают людей. Проводником стал в июле, как раз в тот момент, когда первый из старших кадровых офицеров, muqaddam[16] Хусейн Хармуш перешел на сторону восставших и начал формировать первые katiba САС.

Хусейн Хармуш бежал в Турцию, но в августе был похищен и возвращен в Сирию, где его заставили выступить по телевидению с фальшивыми признаниями: якобы он получал деньги из-за границы и т. д. По некоторым данным, служба авиационной разведки собиралась его казнить в конце января, но повстанцы предложили обменять пленника на предполагаемых иранских агентов, захваченных в Хомсе.

Мы пьем мате, привезенный из Аргентины. Он здесь очень распространен. Офицер, которого мы ждали, так и не появился, и мы возвращаемся в Аль-Кусейр, чтобы заночевать у Абу Амара.

Среда 18 января. Аль-Кусейр

Когда мы уже собрались лечь, Гнев или наш хозяин, не помню точно, рассказал нам, что нынешней ночью САС собирается атаковать позиции правительственных сил. Ответ, безусловно, будет жестким: артобстрел и, возможно, рейды по городу и повальные обыски — надо быть готовыми к тому, чтобы покинуть наше убежище в любой момент.

В итоге ночь прошла относительно спокойно, если не считать автоматных очередей, выпускавшихся, судя по всему, с позиций возле больницы единственно с целью устрашения. Планируемая атака не состоялась, и нам не пришлось спешно покидать место ночлега: мы спокойно проспали до утра. Часа в три-четыре снова включили электричество, и в квартире загорелись все лампы. Проснулся только я, я их и погасил.

Сны тяжкие, очень сложные и запутанные: будто бы я встречаюсь с Мишелем Фуко. Он живой, но плохо выглядит, и я, преодолевая смущение, пытаюсь договориться пообедать с ним. Улицы покрыты потрескавшимся битумом, и все трещины забиты мелочью, я заметил даже монеты по два евро. На факультете есть бассейн, но я не уверен, что мне удастся туда сходить.

(Разговоры с посетителями).

Дня три-четыре назад расставленные по периметру вокруг Аль-Кусейра БМП и БТР были заменены на Т-62 и Т-72[17]. Они почти незаметны, потому что замаскированы — на этот счет есть договоренность с Лигой арабских государств, — но они тут. В САС полагают, что готовится наступление. Кто-то из мужчин говорит: «Люди очень напуганы, они боятся регулярной армии». Он считает, что наш приезд и торжественные похороны мучеников возможны лишь благодаря присутствию Свободной армии. Раньше патрули сил безопасности беспрепятственно циркулировали по городу, заходили в дома, арестовывали людей.

Гнев рассказывает: их люди в Хомсе не хотят больше принимать журналистов, и это — общее мнение. Наша группа будет последней, а потом — khalas, баста. Он сам не очень понимает почему: может, там ждут масштабной атаки? Или это из-за гибели Жиля Жакье?

Как объясняет мне Райед, Гнев считает, что наше здешнее пребывание — это нечто вроде amana, что можно приблизительно перевести как «перевалочный пункт». Иными словами, он несет за нас ответственность только до Хомса.

Вчера наш хозяин отослал жену с детьми к ее родителям. «Чтобы они вам не мешали, так будет свободней». В любом случае, женщины здесь — почти невидимы. Это мир мужчин. Иногда можно встретить женщину на улице: под покрывалом, но лицо видно. Вчера Гнев в машине разговаривал с матерью одного из мучеников и с женой Д., парня из Триполи. На демонстрации были женщины, но они стояли в стороне, возле двери одного из домов; они тоже пели, но держались отдельно от мужчин.

Приехал офицер САС Абу Хайдер, mulazim awwal. Он — уроженец Аль-Кусейра. Джинсы, военная куртка со знаками отличия (две звездочки), густая борода, руки рабочего человека. В регулярных войсках прослужил шесть или семь лет. К началу революции нес службу в Дераа и сперва принял позицию властей: революция — это заговор против Сирии. Но вскоре его взгляды поменялись. Он ушел из армии в августе, во время Рамадана, но официальных заявлений по телевидению не делал. Один из его друзей был ранен силами shabbiha во время мирной манифестации, в которой он тоже участвовал. Абу Хайдер привез его в скорую помощь, но друг умер. В ту пору больница еще работала. Там его мертвого друга сняли на видео и показали по «Dunya TV»[18], представив невинной жертвой, погибшей от рук террористов. Эта ложь возмутила Абу Хайдера и подтолкнула его к дезертирству. Тогда частей Свободной армии в городе еще не было.

Абу Хайдер состоял в особом подразделении Управления химической войны; в его обязанности входило запускать с помощью специальных механизмов цветной дым над строениями, которые надо было защитить от обстрелов.

Он утверждает, что еще в августе был свидетелем бомбардировки с воздуха (во время манифестаций) жилых кварталов и мирного населения в Дераа. Перебежчики из правительственных войск составляли на тот момент уже несколько подразделений, они стали основой будущей САС, регулярная армия войти в город не могла и послала авиацию.

Гнев собирается отвезти нас на автостраду, куда Абу Брахим должен прислать кого-нибудь, чтобы отвезти нас прямиком в Баяду. Раньше мы планировали попасть в город через Баба-Амр, но нам категорически отказали. Спор по мобильнику на повышенных тонах. Вчера были обстреляны из танковых орудий Баяда и Халиди, такое случается нечасто. Ситуация напряженная.

Люди из САС в Баба-Амре уверены, что shabbiha и силы безопасности будут специально отстреливать иностранных журналистов, чтобы подтвердить свою версию о террористах.

Поэтому нас и хотят отправить побыстрее. Считают, что здесь слишком опасно.

Яростные перебранки по телефону с Абу Брахимом, связь то и дело прерывается, спор идет о выборе места встречи на автостраде. Абу Хайд ер включил громкоговоритель и буквально кричит в трубку.

Фото на мобильнике Д.: грудные дети, друзья, летние вылазки на природу с курением наргиле на берегу реки, «Узи» с глушителем, маленький закамуфлированный грузовичок с пулеметом, укрепленным у заднего борта: «мерседес» — последний писк…

Переговоры продолжаются. То, что предлагает Абу Брахим, неприемлемо: слишком далеко, слишком опасно. Въезжать надо через Баба-Амр, это обязательно. Тамошние люди соглашаются, но только при условии, что нас отвезут к Абу Брахиму без промедления.

* * *

Полдень. Абу Хайд ер везет нас на хутор, где располагается опорный пункт САС. Дюжина мужчин в военной форме, большинство — в балаклавах, у каждого — по калашу. Белый пикап «тойота-хайлюкс» с душкой калибра 14,5 мм, стоящей сзади, и дверями, обклеенными стикерами katiba «Аль-Фарук». Парни позируют для фото с флагом, душкой и гранатометом, в балаклавах и с непременной куфией.

Потом мы позируем все вместе: с закрытыми лицами, с оружием и плакатом katiba. Все это похоже на курсы для начинающих партизан, специализирующихся на связях с общественностью.

Абу Ахмед, командующий северным сектором Аль-Кусейра. Дезертировал из регулярной армии офицер в звании mulazim[19]. Густая борода, но без усов, look — «исламист». Из армии он ушел еще до восстания, по причине личного конфликта, и с первых дней революции оказался в САС. Уже в апреле они попытались сформировать свои подразделения, но боестолкновений с силами, верными режиму, еще не было.

Свободная армия сохранила связь и с военными отставниками, и с теми, кто продолжал служить в правительственных войсках. Там у нее много сторонников, симпатизирующих, офицеров, которые помогают, особенно в поставках оружия. Таким образом повстанцы получают половину необходимого им вооружения. Самому Абу Хайдеру эти связи

очень помогли оставить службу в регулярных войсках и перейти на сторону повстанцев.

Naqib[20] Абу Абайда — так звали офицера, который сформировал и возглавил katiba. Его убили 28 сентября. Один из солдат показывает снятый на мобильник труп Абу Абайды.

Потом мне демонстрируют видеоролики о прибытии танков Т-72 в Кусейр 16 декабря. Сначала сняли, как их везут, в большом количестве. Затем фотография разбитого танка.

Дальше нападение на конвой: несколько машин горят, одну разбило выстрелом из РПГ, сцена сопровождается криками «Allahu akbar!». Все это произошло 16-го, повстанцы бросились в атаку, как только прибыла военная техника. Утверждают, что уничтожили три танка и девять БМП. Танки загорелись не сразу, и им удалось вытащить тринадцать солдатских трупов и семерых взять в плен. На следующий день они заставили шофера из регулярной армии отвезти трупы своему начальству. На этот жест правительственные силы ответили бомбардировкой города: погибли три десятка человек.

На том же мобильнике — фотография Заркауи с Усамой бен Ладеном.

Райед: «Куда же это мы попали?» Они хохочут: «Именно туда, куда нужно: это наши большие друзья!»

Сняты и тела shahids — все обнаженные, прикрыты только половые органы. Раны сняты крупным планом. Настоящий вернисаж тел мучеников.

Офицеры продолжают рассказывать: katiba ввязывается в стычки редко. Задача подразделения — контролировать Аль-Кусейр: укрепленные правительственные кордоны им не мешают. Они идут на столкновение только в ответ на атаки правительственных сил, в ответ на их маневры. А люди Асада не рискуют больше арестовывать людей просто так — только во время каких-нибудь организованных рейдов.

Два месяца назад бойцам САС удалось захватить мэрию, но армейские части вернулись и выбили их оттуда. Однако вот уже две недели, как действует договоренность с офицером, сидящим в мэрии: чтобы не спровоцировать новую атаку повстанцев, укрывшиеся в здании снайперы больше не стреляют. Повстанцы свободно передвигаются по городу в своих пикапах, солдаты правительственных сил их видят, но не трогают.

В Аль-Кусейре свой переход на сторону повстанцев афишировать не принято: люди продолжают жить у себя дома или собираются туда вернуться и не хотят проблем для своих близких. Поэтому здесь так распространено ношение балаклавы.

Многие из перебежчиков, вливающихся в ряды Свободной

армии — по одному или целыми группами, — позволяют себя фотографировать с открытым лицом и военным билетом в вытянутой руке; эти ролики затем выкладываются в YouTube как доказательство падения морального духа правительственных войск и укрепления позиций САС.

Один из солдат рассказывает: он служил в Дераа в звании raqib[21], возглавлял небольшое армейское подразделение. Ему довелось присутствовать при казни одиннадцати гражданских лиц в Лараа, недалеко от места его службы. Расправой командовал naqib Манхел Слиман, в ней участвовал также naqib Ранди. Рассказчик утверждает, что офицеры не отдавали рядовым команды открывать огонь и стреляли сами. Никого из сил безопасности при этом не было. Среди жертв — мальчик одиннадцати лет.

В Дазиле войска Асада окружили город двумя сотнями танков, отдав им приказ обстреливать все машины, выезжающие из города, а силы безопасности и shabbiha тем временем добивали сидящих внутри. Солдат утверждает, что сам стрелял в воздух. Рассказывает также, что с людьми из shabbiha были иранцы: они говорили на своем языке и делали то же самое, что и остальные.

Его друг, пулеметчик с танка Т-52[22], получил приказ стрелять по крыше, откуда за происходившим наблюдали мирные граждане. Он отказался и был расстрелян. Пулей в спину. Сам рассказчик находился в подразделении связи, в стороне от места событий, и потому не видел, кто стрелял. Его друг был из Хомса, его звали Махмуд Ф.

Нас знакомят еще с одним парнем, он дезертировал из авиационной разведки, где служил рядовым. Ему довелось быть свидетелем пыток, что и побудило его перейти на сторону восставших. Но своего военного билета он не показывает, утверждает, что документ лежит дома.

Парень рассказывает, что в Эр-Растане много дезертиров из mukhabarat. Некоторые бежали в Иорданию.

* * *

По дороге домой, в машине, Абу Хайдер объясняет, что Заркауи — его кумир, потому что он приехал в Ирак, чтобы бороться с Ираном и шиитами. Однако Абу Одаи, который сидит за рулем, умеряет его пафос: «Но здесь, в Сирии, все совсем по-другому».

* * *

У Абу Амара. Встреча с Абу Низором, врачом, обслуживающим расположенный в обычной палатке медицинский пункт у границы. Он немного говорит по-английски. «It’s quiet here. Nearly romantic»[23]. За докторами, которые лечат раненых, секретная полиция ведет слежку. Это опасное занятие. Вот уже два месяца, с тех пор как государственная больница в Аль-Кусейре была захвачена регулярными войсками, она больше не работает. Тогда он и решил организовать свой пункт помощи. К ним поступают тяжелораненые из Баба-Амра, и они стараются их переправить в Ливан. Кроме того, у них немало хлопот с беременными женщинами: кесарево сечение можно теперь сделать только в Хомсе. А попасть туда не так просто.

Медицинский пункт в Аль-Кусейре — тот, который мы видели, — открылся две-три недели назад. Они собираются открыть еще один, поближе к центру города.

Абу Низор — врач общей практики, но он немного сведущ и в хирургии: учится на ходу. «See one, do one»[24]. Уже научился делать операции на брюшной полости и другие базовые вещи. За ним охотятся люди из muhabarat, однако семью они не трогают. Денег за свою работу Абу Низор не получает, но ему помогают — и родственники, и чужие люди. Временами у него бывает такой наплыв страждущих, что он не успевает спросить, кого как зовут, и никаких записей не ведет. В иные дни он — в одиночку — принимает до двух десятков пациентов.

Солдаты правительственных войск обычно целятся в голову или в грудь, поэтому раненые часто погибают от отсутствия медицинской помощи: «Sometimes we see the patient die in front of us, and we can’t do anything»[25]. У него нет возможности ни сделать необходимую операцию, ни отправить раненого в Ливан. Перейти границу не так просто. Часто приходится ждать — час, два, иногда она вообще закрыта. Случается, что пациенты умирают прямо на границе, некоторых едва успевают довезти до медпункта, и они умирают на глазах у врача. К тому же, чтобы добраться отсюда до Триполи, нужно четыре часа, зачастую это оказывается слишком долго.

* * *

15 часов. Манифестация. В том же месте, что и вчера вечером, но народу собралось в два раза больше. В сторонке — около сотни женщин. Те же лозунги нараспев, те же танцы в

ряд — взявшись под руки, под барабанный рокот. Дети — совсем маленькие и постарше — на плечах у отцов, часто с флагами в руках. Женщины отбивают ритм, хлопая в ладоши. Большинство — под покрывалом, у некоторых плотно прикрыта нижняя часть лица, в углу несколько женщин в никабах: видны только глаза. Дети, в том числе и девочки, поют лозунги в микрофон, и толпа танцует в такт их пению. Среди лозунгов есть и религиозные.

Потом мы объезжаем квартал на мотоцикле. Видим посты, выставленные САС для защиты митингующих, разбитый танк, неразорвавшийся снаряд nail bomb[26]. На улице холодно, хотя вторая половина дня выдалась солнечной. Небо окрасилось в розовые тона, над крышами домов стайками кружат перелетные птицы.

На перекрестке дороги, ведущей к озеру Катина, снова заходит разговор о событиях 16 декабря. Танки пытались войти в Аль-Кусейр как раз через этот перекресток. В первый вечер колонной прошли шесть машин Т-62, без пехоты, и САС удалось подбить один из них. Два дня спустя армия сделала вторую попытку — два танка в сопровождении пикапа. Танки были подбиты, а грузовик захвачен. Все шестеро солдат, взятых в плен, перешли на сторону повстанцев.

* * *

У Абу Амара. 17.30. Из Баба-Амра приехал Гнев с каким-то парнем по имени Ибн-Педро. САС прислала его, чтобы отвезти нас в Хомс. Час назад, уже в сумерках, мобильный патруль застрелил друга Гнева. Он был солдатом и два месяца назад дезертировал из органов госбезопасности. На патруль они наткнулись вдвоем с приятелем: им удалось развернуться и они стали удирать по лесу сначала на машине, потом бегом, пока один из них не получил пулю в спину. Все произошло как раз в той зоне, где мы были вчера, недалеко от блокпоста Свободной армии на мосту, по которому возят контрабанду. Ребятам с блокпоста удалось найти тело.

Информация: над этой зоной совершает разведывательные полеты самолет с приборами ночного видения, поставленный Ираном.

Абу Амар: «Армия коррумпирована, она превратилась в воровскую шайку: те, кто может откупиться, служить не идут, призывают только бедняков.

Военачальники некомпетентны, этот государственный инструмент неэффективен. Армия нужна только для того, чтобы обогащать правящую верхушку алавитов».

Он служил в армии три года, был младшим офицером. До событий регулярная армия находилась в состоянии пониженной боеготовности: она не располагала современными средствами связи, разведки и т. д. Иранская военная техника появилась у нее только с началом революции.

Но сегодня армия полностью криминализована.

18.30. Санитар, с которым мы вчера встречались в медпункте, арестован на каком-то КПП. Арестован случайно, потому что в розыске не числился. А медпункт, где мы были, уже ликвидирован. Все мед средства — вывезены.

Райед объясняет мне похоронный ритуал: тело shahid не моют, его хоронят окровавленным. С него снимают всю одежду и в этот момент часто фотографируют или снимают на видео, чтобы задокументировать ранения во избежание возможных спекуляций. Потом труп заворачивают в саван.

Если есть возможность, его хоронят в момент полуденной молитвы, иногда в ближайшую ночь после смерти. Тело кладут у стены, указывающей направление в сторону Мекки, и произносят молитвы, обязательно стоя, не преклоняя колен, десять раз повторяя вместе с имамом «Allahu akbar!».

21.00. Гнев и Ибн-Педро шутят по поводу виски, который мы пьем: обещают перерезать нам горло. Райед: «Так это правда — то, что Башар рассказывает о салафитских террористах?» Все хохочут. Они утверждают, что мы сможем попасть в Баба-Амр, но будем последними. В САС есть подозрения, что некоторые журналисты — двое англичан? — шпионили в пользу режима.

Когда мы были в Хомсе, я слышал историю о журналистах-шпионах в разных вариациях. И каждый раз их национальность была другой — марокканцы, немцы, итальянцы, — но их всегда было двое. Похоже, что подобный инцидент действительно имел место, но никаких деталей мне обнаружить не удалось.

Недели две назад солдаты правительственных войск приходили сюда, к Абу Амару, и утащили все матрасы, одеяла, мазут, всю еду, которая была в доме, и вдобавок сломали кондиционер. Хозяину пришлось все покупать снова. Непонятно, почему воры не взяли телевизор.

Г де-то около 23 часов люди поднимаются на крыши и

выкрикивают takbir[27]: все дружно скандируют «Allahu akbar!». Клич разносится далеко. И, разумеется, с заградительных армейских постов начинают стрелять. Это повторяется каждый вечер.

Четверг 19 января. Аль-Кусейр — Баба-Амр

Сытный завтрак, хумус с мясом, musahab с хумусом и foul[28], сыр, домашний творог, оливки… Абу Амар: «Наедайся как следует, ты едешь в Тора-Бора!» В шутку предлагают нам подносить снаряды. Гнев весь погружен в свой бизнес: «Я сегодня встречаюсь с людьми из САС, надеюсь получить от них пару бенджаминов франклинов!»

Заходит боец в балаклаве и вязаном шарфе, раскрашенном в цвета свободной Сирии. Как нам объясняют, он дезертировал из правительственных войск всего три часа назад. Звание — mulazim, служил в Дамаске, сюда приехал в увольнительную и стал «отказником». Армейскую форму снять не успел: на нем камуфляжная куртка. Его брат, тоже mulazim, попал в тюрьму за то, что отказался стрелять в манифестантов. Парень боится за брата, поэтому и закрыл лицо. Собирается вступить в САС. На минуту снимает балаклаву, чтобы мы могли убедиться, что фотография на военном билете — именно его.

Лицо напряженное, он явно нервничает. Глаза беспокойно бегают. Наш хозяин начинается его ругать: «Ты же военный, где твоя храбрость! Почему прячешь лицо? Офицер командует другими, он должен служить для всех примером».

Друзья рассказали этому парню, что происходит в военных тюрьмах Дамаска, Кабуна и Аазра. Там держат офицеров за высказывания против режима или за отказ стрелять. Узники разных вероисповеданий сидят в разных камерах и никогда не пересекаются; в этих тюрьмах — полный набор религиозных конфессий: друзы, алавиты, христиане и т. д.

Наш новый знакомый служил в авиации, на военном аэродроме Дюмайр, в пригороде Дамаска. Был вторым пилотом на вертолете Ми-8. Он утверждает, что «вертушки» с установленным в дверях пулеметом калибра 7,62 использовались против манифестаций в Забадани. Поначалу людей только пугали, но потом все-таки стали стрелять.

* * *

11 часов. Отъезд под дождем, с нами Гнев и Ибн-Педро. В кабине места нет, я сижу скрючившись в задней части пикапа между ящиками со снарядами. На выезде из Аль-Кусейра снаряды и два противотанковых гранатомета перегружают в грузовик, который ненамного больше нашего. За рулем — другой шофер. *Я*

пересаживаюсь в кабину — на колени к Райеду, рядом — Ибн-Педро, Гнев — с другой стороны. Шоссе, затем нескончаемая, грязная проселочная дорога, пикап трясется по колдобинам, а навстречу вереницей идут грузовики — те, кто тоже хочет объехать армейский пропускной пункт. Дождь перемежается с градом, в промежутках выглядывает солнце. Через несколько километров, в какой-то деревне мы нагоняем грузовик, перевозящий медикаменты, спрятанные в кузове с двойным дном, и еще один маленький грузовичок. Затем быстро двигаемся до третьей деревни. Дорогой между Абу Абдаллахом, нашим водителем, и Райедом завязывается спор о салафизме. Абу Абдаллах: «Ну и что, видел ты здесь салафитов, как утверждает Башар?» Райед: «Это как посмотреть. А кого ты считаешь салафитами?» — «В этом-то вся и штука. Слово имеет два разных толкования. Мусульмане из страны Шам[29] придерживаются умеренных взглядов. Чтобы в жизни был порядок, они следуют примеру своих набожных предков, верующих прежних времен, которые жили по законам ислама. В этом базовый смысл салафизма. Другой смысл — такфиризм, джихадизм, терроризм — придают ему американцы и Израиль. Но к нам это не имеет никакого отношения».

Въезжаем в деревню и паркуемся возле одного из домов. Навстречу выходят женщина и улыбчивый мальчик, который крепко жмет нам руки — настоящий мужчина. Нас проводят в гостиную: придется подождать. САС засекла какое-то движение армейских подразделений, переход границы откладывается. Не исключено, что ждать придется довольно долго.

Диалог между Райедом и Ибн-Педро. Ибн-Педро спрашивает, что мы хотели бы поесть, когда приедем в Баба-Амр, чтобы предупредить тех, кто нас ждет. Райед: «Свинину!» Ибн-Педро: «Тогда, специально для тебя, зарежем шиита». Райед: «Ну вот, видишь? И скажи теперь, что ты не фанатик». Ибн-Педро: «Может, и так, но не я первый начал. Это они виноваты».

Ибн-Педро рассказывает, что у Свободной армии в Баба-Амре есть тюрьмы, где содержатся shabbiha. Там проводятся судебные процессы «по всем правилам. Тех, кто виновен в гибели детей, приговаривают к высшей мере». Кроме того, там практикуются обмены заключенных, в частности, с того момента, как в страну приехали наблюдатели из арабских стран.

Он лично видел, как приговорили и расстреляли какого-то агента спецслужб. «Он убивал детей». Очень туманно. «Кроме того, он стрелял в меня». Ибн-Педро показывает рану в районе брюшной полости. Чепуха. На самом деле эту отметину ему полтора месяца назад в Инша’ат оставил снайпер, после чего его

лечили в подпольной клинике.

Оживленный спор между Райед ом и Ибн-Педро. Первый упрекает второго за перегибы и передергивание. И объясняет, что журналисты обязаны распространять правдивую информацию, а вранье и искажения наносят вред и им, и их делу.

Райед уточняет то, что сказал Абу Абдаллах о салафизме. В нем различают три течения: первое — такфири-джихадистское, made in USA; второе — jamaat at-tabligh[30] — транснациональное, неполитическое, имеющее целью распространение ислама в мусульманских сообществах, что роднит это течение с движением «Братьев-мусульман». И наконец, третье направление, интеллектуальное — tahrir al-uqul, «либерализация мысли», неполитическое, религиозное и элитарное.

Райед объясняет свои планы Ибн-Педро, который предлагает (чтобы передвигаться в Хомсе более свободно) заказать ему фальшивое удостоверение личности, где было бы написано «христианин». Это займет 10 дней, потому что такие документы изготовляются в Ливане.

Ожидание затягивается. Райед болтает о всяких пустяках, показывает фотографии на своем ноутбуке. Пьем чай. Мужчины молятся. Райед показывает pdf своих публикаций: очень полезно, чтобы к нам относились с большим доверием[31]. «Эти вещи и другие подобные способны скорее привлечь большое количество читателей своей новизной и диковинностью, чем оттолкнуть их своей фальшью». («Жизнь Ромула», XVIII). Прекрасно подходит к истории, рассказанной Ибн-Педро.

Мальчишка — настоящий каид. Когда я спросил у него, как пройти в туалет, он бросился вперед, втолкнул свою мать в комнату и захлопнул дверь.

Разговор между Райедом и Абу Абдаллахом, нашим водителем. Абу Абдаллах — инженер-электрик, он шесть лет учился в Инженерном университете Дамаска. В 1990-х годах работал на нефтеперерабатывающем заводе, откуда его выгнали за то, что он не хотел прикрывать коррупцию. Чтобы работать по специальности, ему пришлось уехать в Эмираты, где он провел два года. Потом вернулся в Сирию и завел свое дело. А теперь помогает повстанцам по части материально-технического обеспечения: возит туда-сюда раненых, оружие и журналистов.

Абу Абдаллах расспрашивает нас о позиции, которую занимают народ и правительство Франции, а Райед объясняет, что в принципе они поддерживают восставших, понимают их недовольство и осуждают зверства режима. Водитель соглашается, однако замечает, что от такого отношения им

никакой пользы: оно не ведет к конкретному результату. Райед не согласен: дипломатическое давление не дает режиму возможности ужесточать репрессии. «Вспомни, что они сделали в Хаме[32]!» Абу Абдаллах: Хама — это другое дело, там было восстание, начатое политическим движением — «Братьями» — и поддержанное Саддамом Хусейном. Сегодня восстал народ, а политические партии бегут за ним, чтобы догнать и оседлать революцию. Особенно это касается «Братьев-мусульман», коммунистов и салафитов (имеется в виду течение tahrir, уточняет Райед, потому что другие два в Сирии отсутствуют). Он полагает, что в последние два месяца политические партии по сути стараются вскочить в поезд на ходу.

«Братья» — это партия, и ей нужны результаты, политический выигрыш. Движение повстанцев чувствует это, что называется, на своей шкуре. То же самое с коммунистами, особенно в Джебель-Завие (в районе города Идлиб) и в Саламие (между Хомсом и Хамой, где много исмаилитов). Обе партии стараются восстановить свою социальную базу. Но сирийская улица не хочет политизации своего движения. Восставшие принимают помощь, откуда бы она ни исходила, но она не должна быть политически обусловлена.

Организация «Братья-мусульмане» готова поддержать повстанцев, но на определенных условиях: в частности, она хочет координировать их действия, диктовать лозунги манифестантам, которые должны выходить на улицы от ее имени. Повстанцы отказываются. Потом, когда будут выборы, «Братья» вольны в них участвовать. Но сирийская улица взбунтовалась не для того, чтобы оформиться в какое-то политическое движение, а в ответ на репрессии и унижения.

«Я отношусь к тем людям, которых политика не интересует. Когда я вышел на улицу, то сделал это вовсе не для того, чтобы Башар ушел. Мы хотели всего лишь более или менее достойной жизни, чтобы было что есть и чтобы нас уважали. Ведь для нас даже верить в своего бога — целая проблема. Если ты встречаешь людей в мечети, куда приходишь, чтобы укрепиться в своей вере, то тут же получаешь в их лице врагов: тебя будут представлять как оппозиционера-исламиста. Все общественные институты политизированы партией „Баас“: школа, университет. Сирийский народ чувствует себя, как в курятнике: ты можешь есть, спать, нести яйца — и это все. Думать тебе заказано. Мы — под властью „Баас“, а Башар Асад — наш президент навсегда. И никакой альтернативы.

Подобного тому, что происходит в Сирии, нет нигде, разве что в Северной Корее. Нам вбивают в голову, что мы — великий

народ, что мы боремся за весь арабский мир против Израиля, против империализма. Но власть нас кинула, она кинула всех арабов, кинула палестинцев, Голаны. Вся элита уже давно за границей, а почему? Потому что они поняли, откуда ветер дует. А для остальных в Сирии думать и понимать — непозволительная роскошь».

Поначалу Абу Абдаллах был слабо подкован политически, плохо разбирался в происходящем и был готов на все, чтобы избавиться от режима. В первые месяцы, возмущенный зверствами властей, он мог бы согласиться даже на иностранную интервенцию. Сегодня он относится к вмешательству извне более сдержанно и не готов сменить одно зло на другое.

Кроме того, он уверен, что Франция, США и вообще Запад смотрят на репрессивную политику Асада сквозь пальцы, потому что им выгодна слабость Сирии, которая отвечает интересам Израиля. Им не нужна сильная, демократическая Сирия с мощной армией.

Обдумываю мысль, которая пришла мне, когда мы ехали в грузовике: двойная структура общества. В ответ на созданную государством плотную полицейско-сыскную сеть граждане выстроили свою — из гражданских активистов, уважаемых лиц, религиозных иерархов. И она постепенно обрастает военизированными подразделениями, сформированными из армейских отказников, объединившихся в Свободную армию. Вторая — гражданская — структура противостоит первой, одновременно как бы обволакивая и поглощая ее (дезертиры и информаторы из армии и mukhabarat). Когда передвигаешься по стране, эта двухслойность становится особенно заметной: постоянные пересадки с машины на машину, бесконечные посредники, явочные квартиры, беспрерывная связь по телефону во избежание неприятных неожиданностей.

Можно представить дело так, что сирийское общество пребывает в состоянии раздвоенности, что две общины живут в стране бок о бок, находясь в состоянии смертельного, неразрешимого конфликта. До революции пассивное сопротивление режиму тоже было, но люди оставались встроенными в структуру общества, были связаны с ней многочисленными нитями. Теперь же гражданский слой окончательно отделяется от государственного, обрывая одну за другой оставшиеся связи. Возникшие сообщества не могут мирно сосуществовать и будут бороться не на жизнь, а на смерть. Одно из них должно быть разрушено, а его осколки будут перемолоты теми, кто выживет.

* * *

14.30. Путь свободен. Абу Абдаллах и Ибн-Педро ушли сверять маршрут и убедиться, что преград не будет.

15.00. Они возвращаются: Yallah. Вещи мы оставляем, их нам привезут вечером. Ибн-Педро поедет вперед на первом грузовике с водителем; мы с Абу Абдаллахом отправимся за ними пятью минутами позже. У них есть какая-то своя, довольно сложная система оповещения друг друга на случай появления мобильного патруля, потому что телефоны здесь не берут. Если первая машина проходит, они дают предупредительный сигнал, и мотоцикл вернется, чтобы предупредить нас. Однако все проходит гладко. Подъезжаем к христианской деревне, возле которой — огромный химкомбинат. Абу Абдаллах открывает окно, и кабина наполняется отвратительным едким запахом: «Ну вот, мы находимся рядом с великолепным озером, которое любят посещать туристы, а здесь построили химический завод. Неподалеку есть нефтеперерабатывающее предприятие, и в результате в этих местах — самый высокий в стране уровень онкологических заболеваний». Вдалеке поблескивает озеро, широкой голубой каймой огибающее поселок. Горизонт скрыт сплошной серой облачностью, начинает накрапывать дождь, солнце прорывается снизу, из-под туч, освещая неуютный, утонувший в грязи пейзаж, над которым навис промышленный динозавр, выпускающий в небо тучи желтой пыли. Мы объезжаем озеро с юга и двигаемся вдоль него в направлении Баба-Амра и Хомса.

Выезжаем на автостраду Дамаск — Хомс, приподнятую над окружающей местностью высокой насыпью. Оживленное движение в обе стороны. По этой дороге я уже ездил — в 2009 году, с семьей: мы направлялись в крепость Крак де Шевалье, расположенную дальше, по дороге на Тартус. Сейчас же, уже почти до нее доехав, мы сворачиваем налево, поприветствовав какого-то человека. Чуть дальше, у одного из домов, нас ждет Ибн-Педро. Выходим из машины — дальше пойдем пешком.

Человек, с которым мы поздоровались на дороге, присоединяется к нам. Прощаемся с Абу Абдаллахом, дальше он с нами не поедет. Мы же продолжаем свой путь, и в этот момент дождь прекращается. Лужи блестят на солнце. Райед с незнакомцем шагают впереди, направляясь к тоннелю под шоссе, мы с Ибн-Педро слегка отстаем. Переход по тоннелю не представляет особых проблем, однако, чтобы не привлекать к себе внимания, лучше «не скопляться».

Наши сапоги облеплены грязью. Ибн-Педро помогает мне

засучить штанины: проявляет трогательную заботу о том, чтобы я не испачкал брюки, ведь грязища — чуть ли не по колено. Входим под мост: сразу за ним — армейский блокпост. Выглядывает солдатик, наши друзья перекидываются с ним парой слов, он делает знак, и мы проходим. Дальше наш путь лежит мимо каких-то промышленных объектов: бетонные стены полуразрушены, кругом все те же непролазные хляби. Шедший с нами незнакомец сворачивает налево, мы же с Ибн-Педро продолжаем идти прямо, все дальше отходя от железной дороги. Впереди — другая ветка той же «железки», а за нею — еще один блокпост, на котором, видимо, нет наших «друзей». Хотя в принципе, если вас пропустили на первом кордоне, то и на втором не видят оснований цепляться. За вспаханным полем, куда мы вступили, сделав довольно большой крюк, чтобы не месить липкую дорожную грязь, виднеется бункер, обложенный мешками с песком. Этот пост находится от нас метрах в пятидесяти, не больше. Проходим без затруднений. Дальше тянется ряд домов. Еще метров триста, и мы подходим к машине, где нас ждут двое бойцов, на переднем сиденье — Калашников. Мы садимся, машина тут же трогается с места. Городекой пейзаж постепенно уплотняется, и вот уже мы катим между рядами строящихся двухэтажных домов. Вокруг люди: это Жаубар, дальнее предместье Хомса.

Чуть дальше, в середине довольно широкого проспекта, на перекрестке — контрольно-пропускной пункт САС: молодые ребята с калашами улыбаются нам. Райед хочет их сфотографировать, но Ибн-Педро возражает. Шумный спор, мы останавливаемся. Ибн-Педро и Райед орут друг на друга. Проблема в том, что эти ребята — из другого katiba, и Ибн-Педро не хочет неприятностей. Он обещает, что мы сюда вернемся, но с их начальником. Трогаемся дальше. Узкие улочки, мешанина каких-то строений — то ли окраина, то ли деревня. Люди на машинах и пешеходы — все с оружием. Еще один блокпост Свободной армии. Они контролируют всю округу, а здесь — фруктовые сады Жаубара и Баба-Амра. Сразу за ними — первые жилые дома Баба-Амра.

Все стены испещрены рытвинами — следами от попадавших в них снарядов. Проезжаем мимо постов САС, один — рядом с лавкой торговца овощами: за спинами солдат видны ящики с товаром. Въезжаем в кажущийся пустынным квартал и останавливаемся возле командного пункта Свободной армии: квартира на первом этаже, одна из стен обложена мешками с песком. С десяток военных, хорошо вооруженных, что-то едят из котелков — еда приготовлена на всех. Мы трогаемся дальше,

квартал по-прежнему выглядит пустынным, и в наступающих сумерках разбитый взрывами бетон дорожного покрытия смотрится загадочно и красиво. Наконец останавливаемся возле какого-то дома, входим в квартиру — тоже на первом этаже. Здесь нас ждут Хасан и его люди.

16.20. Необходимые пояснения. Эта часть Баба-Амра называется Хакура — северная окраина квартала. Все жители Хакуры разошлись по окрестным деревням, из десяти тысяч жителей осталось только две семьи. А вообще в Баба-Амре раньше проживало где-то сто двадцать — сто тридцать тысяч человек.

Katiba «Аль-Фарук», который держит оборону Баба-Амра, насчитывает до полутора тысяч бойцов.

Комендант Хакуры — muqaddam по имени Хасан. Он утверждает, что жители покинули квартал еще в самом начале событий: его собственный дом был разрушен в ходе первой волны зачисток в Баба-Амре. Раньше он служил в Дамаске, в пехотном подразделении. О своем дезертирстве из армии он громких заявлений не делал, напротив, чтобы защитить семью от репрессий, люди из САС позвонили по его мобильнику его армейскому начальнику и сообщили, что он расстрелян. Для регулярной армии Хасан умер.

Его помощник Имад рассказывает, что в армии служит его родственник, который не дезертирует, зато поставляет повстанцам полезную информацию. Похоже, это очень распространенное явление.

Обстановка располагающая: нас усадили в гостиной и кормят sfihas с йогуртом. Ибн-Педро по своему обыкновению шутит по поводу салафитов и виски. Повсюду разложено оружие: M-16 с оптическим прицелом, пулемет 7,62 с круглым магазином, гранатомет с вязаной исламской повязкой, обмотанной вокруг ствола.

Мужчины ходят туда-сюда, подают чай. Какой-то парень волочет синтетическую сумку весом килограмм в пятьдесят: в ней несколько калашей. Офицеры достают оружие, рассматривают, начинают разбирать.

Бассель, смуглый молодой человек, в костюме и свежей рубашке, немного говорит по-английски. Фади, аккуратно подстриженный бородач, с озабоченным видом показывает след от пули на спине, полученной, когда он бежал от патруля. Пуля прошла навылет: на животе тоже отметина.

Появляется Мухаммед, молодой mulazim с бельгийской снайперской винтовкой «Герсталь» 7,62. Он утверждает, что

дальность у нее — до восьмисот метров. В своем подразделении он считается большим знатоком оружия.

Подходит Джедди («Дедушка»), ответственный за информацию, приятель Райеда, с которым они подружились в ноябре. Смеются, хлопают друг друга по спине: «Значит, ты и вправду снова тут?» Джедди знаком с Манон Луазо и Софией Амара, с ним работают несколько переводчиков, они могу мне помочь. Когда Райед заводит разговор о виски, Джедди достает свой пистолет и, смеясь, заряжает его: «Виски? Да я тебя сейчас пристрелю!» Все весело хохочут. «Вот вам еще один диктатор!»

Джедди предлагает пойти к нему, и мы начинаем собираться. Но между ним и Райедом возникает спор. Джедди хочет взять нас под свою опеку, а Райед предпочитает остаться ночевать здесь, с Хасаном и ребятами. Они препираются все громче. «Если тебя не устраивает, езжай обратно в Бейрут!» В конце концов Джедди обижается не на шутку и уходит. «Раз так, то выкручивайся, как знаешь!» Райед идет за ним, стараясь его успокоить, потом возвращается. Остаемся здесь. Райед объясняет нашу ситуацию Хасану и Имаду. Мы знакомимся, но поскольку начальник бюро переводов Баба-Амра только что ушел, хлопнув дверью, я опять не могу принять участия в разговоре.

Подходят еще несколько младших офицеров, среди них рыжий парень в бежевой камуфляжной форме, который вопит во все горло, как пьяный. Потом он выходит, а человек шесть мужчин проходят в глубь салона, чтобы встать на молитву. Короткий спор о том, кто ее поведет. Рыжий возвращается: значит, он не пьян и будет молиться со всеми.

18 часов. Вместе с Имадом выходим в город. Улицы темные, машин и освещения почти нет. Проходим перекресток, где раньше был пропускной пункт регулярных войск. CAC взяла его в окружение, отрезав от коммуникаций и жизнеобеспечения, и начала переговоры о сворачивании объекта. Поднимаемся по длинному проспекту: в конце него стоит еще один армейский шлагбаум, но с тех пор, как эвакуирован первый, этот чувствует свою слабость и не подает признаков жизни из опасения напороться на ответ со стороны повстанцев.

Посещение подпольного госпиталя Баба-Амра. У входа — несколько человек, среди которых и женщины, у стены стоят носилки. Длинный коридор разгорожен вдоль занавеской, за которой — палаты. Одна служит аптекой: шкафы полны лекарств, на столиках — перевязочный материал, сверху — небольшой электрический обогреватель, рядом сложены одеяла. На полу лежит женский анатомический манекен с обозначенными

внутренними органами и открытой половиной черепа. В углу — два автомата Калашников и бронежилет. Нас поят чаем, я беседую с доктором Абу Абду, он немного говорит по-английски. Раньше был врачом общей практики в государственной больнице, но с началом событий уволился. «Our work improves since March. We have a pool of doctors. Our work is better now»[33]. Фотографироваться отказывается: если органы безопасности узнают, чем он занимается, его семье грозят неприятности.

Он объясняет: вначале врачи сами приходили к больным на дом. Потом нашли это место, но не было ни оборудования, ни материалов. Люди им помогали, и постепенно у них появилось все необходимое. Медикаменты получили из Ливана, кое-что дали городские аптеки.

Сейчас они могут делать даже хирургические операции. Но уровень этих операций выяснить трудно. Хирурги есть, есть кетамин для наркоза. Но не хватает средств дренажа, некомплект хирургических инструментов. Кроме того, некоторые врачи живут в других кварталах города, и если армейские части блокируют Баба-Амр, то они не могут добраться до госпиталя. Бывает, что необходимо сложное хирургическое вмешательство, а специалист этого профиля прийти не может.

Иногда им приходится посылать врачей и все необходимое в другие места — в Эр-Растан, в Тальбису.

Количество раненых — разное. Иногда трое-пятеро за день — подстреленные снайпером. Если же город обстреливают армейские части, то может быть сто и даже полтораста человек. Никакой статистики они не ведут. Три месяца назад, во время рейда армейских подразделений, им в руки попал рентгеновский снимок грудной клетки одного из пациентов. На снимке было обозначено его имя, и оно тут же попало в списки госбезопасности.

Жители Баба-Амра опасаются посещать госпиталь из-за слежки mukhabarat, а позволить себе частные клиники они тоже не могут — слишком дорого. Агенты mukhabarat могут арестовать или, как минимум, помешать людям получить медицинскую помощь, если выяснится, что они — жители Баба-Амра.

Наша беседа принимает политический оборот. Абу Абду: «Хомс — это большой город, расположенный в центре Сирии и окруженный деревнями — как шиитскими, так и алавитскими. Чтобы бороться с революцией, правительство снабдило деревенских жителей оружием. И тут начинаются неприятности, потому что митингующие выступают уже не столько против правительства, сколько против шиитов или алавитов. Мы

получаем колоссальную головную боль.

И теперь, если тебя хватают и ты оказываешься жителем Баба-Амра, тебя попросту убивают».

Он показывает мне видео, скачанное, судя по всему из YouTube: на экране — двое молодых парней, один из Халдии, другой — из Баба-Амра. Агенты shabbiha схватили их в Аль-Захре и — живым — отрезали головы ножом. Снято на аппарат высокого разрешения: когда начинают орудовать ножом, весь экран заливается кровью. Убийцы ставят обе головы на пол, а рядом втыкают нож. Одна из голов, уже стоя на полу, продолжает вздрагивать, видимо, из-за пульсирующей крови. «You see this? How can we stop when they do this?»[34] Абу Абду говорит, что знает обоих парней, но сообщить мне их имена не может, потому что их близкие не знают, как они погибли.

«Вначале shabbiha приходили с палками, выкрикивая „Башар, Башар!“ Потом они стали ходить с оружием. Правительство утверждает, что проблема — межконфессиональная, но оно же само ее и создало. Власти готовы убивать людей с обеих сторон, чтобы разжечь страсти еще больше. И вот уже алавиты заявляются в центр города, похищают наших женщин, насилуют наших дочерей и снимают все на видео. They put the videos on the web to say: „See, we fuck Sunni girls“. For us this is very heavy, as Arab and Muslim people[35]».

Лицо доктора, пока он говорит, дергается от тика.

Он предлагает познакомить меня с женщиной-заключенной, которая помогала shabbiha похищать и насиловать девушек. Она — *censored*тка, из алавитов. Ее поймали в такси, офицеру и троим его помощникам удалось сбежать (история довольно запутанная), и девица все рассказала.

Райед ожесточенно спорит с каким-то бородатым воякой, тупым и агрессивным, с повязкой на густых, как шерсть, волосах. Бородач, которого зовут Абу Бари, не хочет показывать нам арестованную. Говорит, что это ни к чему. Они уже показывали ее журналистам, но никто так ничего и не напечатал. Райед продолжает орать. Это довольно утомительно — так надсаживаться целый день.

На самом деле Абу Бари — не военный, а, как я пойму позже, гражданское лицо, руководитель этого госпиталя. Впоследствии у нас будут с ним проблемы и, несмотря на вмешательство людей из руководства CAC, он категорически запретит нам появляться в его клинике.

В соседней комнате, хорошо нагретой радиаторами, лежат

двое раненых, за которыми присматривают две медсестры, обе под ваулью, но в зеленой госпитальной форме. Прикрыв лица раненых кусками ткани, мне позволяют их сфотографировать. У первого — осколки минометного снаряда в животе, плечах и ногах, он получил их четыре дня назад на улице Бразиль в Инша'ат. Его оперировали в государственной больнице, а потом перевезли сюда. Второго сегодня утром подстрелил снайпер, ранив в грудь и руки, когда он покупал хлеб на той же улице Бразиль. Пули ему извлекли в другом подпольном госпитале в Баба-Амре.

Пока я сижу у раненых, Райед и Абу Бари продолжают ругаться в коридоре. В конце концов Абу Бари заходит в палату и выводит искомую девицу, которая, оказывается, была совсем рядом со мной: сидела, прикрывшись одеялом. На ней черный платок и длинное синее платье. Мы с Райедом получаем возможность поговорить с ней в аптеке, без свидетелей, чье присутствие могло бы ее смутить.

Рассказ этой женщины получился довольно бессвязным, видимо, поэтому никто из журналистов, беседовавших с ней, не смог его использовать. К тому же она говорила на каком-то диалекте, что еще больше усложняло дело. В основе своей эта история безусловно достоверна, потому что мы слышали ее и от других людей, которые называли то же самое имя младшего офицера, начальника из mukhabarat — некоего Абу Али Мунзира. Девица назвала нам и имена женщин, похищенных и изнасилованных Мунзиром; мы пытались их разыскать, но безуспешно, и я не вижу смысла приводить их имена здесь, как и имя нашей свидетельницы. Она рассказывала свою историю с хитрой улыбкой, бросая на нас из-под платка призывные и кокетливые взгляды. Ее рассказ свелся к следующему: родом она из маленькой деревни по дороге в Пальмиру; читать и писать не умеет, поскольку в тех местах не принято учить девочек грамоте. В пятнадцать лет вышла замуж и пере ехала жить в Хомс. Два года назад развелась и начала работать «артисткой», как это у них называется, в Хаме и окрестностях. Дальше история становится невнятной: якобы бывший муж заявил на нее в полицию, ее арестовали, пытали, заставили пройти медицинское обследование и все в том же роде.

С Мунзиром она познакомилась в тюрьме, он служил там надзирателем. После освобождения она вернулась в родную деревню, а через два месяца снова уехала в Хомс. Утверждала, что Мунзир связался с ней по мобильнику и предложил выступить в роли приманки в похищении юных сестер, которых он якобы хотел обменять на двух молодых алавитов, захваченных САС.

Детали похищения интереса не представляют. Девица сообщила, что не присутствовала при изнасилованиях: ей якобы рассказала об этом какая-то женщина из Алеппо, которая все видела своими глазами.

В первой палате, рядом с входной дверью, двое только что поступивших раненых. Мы попытались туда войти, но мужчины не хотели, чтобы их видели: «Это не положено». Боязнь muhabarat уже стала устойчивым рефлексом? Паранойя обостряется. Нас выставляют за дверь. «Я не хочу, чтобы мою фотку показывали по ящику!» — вопит на улице один из парней, с хохотом обгоняя нас на машине. Чтобы пообщаться с ранеными, нужно специальное разрешение военного командования. Опять переговоры да споры, и конца им не предвидится. Абу Хаттаб, один из врачей, наконец, объясняет нам, что эти раненые — пленники: «Режим нас истребляет! А мы своих арестованных лечим!» — «Именно так, — соглашается Райед, — и как раз потому вы должны их нам показать!» Исключено: требуется разрешение командования. Райед в сердцах бросает Абу Хаттабу: «Вы действуете такими же методами, что и власть!» Он взбешен. Ситуация накаляется до предела.

Потом Имад везет нас в другой медпункт, он поменьше, чем тот, где начальником Абу Бари, но там чисто и все хорошо организовано. Медпункт размещается в квартире. Врачей нет, только две медсестры. Хирургическое оборудование у них попроще, они могут оказывать только первую помощь. Пациентов со сложными ранениями приходится отправлять в другие места. Центр Абу Бари — по оснащению примерно такой же. Сейчас все заняты тем, что пытаются оборудовать маленький госпиталь в Баба-Амре — приличного уровня, где можно было бы оперировать.

Новую — будущую — клинику мы увидим через несколько дней. В моих записках все три медпункта будут пронумерованы в том порядке, в каком мы их посетили: первым был центр медпомощи Абу Бари, вторым — тот, о котором я только что рассказал: впоследствии мы узнаем, что его открыли Имад с друзьями. И наконец, третий — уже настоящий госпиталь, тоже был организован группой Имада при поддержке CAC.

10.20. Возвращаемся в квартиру знакомых Хасана. Мужчины сидят вокруг печки и рассказывают о своих подвигах. Я пью виски, похоже, что их это не раздражает. Обстановка благожелательная, не то что в клинике Абу Бари. Райед объясняет, что активисты организовали Информационное бюро, и

все журналисты должны обращаться туда, к тому парню по имени Джедди, с которым они недавно ругались. Политика бюро проста: снимать можно все, что не касается военной стороны дела, — митинги, страдания гражданского населения и так далее. Что же касается Свободной армии и ее действий — здесь есть серьезные ограничения.

Бассам, один из солдат, рассказывает об атаке, которую они провели три дня назад. Десятка четыре солдат хотели дезертировать, но силы безопасности не давали им этого сделать: их арестовали и посадили в Башню, как выразился Бассам, — массивное здание на улице Бразиль. Солдат, которых должны были казнить, держали на девятом этаже. Силы безопасности базировались на восьмом. Бассам и двое его друзей атаковали Башню, выпустив из гранатомета три ракеты по восьмому этажу и убив нескольких агентов mukhabarat. А потом вступили в переговоры: отпустите солдат или мы перебьем вас всех. Сорок военных и двое гражданских лиц были выпущены на свободу.

Затем Бассам начинает декламировать стихотворение из арабской классики. Звучит как музыка — прекрасная, ритмичная, чеканная и торжественная, восхитительная для слуха, даже если не понимаешь ни слова. У Райеда был знакомый офицер, который любил читать стихи, они текли из его уст, как ручей бежит с горы. Но его уже нет в живых.

Бассам — красивый парень: тонкие, слегка заостренные черты лица, аккуратно подстриженная бородка, орлиный взор и бандана на голове, уже начавшей лысеть. Типаж — «чеченский боевик» времен большой войны. Он не перебежчик, он — рядовой гражданин, взявшийся за оружие. Тридцать лет, не женат, приехал сюда из сельской местности Алеппо. Видя преступления режима, насилие, убийства и прочее, он месяц назад принял решение окончательно переехать из Алеппо в Баба-Амр и вступить в ряды Свободной армии. У него есть племянник, который учится здесь в университете и был членом координационного комитета в другом городе, это он и привел его в САС. А после все увидели, каков он в бою.

Раньше Бассам был журналистом, ему до сих пор предлагают работу в СМИ.

«Баба-Амр — это, можно сказать, государство в государстве. Самый безопасный городской квартал во всей стране. Люди могут ночью гулять по улицам, снайперов они не боятся. Прежде чем танки Асада приблизятся к ним, им придется пройти по нашим телам».

«Мы сражаемся за нашу религию, за наших женщин, за нашу землю и, наконец, за то, чтобы спасти свою шкуру. А у них всего

одна цель: спасти свою шкуру».

Он не согласен с тем, что в основе конфликта лежит религиозный фанатизм: «Мы не убиваем людей за то, что у них другая вера. „Тот, кто губит живую душу, когда его собственной жизни ничего не угрожает, покушается на все человечество“ — так сказано в Коране».

Бассам рассказывает мне о своей организации. Власть в Баба-Амре осуществляет Majlis al-askari, Военный комитет, во главе которого стоит Абдерразак Тласс и еще десяток офицеров. Бассам подчиняется им. Комитет пытается ввести в действие некий кодекс поведения, нечто вроде свода этических правил. Члены комитета — выходцы из регулярной армии, где экстремальное поведение считалось нормой: можно было творить что хочешь, убивать кого вздумается. Поэтому комитет считает необходимым предложить моральные ориентиры. В армии принято третировать мирных жителей, обращаться с ними невежливо и даже грубо. Члены комитета стремятся переломить эту тенденцию, они убеждены, что бойцы Свободной армии должны иметь хорошие отношения с населением. Он приводит мне примеры корректного поведения: когда они арестовывают офицера правительственных войск, они не позволяют себе обращаться с ним неподобающим образом. Они пытаются спорить с людьми из регулярной армии, задавая им в лоб вопрос: «Почему вы нас убиваете?»

Полночь. Райед показывает свою работу: похоже, ее оценили по достоинству. В коридоре бойцы продолжают возиться с оружием: разбирают, чистят, смазывают. *Я* замечаю еще одного «бельгийца» — калибр 5,56, с ним занимается толстощекий бородач в камуфляже и с белой куфией на шее. Это оружие, привезенное из Ливана, они купили.

Меня учат произносить фразу: «Ash-shaab yurid isqat an-nizam», что в переводе означает: «Народ хочет, чтобы правящий режим пал».

Перед тем как устроить нас на ночь, один из ребят чистит комнату пылесосом. Трогательная забота.

Какое странное ощущение: после стольких лет снова ночевать в «хате», битком набитой молодыми солдатами и оружием!

Пятница 20 января. Баба-Амр

Вижу сон: мне звонит перепуганный насмерть мой друг Е. Его хотят посадить в тюрьму, потому что у него нашли марихуану. Е. боится остаться без дозы. И вот он в камере. В полном отчаянии. У соседа по камере задний проход почему-то расположен на спине, и испражняться он может только лежа рядом с «очком»: «Бедняга. Вот уж кому не повезло». Навестить друга я прихожу с какой-то женщиной из органов соцпомощи. Длинная, бесконечная тирада Е., который жалуется на свои несчастья. Я слушаю вполуха, поскольку что-то читаю. И вдруг слышу, что он отчаянно рыдает. «Все это потому, что я рос без отца, — кричит Е. — Это ужасно для ребенка — расти без отца». Он остервенело топает ногами, лицо его свело судорогой, я наконец поднимаю глаза и вижу перед собой маленького светловолосого мальчика, который весь зашелся от плача и ужаса. Ребенок похож на моего сына Эмира. Я протягиваю к нему руки, он бросается в мои объятия, я прижимаю его к себе, а он все продолжает горько плакать.

Завтракаем: омлет, помидоры, zaatar, labneh, оливки, сыр.

Заходит молодой парень, нас знакомят, и он тут же принимается рассказывать: у него есть друг, который три месяца просидел на нарах за свой сон. Ему снилось, что он едет во главе президентского кортежа; он пересказал сон приятелям, кто-то на него стукнул, и его арестовали.

У каждого здесь есть своя история, и как только они видят нового человека, сразу начинают вываливать.

Незадолго до Аид-аль-Кебира[36], во время нападения правительственных войск, Имад схлопотал пулю в левую щиколотку — рикошетом. Она повредила сустав, и он не смог добраться до госпиталя. Рану лечил аптекарь, но делал это неумело: нога болит до сих пор и Имад прихрамывает.

Великолепный солнечный день. С верхнего этажа здания видны крыши Баба-Амра и множество недостроенных домов, в которых уже живут, как повсюду в Сирии. На северо-востоке, за стадионом Аль-Бассель, торчат высокие дома-башни, одна из них тоже еще строится: там засели армейские снайперы. За башнями простираются фруктовые сады, огромный химкомбинат и невидимое отсюда озеро. Центр Хомса — с другой стороны, он тоже не виден.

10.30. Имад ведет нас по Хакуре. Холодное солнце заливает пустынный квартал, прохожих не видно, улицы как вымерли. Изредка попадаются бойцы Свободной армии, на плече — калаш

или гранатомет. Земля усеяна пулями, гильзами, осколками снарядов, прочим мусором. Возле командного пункта САС, где мы были вчера, проходы по близлежащим переулкам перекрыты баррикадами из мешков с песком. Один из знакомых Имада пошел к себе взять какие-то вещи. Четыре месяца назад его семья покинула свое жилище: дети не могли выносить стрельбы.

Окраина квартала сильно разрушена: эту часть бомбили ожесточенно, особенно в ноябре — по земле до сих пор разбросаны обломки минометных снарядов. Дом Хасана разрушен полностью. Я фотографирую его самого на фоне развалин, со спины, с маленьким сыном на плечах. В этой части квартала есть зоны, опасные для прохожих, они расположены на линии снайперского огня: их мы проходим быстро, стараясь держаться поближе к стенам. Чуть дальше заходим в еще один разрушенный дом. Под ногами — обломки реактивных снарядов, хвосты от минометных бомб российского производства, калибр 82 мм. В оконный проем виден армейский пост, до него — метров пятьдесят. Выглядываем осторожно, с той стороны постреливают. Абу Язан, один из бойцов, держит наготове заряженный пистолет. У Хасана по-прежнему на руках ребенок.

Еще один дом. Дыры в стенах, развороченные лестницы. Через окно прекрасно виден упомянутый пост, на самом деле это скорее небольшая база. Трехэтажное здание, рядом припаркован разбитый грузовик, на балконах — пробитые пулями мешки с песком. Здесь тоже зевать опасно, взглянул — и назад. Кажется, что на посту никого нет, но Абу Язан нервничает. Стадион и башни — сзади.

Застывшие отпечатки кошачьих лап в бетоне — такое можно видеть повсюду в мире.

В брошенной квартире — поломанная кукла, какие-то подносы, эхография еще в конверте, сделанная наверняка в Ливане.

Еще одна разоренная квартира: здесь был пожар, стены изрыты обломками снарядов. В начисто сгоревшей комнате — оплавившийся телевизор. На кровати — груда разбитых компьютеров, настоящее кладбище. Часовой с «калашом» сидит в рабочем кресле: через пробитую снарядом дыру в стене наблюдает за армейским постом.

Обойдя дома, мы заходим с другого бока и оказываемся прямо перед постом, но в проулке, защищенном стоящим рядом зданием. С этой стороны фасады тоже изуродованы обстрелами из минометов и реактивных пусковых установок. На первом этаже виден заброшенный спортивный зал с розовыми стенами и серым мраморным полом. Тренажеры покрыты слоем обсыпавшейся

известки, в глубине зала, на стене — длинное зеркало, во многих местах пробитое взрывными пулями. В углу тихо покачивается подвешенная к потолку боксерская груша.

* * *

12.30. Пятничный митинг. Все начинается с квартальной мечети. Мужчины молятся; на улице перед мечетью десятки детей скандируют лозунги. Подходят активисты с флагами и плакатами. Под конец молящиеся выкрикивают takbir и с возгласами «Allahu akbar!» волнами выкатываются наружу. Быстро сформировавшаяся процессия направляется в сторону центральной улицы Баба-Амра. На перекрестках стоят бойцы САС; в глубине проспекта — позиции правительственных сил. Манифестанты поднимаются вверх по проспекту, размахивая флагами, высоко поднимая над головой портреты шахидов и плакаты. Некоторые слоганы — на английском («WE WANT INTERNATIONAL PROTECTION»)[37]. Мужчины, молодые люди, дети и даже младенцы на руках у отцов: женщины смотрят на процессию с балконов и с тротуара. Кортеж беспрепятственно проходит мимо башен со снайперами и приближается к большой мечети, как я понимаю, главной в Баба-Амре. Потом минует школу и, наконец, поворачивает направо. Присутствие бойцов Свободной армии все более заметно: неподалеку военный пост, да и вооруженных людей становится все больше. На широкой улице наша процессия сливается с другими — количество манифестантов впечатляет. Тысячи мужчин распевают лозунги, танцуют, выстраиваясь в цепочку, выкрикивают takbir. Слышны звуки музыки, бьют барабаны, манифестанты выстраиваются в круг и тоже приплясывают; молодежь выкрикивает лозунги и танцует zikr. В центре сборища, в тесном окружении людей, два активиста, взобравшись на лестницу, выкрикивают лозунги в микрофон. Вокруг рокочут барабаны, вперед выступают танцоры, над головами реют плакаты с лозунгами на английском, обращенные к Лиге арабских государств. С краю — огромная толпа женщин, море голов, покрытых белыми, бледно-розовыми и черными платками. У многих на руках дети, другие держат воздушные шары в форме сердца. Они страстно аплодируют, что-то кричат и тоже скандируют лозунги. Мужчины размахивают снятой с ног обувью. Крыши и балконы забиты битком. На одной из крыш расположились активисты с видеокамерой. Всеобщее ликование, атмосфера наэлектризована, люди перевозбуждены. Энергия веселого отчаяния бьет через край — такого я не видел

нигде.

Эта пятница объявлена «днем политзаключенных».

Случайно знакомимся с Г., симпатичным франко-сирийцем, выходцем из Инша'ат, прожившим пятнадцать лет во французском Монпелье. Через пару дней он собирается уезжать, его жена больше не в силах выносить происходящее. «Если бы они не стреляли в манифестантов, на улицу вышел бы весь Хомс». Он объясняет мне, что организует уличные протесты студент университета, который учится на третьем курсе инженерного факультета.

Диджей митинга — цыган. Здешние цыгане, как и их собратья по всему миру, — талантливые музыканты.

Я нахожу Райеда на улице: он переругивается с Абу Ханеном, одним из руководителей Информационного бюро. Абу Ханен упрекает нас за то, что мы отказываемся с ними сотрудничать, а Райед объясняет, что мы хотим вначале отработать все контакты с САС, а потом охотно пообщаемся и с ними. Г. участвует в перепалке, переводит, высказывает свое мнение.

Митинг заканчивается. Собравшиеся расходятся. В этот момент на центральной улице раздается пулеметная очередь. Люди бегут. Стреляют откуда-то с востока, с моста, ведущего в алавитский квартал. Проспект отделяет Баба-Амр от Инша'ат. Месяц назад пересекать его было очень опасно. Однако вот уже три недели — с тех пор, как было снято второе армейское заграждение, размещавшееся западнее, — как здесь стало заметно спокойнее.

* * *

После митинга мы спрашиваем у Имада, нельзя ли нам поговорить с Абдерразаком Тлассом, одним из главных военачальников Хомса. Наш новый знакомый, сирийский француз Г., соглашается пойти с нами, чтобы помочь мне с переводом. Нам повезло: мы застаем Тласса у себя с первого раза.

14 часов. Абдерразак Тласс, руководитель Военного совета Баба-Амра — бородатый молодой парень в камуфляже. Принимает нас в одной из комнат на первом этаже здания: в углу кучей свалены автоматы Калашникова, на стене — знамя katiba «Аль-Фарук». Интервью нам он давать не хочет — из принципиальных соображений: это исключительная прерогатива их собственных журналистов. У Тласса тоже сдвиг по фазе в отношении иностранцев: он убежден, что они искажают его слова,

придавая им выгодный режиму смысл. Райед старается его переубедить; я с помощью Г., который любезно согласился пойти с нами, тоже привожу какие-то доводы. Но Тласс вежливо гнет свое: «Мы не доверяем интервью. Ситуация очень напряженная. Полностью полагаться на иностранных журналистов мы не можем». Военной темы он касаться не хочет. «Ваше присутствие здесь создает нам проблемы».

Имад: «У них свои, внутренние разборки, и говорить о них они не хотят».

Тласс: «Время, когда мы пускали сюда всех подряд, прошло. Если ваши народы за одиннадцать месяцев так ничего и не поняли, то больше говорить об этом не имеет смысла». Короче: «Bukra, inch'Allah»[38].

Разговор не клеится. *Я* пытаюсь его оживить, спросив Тласса, не согласится ли он, по крайней мере, рассказать о себе? Да, это можно. Ему двадцать шесть лет, родом он из Эр-Растана. Раньше, в звании mulazim awwal, служил в Дамаске, в 5-м пехотном дивизионе. Его коллеги принимали участие в репрессиях, он же отказался и где-то в феврале-марте был переведен на другое место службы. Вот тогда Тласс и начал принимать участие в акциях протеста — сначала в свободное время, как гражданское лицо.

Он рассказывает о нескольких жестоких расправах, учиненных правительственными войсками при разгоне манифестантов, в том числе и о той, что произошла 24 февраля в Санзамине: он там не присутствовал. Idem что касается митинга в Аншеле, в конце февраля, когда ему предложили сдать кровь для раненых. В подавлении этих акций участвовали 9-й дивизион, военная разведка, и госбезопасность. Абдерразак Тласс был потрясен происходящим: количеством раненых, тем, как было сложно их лечить, жестокостью в отношении протестующих. Пропаганде режима он не верил никогда.

«В принципе, армия должна оставаться вне политики. Ее задача — защищать народ, нацию. А там мы видели нечто прямо противоположное. Военные из-за заграждений стреляли в собственных граждан. Протестующие пытались убедить армию присоединиться к ним, чтобы вместе выступить против mukhabarat. Но из этого ничего не получилось, потому что офицеры отдали приказ стрелять. Армия — на стороне Асада, на стороне режима. Большинство там — алавиты. Что же касается суннитов, то они или подчиняются приказу, или оказываются за решеткой».

Когда ему впервые пришла мысль дезертировать, он хотел увести с собой товарищей. Вместе с другими офицерами хотел

поднять на бунт два liwas и один katiba[39], принадлежащие к 5-му, 9-му и 15-му дивизионам. Однако другие офицеры выступить не решились, испугавшись авиационной разведки, и пошли на попятный. Тогда он ушел один, захватив оружие.

«Я был первым офицером, покинувшим сирийскую регулярную армию. Многие пытались меня отговорить: „Как ты можешь идти на такое, это же невозможно себе представить!“

Я ушел в июне, в Дераа. И сделал это потому, что не мог стрелять в людей. И сразу взялся за оружие. Я понимал, что сломить режим без вооруженного сопротивления невозможно. Отправился в Растан, где армия шла в наступление, и сформировал там katiba „Халед ибн Валид“. Тлассу помогали в этом семеро офицеров и десятка четыре младших офицеров. Когда новая воинская часть обрела боеспособность, он передал ее в руки других и в первой половине июля приехал сюда, в Баба-Амр, создавать katiba „Аль-Фарук“. В августе еще один батальон уже был готов сражаться».

Абдерразак Тласс трактует здесь факты на свой манер. Переход на сторону восставших старших офицеров и их присоединение к младшим, которые дезертировали раньше и создали первые katiba Свободной армии, очень осложнили обстановку, поскольку старшие считали, что командовать должны именно они, на что младшие офицеры, уже занимавшие командные посты в течение нескольких месяцев, соглашались со скрипом. На самом деле сам Абдерразак Тласс был отстранен от командования батальоном «Халед ибн Валид» — по аналогичным причинам. Как человек с амбициями, он приписывает себе главную роль в katiba «Аль-Фарук», с чем согласны далеко не все.

В настоящее время батальоном «Халед ибн Валид» командует raid[40] по имени Ахмед Бахбу.

Абдерразак Тласс полагает, что количество бойцов в его батальоне уже достаточно для того, чтобы «Аль-Фарук» перешел в категорию liwa, но самолично менять название они не хотят. Он также считает, что численность katiba «Халед ибн Валид» уже превысила 4–5 тыс. человек, так что он тоже может считаться бригадой.

В зону ответственности katiba «Аль-Фарук» входят Хомс, Тельбизи и часть Аль-Кусейра.

Katiba «Халед ибн Валид» контролирует Эр-Растан и окрестные деревни.

Формально во главе katiba «Аль-Фарук» стоит военный комитет, но последнее слово остается за Абдерразаком Тлассом.

Я спрашиваю нашего собеседника о том, какие у него отношения с полковником Риядом аль-Ассаадом[41]: «В настоящий момент я не могу вам ответить».

С Имадом разговор пошел веселее. Нам рассказывают историю армейской базы, которую мы видели сегодня утром: та, рядом с которой стоял сгоревший грузовик. Бойцы САС действительно захватили в плен офицера, который ею командовал. Однако, поговорив с ним, они отпустили пленника с условием, что база будет эвакуирована. Что он и сделал, отведя своих людей в башни, расположенные дальше. Теперь его подразделение находится в состоянии перемирия с повстанцами.

Тласс рассказывает о приезде сюда наблюдателей из Лиги арабских государств. Поначалу они оставались по ту сторону проспекта — не отваживались его пересечь, опасаясь обстрелов; потом, два дня спустя, все-таки перешли — их было человек пять или восемь — без сопровождения. В ту пору — это была первая неделя миссии наблюдателей[42] — квартал был окружен, обстановка очень напряженная. Наблюдатели пришли, чтобы уговорить их вступить в переговоры с правительственными силами. САС ответила: «Вы здесь для того, чтобы наблюдать, и не можете не видеть того, что делает с нами армия!» На самом деле наблюдатели хотели обсудить соблюдение условий соглашения[43] в обмен на отвод сил САС.

Обед с Абдерразаком Тлассом. Взбитые яйца, мясо с яйцом, хумус, помидоры, zaatar. Подогретый хлеб: его кладут поверх всей еды или прижимают к стенкам sobia.

В какой-то момент Г. получает звонок от своей жены, которая требует, чтобы он вернулся домой. Извинившись, он нас покидает, и дальше наш разговор идет через Имада.

Пытаемся уговорить Абдерразака Тласса позволить нам увидеть солдат, раненных вчера[44]. В ответ он сначала заводит разговор о каком-то информаторе, shabbiha из алавитов, который выдавал местонахождение тайников с оружием, принадлежащим САС. Потом мы узнаем, что есть еще и секретная тюрьма, но они не хотят нам ее показывать. Солдаты, о которых идет речь, содержатся там.

Я говорю: «Очень важно, чтобы мы могли показать всему свету, что вы — приличные люди, патриоты, что вы гуманно обращаетесь с ранеными врагами. Что вы, в конце концов, не имеете ничего общего с, Аль-Каидой».

Абдерразак Тласс: «Если все будет продолжаться так, как идет теперь, мы станем такими же, как „Аль-Каида“. Если весь

мир отвернулся от нас и поддерживает Асада, нам придется атаковать Израиль и другие страны, сделать конфликт международным, чтобы вынудить мировое сообщество наконец вмешаться. Мы объявим джихад». Он утверждает, что это не только его личное мнение: такая перспектива обсуждалась в военном комитете Хомса и все ее одобрили.

Он хочет, чтобы в дело вмешался военный альянс НАТО. «Если НАТО не вмешается, мы поднимем на войну весь мусульманский мир. И к нам поедут боевые группы из других стран. В этом случае наша война превратится в войну против qufr[45], и одной Сирией дело не ограничится. Ситуация может выйти из-под контроля. Начнется тотальная война против Израиля».

Тласс объясняет, что им придется это сделать, чтобы оказать давление на Запад: он должен вмешаться, иначе война охватит весь регион.

Такой взгляд на вещи, мягко говоря, наивен. Наш собеседник полагает, что так можно заставить Европу и США вмешаться в конфликт. Они тут все убеждены, что США помогают Асаду удержаться у власти в интересах Израиля. И надеются достичь своей цели, ввергнув в хаос весь регион.

«Мы перепробовали все, но ничего не помогает. Эту пятницу провозгласили „пятницей накануне объявления джихада“. Мы уже два месяца откладываем это объявление, хотя подавляющее большинство „за“. И поскольку мы служим народу, мы должны отвечать его чаяниям».

Во время манифестации, как я уже говорил, мне рассказывали, что эта пятница была объявлена «днем памяти политзаключенных». Придавать дням недели, особенно пятницам, какой-то особый смысл можно на разных форумах, даже в Facebook или на других сайтах — посредством голосования. Похоже, что сайты уже соревнуются в этом, отсюда и такая разноголосица по поводу посвящений нынешней пятницы. Из-за малого количества голосующих эти акции не могут претендовать на репрезентативность, на то, чтобы представлять общественное мнение восставшей Сирии.

Но Абдерразак Тласс настаивает на своем, ссылаясь на то, что сегодня митингующие кричали «Labayk, labayk, labayk ya-Allah!». Это ритуальный клич идущих в Мекку, он означает: «Господь, я пришел!» (Labayk переводится как «Мы покоряемся тебе»). Иными словами, на митинге люди давали понять, что они готовы идти на смерть, то есть готовы к джихаду.

Когда мы уходили, то Абдерразак Тласс, провожая нас к выходу, напевал: «Господь, мы идем на джихад». Все вокруг громко смеялись.

Уже на улице, перед тем, как расстаться, мы еще раз спросили его об отношениях с Риядом аль-Ассаадом: «Наша Свободная армия находится внутри[46], и этим все сказано». Это следует понимать так: приказов извне мы не приемлем. «И он, и я служим народу. Тот, кто идет против воли народа, становится предателем». Что думает Рияд о перспективе объявления джихада, ему неизвестно: у них неважно со связью.

Еще один серьезный вопрос, который мы не обсудили в ходе нашей беседы: наш собеседник — дальний родственник всемогущего Мустафы Тласса, правой руки Хафеза Асада, в течение тридцати лет занимавшего пост министра обороны. Несмотря на то что родственник с 2006 года находится не у дел, его могучий клан представлен на всех уровнях в вооруженных силах и остается одной из самых влиятельных суннитских семей в стране. И если выходец из семьи подался на сторону восставших, это для нее — серьезный удар. 9 февраля телеканал «Аль-Дуния» объявил о гибели Абдерразака Тласса, но САС так и не подтвердила этого известия.

* * *

С наступлением сумерек на улицах становится пустынно. Холод лютый. За исключением широких проспектов, дома здесь стоят очень тесно друг к другу: между ними едва могут разъехаться две машины. Тротуаров нет вообще. По этой причине, когда идешь по улице, протискиваясь между припаркованными автомобилями, мотоциклами и немногими прохожими, возникает неприятное, давящее ощущение, что пробираешься по узкому ущелью.

* * *

16.30. Мухаммед Абу Сайеф, координатор гуманитарной помощи Баба-Амра. Безработный инженер-электрик, сюда пришел волонтером: составляет списки нуждающихся семей и помогает распределять помощь. Короткая борода с проседью, перчатки с отрезанными пальцами, белая шерстяная шапка, под черной кожаной курткой — серо-белый спортивный костюм. Он

объясняет: курс доллара вырос на 30 %, цены на предметы первой необходимости — на 20 %, и все потому, что завозить товары в квартал опасно. Отсюда и общий рост цен в полтора раза. Раньше производители доставляли свою продукцию прямо сюда, а теперь оптовые и мелкооптовые торговцы вынуждены ехать за ней сами.

Приводит пример с газовым баллоном. Его обычная цена — 250 сирийских ливров (по нынешнему курсу — 2,80 евро). В Захре, Ахраме и Незхе — проправительственных кварталах — эта цена сохраняется. А в Баба-Амр газ больше не привозят вообще, и жители должны доставлять его сами, на свой страх и риск. Соответственно, и цена здесь колеблется от пятисот до девятисот ливров за баллон (от 5,60 до 10 евро).

Человек по имени Абделькафи Л, приятель Имада, недавно погиб во время такой вылазки. Десять дней назад он поехал в нейтральную зону, разделяющую проправительственные и контролируемые повстанцами кварталы, чтобы купить газ с целью перепродажи. Там он продается дороже официальной цены, но дешевле, чем в Баба-Амре, поэтому возникает определенная маржа. Они поехали вдвоем на маленьком грузовике «судзуки». Беда в том, что эта зона простреливается: Абделькафи был ранен в ногу и задержан, его другу удалось сбежать. Раненого отвезли в военный госпиталь: об этом узнали связанные с повстанцами санитары, которых в САС попросили узнать о его местонахождении. Через три дня им выдали тело с многочисленными следами пыток, в том числе и электротоком. Очевидно, что убит он был в военном госпитале. Случай задокументирован, труп был показан по телеканалу «Аль-Джазира».

Когда кого-то похищают или арестовывают, родственники вынуждены платить, чтобы узнать, где находится задержанный. А иногда и за то, чтобы получить тело.

* * *

Мы снова пришли в первый госпиталь. Войти нам не разрешают. Шумная перебранка между Райедом и Абу Бари, толстым, бородатым псевдомоджахедом, спесивым и глупым. «На вашего Абдерразака Тласса мне наплевать! (Вчера он говорил прямо противоположное.) Тласс военный, а мы тут — гражданские лица. Меня такое зло берет, что всех бы вас послал подальше!» Имад не знает, кто назначил его начальником госпиталя. Этот хам — бывший штукатур и к медицине никакого отношения не имеет.

Второй госпиталь, тот, что размещается в квартире, Имад организовал сам, потому что ему очень не нравится, как управляют первым. Он считает, что руководить больницей должны сами врачи.

Выяснилось, что первый медпункт организовал сам Абу Бари, он же привел и медперсонал. Поэтому он там и начальник.

* * *

17.30. После вечернего митинга нас приглашают на Военный совет. Типы, которых прислали за нами, явно нервничают, и у нас настроение тоже быстро портится. Райед опасается, как бы ему не стерли все, что он здесь наснимал.

Я на всякий случай посылаю в «Le Monde» СМС, чтобы их предупредить. Однако встреча получилась очень сердечная. Нас привезли в какую-то школу, провели в зал: у стены сидят десятка полтора мужчин; разговор ведет офицер. Райед его немного знает, они общались во время дневного митинга. Офицера зовут Муханнад Аль-Умар, он оказался человеком спокойным, серьезным и умным. Имад рассказал ему о проблеме с клиникой Абу Бари, и Муханнад пообещал все уладить. Он задает свой первый вопрос: что думает французское правительство по поводу гибели Жиля Жакье? Мы рассказываем о том, что говорил по этому поводу Ален Жюппе: судя по его высказываниям, здешнему правящему режиму во Франции скорее не доверяют.

Интересуемся, что по этому поводу думают они сами. Они отвечают, что убийство Жакье — дело рук mukhabarat. Но, по их мнению, журналист был отнюдь не главной мишенью. Замысел состоял в том, чтобы во время манифестации в поддержку Асада спровоцировать кровопролитие, которое журналисты должны были зафиксировать и показать всему миру как подтверждение тезиса властей о терроризме повстанцев.

Райед обращается с конкретной просьбой: свободный доступ в медпункт Абу Бари и к заключенным.

Раненый солдат, о котором шла речь, вроде бы оказался младшим офицером mukhabarat. Наши собеседники понимают, что нам интересно с ним поговорить, причем без свидетелей, чтобы не было сомнений, что никакого давления на него не оказывается.

Муханнад Аль-Умар сотрудничает с САС как гражданское лицо. Он участвует в вооруженных акциях повстанцев и помогает в вопросах логистики. И он — член Majlis al-Askari, военного совета. Гражданских в совете немного, всего трое из двадцати

четырех человек. Совет руководит действиями katiba «Аль-Фарук» во всей зоне его ответственности: Хомс, Аль-Кусейр и остальное. Муханнад не хочет говорить, сколько у них всего народу. Mukhabarat уже за ним охотится, и потому ему безразлично, засветится он, общаясь с журналистами, или нет. Его спокойное, разумное, взвешенное поведение производит на меня большое впечатление.

* * *

Возвращаемся с Имадом на машине в квартиру знакомых Хасана. Перекресток проскакиваем как можно быстрее — из-за снайперов.

21.45. Семь месяцев назад, рассказывает Имад, они с товарищами сожгли пивной ларек. Хозяин был алавитом, он снимал манифестации и, как подозревали в САС, передавал фотографии госбезопасности.

Суббота 21 января. Баба-Амр

Как и предыдущие ночи, мне снились длинные, богатые событиями, яркие и отчетливые сны. Напротив моего дома — терраса замка Кастелларас; там стоит большая банка с клубникой, я хочу помыть ягоды, но они нехорошие, безвкусные, есть их невозможно. Зато рядом — вот она: ветка со спелой малиной — красной и сочной; я собираю ягоды одну за другой, их всего четыре, делиться ни с кем не хочется. Потом нечто подобное многократно повторяется, в самых различных местах.

* * *

Al-maktab el-al'iilami, Информационное бюро. Один из его руководителей — Джедди. Вся информация по Баба-Амру проходит через них. Бюро с самого начала стремится нас опекать — не только нас, а всех журналистов. Они держат под контролем всех приезжающих в Баба-Амр корреспондентов, а внутри квартала отслеживают посещение ими стратегических объектов и мероприятий, вроде митингов или госпиталей. Благодаря связям Райеда нам удалось приехать сюда с помощью САС, в обход людей из бюро. После стычки с Джедди, а потом еще одной, на митинге, с Абу Ханненом, мы отдалились от них окончательно и общаемся только с людьми из Свободной армии. Конечно, возникло некоторое напряжение, но для нас так лучше. К ним мы сходим под самый конец, когда сделаем все, что нас интересует. Потому что с ними можно увидеть только то, что они захотят тебе показать, а уж они наверняка обставили бы дело так, словно САС не существует вовсе.

Говорили бы об очевидных вещах, повторяли бы банальности и общие места, не особо вдаваясь в детали. Словом, действовали бы так, как обычно действует mukhabarat, чьи методы они усвоили с пеленок. Вчера на митинге, во время ссоры с Абу Ханненом, Г. говорил нам на своем прелестном французском: «Их можно понять, мсье. Сорок лет страха!» Но прежде чем они доберутся до реального Башара, им надо убить Башара в своих головах.

Впечатление такое, что в Информационном бюро боятся, что любое упоминание в прессе о Свободной армии может сослужить добрую службу правящему режиму, подкрепляя его тезис о том, что, борясь с САС, правительство борется с террористами. В то

время когда мы были там, было очень трудно объяснить им, что бессмысленно скрывать истинные масштабы военного противостояния властям. В Свободной армии нам беспрепятственно позволяли наблюдать за всем, что нам интересно, фотографировать их вооружение, их людей, их боевые действия. Стоит добавить, что с 3 февраля, с началом серии массированных обстрелов Хомса, эти нюансы потеряли свою актуальность.

12.45. Спускаемся в город. Заходим в штаб к Хасану, который обещает найти мне переводчика. Потом отправляемся с Имадом на торговую улицу по ту сторону центрального проспекта. Улочка довольно оживленная, открыты магазины, есть такси. Это старый Баба-Амр.

Пожилой мужчина на велосипеде: «Здесь стало намного лучше».

Обсуждаем обещанное Башаром Асадом Лиге арабских государств освобождение политзаключенных. Еще один случайный знакомый — его зовут Абу Адиль — рассказывает, что его пятидесятилетний брат сидит за решеткой уже три месяца. Три человека, которых арестовали вместе с ним, уже мертвы. А его не освободили, а перевезли в Дамаск и поместили в секретный застенок. «Брата схватили у него дома, так, ни за что. Здесь, в Сирии, лучше не спрашивать, за что».

Я получаю в свое распоряжение молодого переводчика, его зовут Адам, он из САС. Английский у него очень приблизительный, но я думаю, дело пойдет. Дальше, на перекрестке — шлагбаум Свободной армии, военные держат под контролем уличное движение, иногда останавливают какую-то машину, проверяют водителя. Завязывается разговор. В одной из комнат штаба мы с несколькими бойцами рассматриваем карту на ноутбуке Райе да: ребята показывают, где располагаются позиции правительственных вооруженных сил. Снаружи раздается оглушительный взрыв: стреляют из миномета и из автоматов, с КПП, расположенного выше, тоже открывают огонь.

Молоденький боец у шлагбаума — его зовут Фади — алавит. Мой Адам переводит вкривь и вкось. Фади родом из Джиблайя, это поселок недалеко от Тартуса. Он пришел в Свободную армию где-то в июле-августе, это было в Хомсе. Увидев, как правительственные войска стреляют в безоружных граждан, он подумал: «I am not with them, I am with these people. It is not: I am Alaoui, so I am with Alaoui. No. If they do wrong, I try to do right»[47].

Стрельба на улице не прекращается.

Фади — mulazim awwal. Его друг по имени Али, тоже mulazim awwal, отказался стрелять в безоружных — это было в Кфар-Айя — и получил за это пулю в спину. Он выжил, но остался парализованным. Фади перешел на сторону восставших две недели спустя. Чтобы не подставлять близких, он не объявил о своем решении. В курсе только его брат; вначале брат не одобрил его поступка, но в конце концов признал его правоту. Я спрашиваю: «Когда ты пришел в САС, тебя не приняли за шпиона или провокатора?» Один из его друзей уже был у повстанцев, он за него поручился. «Now I am very happy, not like before. When you are in Army, if you know a big man, you live well. If you don't, you are shit»[48]. Здесь, в Баба-Амре, в рядах Свободной армии служат пять или шесть алавитов. У нашего собеседника — никаких проблем. «I never heard: We want to kill Alaoui. Only specifi c people who have commited crimes»[49]. Алавиты берут в заложники женщин, и это его ужасно мучает. Недавно САС взяла в плен одного алавита, его знакомого; парень не сделал ничего плохого, и его отпустили. Сперва хотели на кого-нибудь обменять, но та сторона отказалась, и они его отпустили. «I was very pleased to see this»[50].

Выходим наружу. Пули еще свистят. Улица, где мы находимся, безопасна, но дальше все простреливается.

* * *

Идем с Имадом в ту часть квартала, которая прилегает к железной дороге, — это за мечетью Хамзи. Множество разрушенных зданий. Вместе с жителями поднимаемся на четвертый этаж в квартиру, где все стены изглоданы пулями и снарядами БТР 14,5 мм. В кухне — дыры насквозь. Хозяин, Абу Абди, сложил еще одну стену, внутри, чтобы получилась комната, но ее тоже пробило насквозь. Некоторые снаряды сумели продырявить три стены и влететь в квартиру соседа. Абу Абди отвез жену с детьми к ее родственникам, но там уже и без того много женщин и детей, места нет, и ему пришлось вернуться. Он хочет возвести еще одну стену и выложить ее мешками с песком, чтобы можно было жить.

Через окно и дыры в стенах виден блокпост и обложенный синими мешками с песком, перекинутый через пути железнодорожный переезд. Это — шлагбаум на перекрестке Кфар-Айя. От него отъезжает пикап и удаляется в противоположную от нас сторону. С помощью зум-объектива я незаметно

фотографирую его через дыру в стене. На фото, кроме грузовика, видна башня танка, прикрытая голубым пластиком: дуло ее ствола смотрит прямо на нас.

Выходим на жилую улицу. Квартал опустошен, все дома напротив блокпоста изуродованы снарядами большого калибра и бомбами. Мне показывают кусок снаряда, нечто вроде кассетной бомбы (cluster bomb).

В квартале — семеро убитых и шестнадцать арестованных. Солдаты выходят из блокпоста, высаживают двери, хватают людей. Бойцов САС здесь немного, они не могут помешать происходящему.

В этом углу спокойно уже недели две, приблизительно с 6 января, когда в Хомс приезжали наблюдатели ЛАГ. Но за неделю до того выдались три дня по-настоящему смертоносных: в первый день — восемнадцать трупов, во второй — девять, в третий — семь. Вдобавок, когда их хоронили, армия обстреливала траурные процессии, и были еще жертвы. Кто-то из мужчин показывает мне шрам от пули, попавшей ему в ногу.

Подъезжают двое бойцов САС на мотоциклах. Тоже недавние перебежчики. Показывают свои военные билеты и горделиво, не закрывая лиц, позируют перед фотоаппаратом.

Свободная армия не может укрепиться в этом районе из-за возвышающихся над ним зданий[51], где оборудованы гнезда снайперов. Повстанцы присылают сюда своих людей, только если завязывается бой. Университетские высотки неприступны, их охраняют БРДМ[52] и две сотни солдат, прикрывающих снайперов на этажах.

Мечеть Хамзи. Совсем новая, даже еще не достроенная и пока не освященная. Но стены уже испещрены снарядами, пулями, в окнах — ни одного целого стекла. Сквозь них высотки видны хорошо. Заходим внутрь, стараясь держаться поближе в стенам: не исключено, что снайперы за нами наблюдают. Ситуация не из приятных. Однако все обходится. Внутри просторно и голо, строительные работы в основном закончены. Ходим по битому стеклу. Поднимаемся на крышу, рядом с куполом: на ту сторону, где высотки, не высовываемся. Не стоит искушать судьбу.

В машине снова заводим с Имадом разговор о посещении клиники[53]. Но Имаду не хочется лишних проблем. Чтобы туда попасть, нужно разрешение от Абу Хаттаба.

* * *

Возвращаемся в Военный совет. Какой-то мужчина рассказывает: его двадцатидвухлетняя племянница С. Ш., студентка факультета арабской литературы, была похищена агентами госбезопасности. Это случилось четыре с половиной месяца назад — еще в августе. Девушка не сделала ничего такого: когда ее схватили, она направлялась на работу в парикмахерскую в Инша'ат, где подрабатывала. Похитили ее в восемь утра, задолго до начала митинга. Люди, которых выпустили из тюрьмы, ее видели и утверждают, что она попала в застенки службы авиационной безопасности. Эту информацию подтвердил и amid[54], когда к нему пришли шейхи, как это делается обычно, если похищают женщин. Генерала из службы авиационной безопасности зовут Джавдад, он — друз. Что же до генерала, который командует войсками в Хомсе, то он — алавит, его имя — Юсеф Ваннус.

Пока мы разговариваем, начинается перестрелка. Огонь открыли с блокпоста Кфар-Айя.

Разгорается общий спор: офицеры знают девушек, с которыми обращались плохо, насиловали, но традиции здесь таковы, что их семьи не позволяют пострадавшим рассказывать о случившемся. Это означает покрыть себя позором. Райед в который раз пытается их разубедить.

Нас приглашают принять участие в похоронах shahid. Однако, когда мы приходим в мечеть, выясняется, что церемония уже закончена. Нам рассказывают, что он погиб во время перестрелки, которую мы только что слышали, но в это трудно поверить.

* * *

Имад приводит нас в свой медпункт. Двое пленников, о которых шла речь, находятся там — лежат, накрывшись одеялами. Доктор рассматривает щиколотку одного из них: пуля прошла навылет. Другой ранен в руку. Оба молодые, небритые, оба — сунниты из Идиба. Того, который ранен в руку, зовут Ахмад Х., ему двадцать лет. Он рассказывает: они приехали в Баба-Амр на санитарной машине, чтобы забрать раненого солдата, это было в пятницу 13-го. Прежде чем они успели его найти, их обстреляли свои же товарищи — из высоток на улице Бразиль. Тогда они развернулись и поехали в Баба-Амр. Когда вылечатся, вступят в САС.

Врач меняет им бинты. Ахмаду отстрелили мизинец на правой руке. Процедуру перевязки переносит стоически, только легкая гримаса на лице.

Фотографировать так, чтобы в кадр не попали лица, — настоящее искусство.

После перевязочной заходим в кабинет вместе с Имад ом и доктором. Доктор объясняет, почему он не хочет работать в другом медпункте: находиться там невозможно, Абу Бари вмешивается буквально во все. Врачи, включая Абу Хаттаба, и рта не могут раскрыть. Но мы твердо намереваемся туда вернуться, когда у нас будет разрешение[55].

Маленькая прогулка от клиники Имада до клиники Абу Бари. Адам по-прежнему с нами. На углу, стоя перед бродячим торговцем, едим foul — руками из маленького горшочка. Райед покупает sfi has с мясом и сыром. Вместо супа выпиваем из горшочка оставшуюся на дне жидкость. В конце улицы заходит солнце, окрашивая серый день в оранжевые тона. Кое-где слышны одиночные выстрелы.

17.30. Приходим в клинику. Райед опять ожесточенно переругивается с Абу Бари, который по-прежнему наотрез отказывается нас впустить. Своим людям он рассказывает, что это Военный совет не дает разрешения. Райед набирает номер Муханнада и передает трубку Абу Бари; тот отключает телефон и, не возвращая трубку, говорит, что Муханнад подтверждает запрет. «Majlis al-askari и Муханнад не дают вам разрешения». Разговор переходит на повышенные тона. Райед: «Вы боретесь с Башаром, но вы ничуть не лучше: ты такой же диктатор. Контролируешь здесь все, все за всех решаешь, не даешь врачам слова сказать. На мнение Военного совета и твоих врачей тебе плевать». — «Раз ты считаешь, что мы хуже, чем нынешний правитель, то я тебя больше и на порог не пушу». Спорящие переходят на угрозы. «Если ты не уберешься отсюда сейчас же, то пожалеешь: я тебе покажу, что почем». — «Ты мне угрожаешь?» — «Да, я тебе угрожаю». Нам не остается ничего, кроме как уйти. Отойдя от госпиталя, мы останавливаемся, чтобы подождать Имада, который должен забрать нас на машине.

18 часов. Имад везет нас в третью клинику, настоящую. Там устанавливают операционный блок — на случай если правительственные войска возьмут Баба-Амр в блокаду.

С аптекарем Аль-Мутханной Райед познакомился во время своего последнего приезда сюда[56]. «В Баба-Амре очень опасно быть врачом или фармацевтом. Если выйдешь за пределы квартала, то тебя могут арестовать и продержать в кутузке от трех до шести месяцев, чтобы помешать тебе работать». Схвачены уже трое врачей, два аптекаря и несколько санитаров. Некоторых из

них освободили лишь недавно. А четыре месяца назад фармацевт Джамаль Ф., попавший за тюремную решетку, был убит.

Гестюэль: «Они смотрят твои документы и видят: Баба-Амр. И хватают». Аль-Мутханна не выходит за пределы квартала уже полгода.

Входит Абу Ибрахим — санитар, который угодил за решетку в сентябре. Он работал в государственной больнице. На него донесли, что он лечит повстанцев, и его арестовали. Рассказывая это, он изображает происходившее в лицах: как его били палкой, как завязывали глаза: «Ну-ка, ты, иди сюда!», имитирует звуки ударов. Его стегали толстым резиновым кабелем и пытали электрическим током. Он показывает нам следы от побоев на ногах. Полученные раны нарывали, потому что в тюрьме грязь, заключенных не моют.

Его задержали военные и куда-то вывезли, но он не знает, куда именно, потому что ему завязали глаза. (Из страха перед властями никаких особых подробностей не приводит).

Но утверждает, что лечили его вполне прилично. Поскольку он медработник, то имеет право на льготное лечение: костей ему они не ломали. А под конец он и сам лечил других заключенных.

Подробности о пытках: в первый день над ним издевались девять часов кряду. После четырех дней передышки начали пытать снова. Это зависит от того, какое расписание у ведущих допросы следователей. За двенадцать дней его допрашивали трижды, и каждый раз это сопровождалось издевательствами. Обвязав пластиковым шнуром одно запястье, подвешивали на 4–5 часов на стену на такой высоте, что он едва касался пола кончиками пальцев ног. Это особый метод пытки, он называется ash-shabah.

Показывает позу, в которой стоял (или висел) у стены.

В тюрьме его продержали месяц. Отпустили потому, что не смогли ничего найти против него, не сумели ничего доказать. Он все отрицал, и его выпустили.

В комнате находятся еще двое мужчин. Абу Абдаллах, военврач, который не оставил государственную службу в середине декабря, и Абу Салим, врач из военной разведки: не практикует там с ноября. Этим госпиталем руководит Абу Салим. Он считает себя перешедшим на сторону повстанцев, но официального заявления на этот счет не делал. Это его родной квартал, здесь все его друзья. Посмотрев, как власти обращаются с мятежниками и заключенными, он решил остаться со своими, жить здесь и, если случится, здесь и умереть.

Он работал в Дамаске — в разных местах, потом в Латакии. В mukhabarat прослужил два года и своими глазами видел, как

изменилась ситуация после революции. Теперь может выступать свидетелем на процессе о пытках.

«Чем занимается врач в mukhabarat? *Я* попробую вам объяснить.

Первейшая задача: поддерживать жизнь в тех заключенных, которых подвергают пыткам, чтобы их можно было истязать как можно дольше.

Второе: в случае, если допрашиваемый теряет сознание, его необходимо привести в чувство, чтобы допрос мог быть продолжен.

Третье: контролировать применение во время допроса психотропных средств. Хлорпромазин, диазепам или валиум, кетамин или кеталар, 90- градусный спирт, литр в нос или в глаза — вводится подкожно. Спирт применяется как для пыток, так и для того, чтобы привести жертву в чувство.

Четвертое: если допрашиваемого невозможно вывести из обморока, врач везет его в военный госпиталь. До революции наручники на пациента надевали, заведя руки за спину; а теперь ему завязывают глаза и наручниками приковывают к врачу. Раньше всех пациентов, которым грозил летальный исход, лечили; теперь это касается только важных персон. Остальные обречены на смерть. Причем это решение принимает отнюдь не врач: если он видит, что пациент — на грани гибели, он направляет рапорт вышестоящему начальству, и наверху решают, что делать дальше.

В госпитале лечащий врач не имеет права разговаривать с больным; если у него есть вопросы, он должен обратиться к врачу mukhabarat, тот беседует с пациентом, а потом отвечает на вопросы лечащего врача.

С начала революции, если в военный госпиталь привозят важного пациента, то случается, что его привязывают к кровати, а за дверью выставляют охранников — в особых случаях. Лечение имеет право назначать только врач из mukhabarat или главный врач госпиталя. Даже врачей mukhabarat охрана обыскивает всякий раз, как они выходят из палаты, чтобы, скажем, пойти в туалет, и еще раз обыскивают на обратном пути».

Длинная история Абу Салима. В Дамаске, в региональном отделе госбезопасности есть арабы, которых держат за решеткой с 1985 года. Двое самых опасных — ливанцы; среди прочих — одиннадцать ливанцев, двое иорданцев и один алжирец. Содержат их в очень суровых условиях. В конце 2010 года они начали голодовку с тремя требованиями:

— право читать прессу;

— право есть свежий хлеб;

— отказ от дурно пахнущей еды.

Старший начальник отправил Абу Салима вести с ними переговоры, в качестве сопровождения дали двух офицеров безопасности, но разговаривал с заключенными он сам. Голодовка продолжалась месяц и три дня: mukhabarat в конце концов согласилась удовлетворить выдвинутые требования.

Два самых опасных преступника содержатся в камере 3х1,60 м, здесь же и туалет. Вместо окна в стене под самым потолком отверстие 50х30 см. Чтобы его открыть — если, скажем, летом в камере становится слишком жарко, — врач должен послать рапорт начальству и получить разрешение.

Абу Салим не знает, за что эти люди попали за решетку. Но однажды, когда одного из них приковали к нему наручниками, чтобы вернуться в госпиталь из здания mukhabarat, у стражников не оказалось ключей от камеры. На какой-то момент они остались вдвоем, и Абу Салим спросил: «За что сидишь?» — а тот ответил: «Против меня имеет зуб самый большой начальник» (Хафез Асад).

Разговор продолжается дома у Абу Салима, в его насквозь промерзшей гостиной. Медбрат Абу Ибрахим приносит мазут и включает отопление. На стол выставляются кофе и сигареты.

Аптекарь Абу Матханна интересуется нашим мнением: «Какие, на ваш взгляд, ошибки допустили революционеры? Что надо было сделать по-другому?»

Отвечаю: «Пока я не вижу никаких ошибок. Вы на правильном пути, и стратегия избрана верная — ежедневное и постоянное давление на власть. Численность манифестаций растет, увеличивается количество перебежчиков. Правящий режим кажется вам очень прочным, и это вполне естественно; вы страдаете, но кажущееся незыблемым здание изъедено термитами: однажды вы ударите посильнее, и стены рухнут и рассыплются в пыль. А термиты — это вы. Так что вы взяли верное направление, но путь ваш долог, а короткой дороги нет. При этом надо во что бы то ни стало избежать радикализации. Преодолевать нетерпение военных, не поддаваться на призывы к джихаду. Это может поставить крест на всех ваших усилиях. Но режим заведомо в проигрышной ситуации. И к тому, что было до революции, вы уже никогда не вернетесь. Потому что страх преодолен, люди уже не боятся власти».

Вопрос о Франции: что можно сделать, чтобы она усилила давление на Россию? Я объясняю, что надо дождаться окончания миссии Лиги арабских государств. Когда станет ясно, что она провалилась, Запад сможет сказать: ну вот, арабы уже попробовали, ничего не вышло. Теперь надо придумать что-то

другое.

Райед переводит и тоже участвует в разговоре. Он объясняет, какова роль Высшего комиссариата по правам человека ООН, который сейчас готовит свой второй доклад. Врачи, включая и Абу Салима, согласны с нами и предлагают составить досье, где были бы приведены достоверные факты и имена главных виновников репрессий.

Они спрашивают, не может ли мировая общественность взять под свою охрану все службы медицинской помощи. Здешние медработники хотели бы вступить в организацию «Врачи без границ». Я объясняю, что не все так просто. Помощь легче получить от Международного комитета Красного Креста. В принципе, в задачи Красного Креста и Красного Полумесяца как раз и входит защита медучреждений.

Нападение на них расценивается международным правом как военное преступление. Но если попробовать применить этот принцип здесь, то может быть хуже: медпункты превратятся в открытые мишени для правительственных сил. Одним преступлением больше, одним меньше — какая разница!

Нам рассказывают еще одну историю. Раньше носить бороду уже считалось криминалом: «Ах, вот как? Значит, ты — из банды Бен Ладена?» Теперь текст немного скорректировали. Хватают студента: «И что ты изучаешь?» — «Французскую литературу». — «А, так ты, значит, из банды Саркози, djamaat Sarkozy?» И это реальный факт: «Мы можем познакомить тебя с этим студентом». Три месяца назад его взяли и продержали в тюрьме три недели. Аль-Мутханна объясняет, что запрещены даже обыкновенные шарики, потому что они могут служить оружием против правительственных войск как заряды для катапульты. Если военные вламываются в дом и находят там шарики, они арестовывают главу семьи. Поэтому родители запрещают детям играть с шарами. Не далее как три дня назад в Баба-Амре за это опять кого-то арестовали.

Абу Салим утверждает, что госбезопасность следит даже за детьми. У его сына, например, поинтересовались, какие каналы смотрят его родители по телевизору; мальчик уже приучен к осторожности и ответил правильно. А родителей, чьи дети отвечали: «Аль-Джазира», «Аль-Араби», «Франс-24», Би-Би-Си, «Эль-Вираль», «Аднан аль-Арауи» (проповедник из Саудовской Аравии, выступающий против сирийского режима), вызывают в полицию. В некоторых школах какой-то вооруженный тип из госбезопасности раздавал ученикам 9-го класса (двенадцать лет) подробные анкеты о привычках их родителей. Школьники были вынуждены их брать.

Там были такие вопросы: какие телеканалы смотрят твои родители? (далее следует список). Смотрят ли твои родители канал «Dunya»? Как они реагируют на выступления президента? Участвуют ли твои родственники в манифестациях? Есть ли в вашем доме оружие?

Истории с похищениями. Месяц назад агенты shabbiha схватили в Инттта'ат женщину, продержали у себя четыре дня и отпустили вместе с двумя другими девушками в обмен на своих, похищенных САС. Там же, в Инша'ат, живет семья С., у которой похитили дочь Х. С. и держали ее у себя пять дней. Военврач Абу Абдаллах ее знает.

Еще раньше Абу Абдаллах подарил мне очень красивые misbaha[57] из стеклянных шариков, окрашенных в цвета свободной Сирии: их смастерил, сидя за решеткой, его брат.

Другой врач — его зовут Али — показывает мне спину, иссеченную рубцами. Это множественные ранения, полученные 28 октября. Одна из пуль прошла в сантиметре от сердца, а другая — в полутора сантиметрах от позвоночника. Дело было так: агенты shabbiha, четверо мужчин, вооруженных калашами и пулеметом, вошли в квартал, дружески поздоровались с людьми из САС, а потом расстреляли мирную демонстрацию. Им удалось сбежать через Кфар-Айя и укрыться на своем КПП. Было убито шесть человек, среди которых одна женщина. Райед помнит этот случай, он фотографировал трупы. Раненого Али успели провозгласить шахидом, и ему уже начали рыть могилу. «Теперь я — живой мученик».

* * *

Мы уже вернулись домой, когда на улице началась перестрелка: стреляли совсем близко, видимо, была попытка атаки. Дальше последовал большой обмен любезностями. Потом вроде бы затихло, однако прогрохотал миномет, перестрелка возобновилась и продолжалась довольно долго.

22.45. Одеваемся и выходим на улицу в компании Алаа, у которого на плече АК-74. Идем в штаб к Хасану, там, в полной темноте, при свете мобильника, его ребята пытаются вставить ленту в пулемет, который, похоже, заклинило. Идем дальше, с нами — еще один боец. Стараясь держаться поближе к стенам полуразрушенных домов, двигаемся туда, где были вчера. На перекрестке выходим на ту улицу, которая ведет к позициям регулярных сил. Алаа объясняет, что надо ее пересечь, причем

как можно быстрее. Перебегаем на другую сторону. В этот момент с КПП открывают огонь, сначала одиночными выстрелами, потом очередями. Идем дальше, надо найти Хасана. Второй боец звонит ему, и выясняется, что он уехал в Инша'ат — на главное направление атаки. А кто же ее начал? Выходит, что повстанцы? «Нет, мы никогда не атакуем первыми, — объясняет Алаа. — Наступает армия, а мы — защищаемся». Разворачиваемся, снова перебегаем улицу и без происшествий возвращаемся домой.

Удивительно, как беспечны мы были, когда пытались связаться с Хасаном, стоя в полной темноте на углу улицы, расположенной на линии огня. Со всех сторон пальба, а мы как ни в чем не бывало стоим себе в этой холодной тьме.

* * *

Имад предлагает нам еще одну версию истории о двух заключенных, которых мы видели во второй клинике. Вооруженные подразделения повстанцев напали на одно из армейских зданий, и эти двое ударились бежать: они были ранены. Их поймали, и только тогда они сказали: «Мы — с вами». Однако в САС их считают пленными[58]. Перед армейскими снайперами ставятся две задачи: стрелять в прохожих и в тех солдат, которые пытаются перебежать к противнику. Что и произошло с этими двумя.

Фади, Абу Язан и Хасан возвращаются после боя. Фади пытался стрелять из РПГ, который Абу Язан разбирает у нас на глазах. Похоже, гранатомет приказал долго жить.

Мы подкалываем ребят за то, что они не принесли ничего поесть.

Абу Язан рассказывает, как шел бой. У Свободной армии в Инша’ат есть укрепленный пункт, он расположен в школе. Правительственные силы пошли в атаку, и бойцы САС стали просить у своих подмоги. Они знали, что в строящейся высотке возле голубой башни засел снайпер, и, чтобы его снять, им подвезли РПГ. Ну, они из него и шарахнули. Даже если попасть в снайпера не удастся — ведь они стреляют наугад, поскольку не знают, на каком этаже находится гнездо, — такой обстрел его испугает и вынудит спуститься.

00.45. Наконец-то принесли поесть. Имад радостно вопит, выхватывает пистолет и стреляет в открытое окно, хохоча от возбуждения. Я хриплю в ответ: «Если вы пришли в гости, то дырявить стены и бить стекла невежливо — это дурной тон».

Воскресенье 22 января. Баба-Амр

Неторопливое пробуждение ото сна. Zaatar, labneh, сыр.
Сны накатывают один за другим, очень личные и тревожные.

Выходим на улицу. Холод, туман. Покрытый мутной пеленой квартал безлюден. К штабу стекаются бойцы. Подъехал на мотоцикле Мухаммед З., член Военного совета. За ним подтягивается Абу Язан. Завязывается разговор о том, какой калаш лучше — русский или китайский. Ребята шутят, смеются, постреливают вверх. Говорят по-английски, ухитряясь обходиться тремя словами.

Вооружение Свободной армии собиралось с бору по сосенке: есть российского производства, попадается китайское, чешское, бельгийское, американское, испанское, итальянское…

Мухаммед З. везет нас на своем мотоцикле в самый центр Баба-Амра — в маленький переулок. Из дома выходят две женщины и мужчина: они — сестры, их отец погиб здесь, перед дверью собственного дома, сраженный осколком минометного снаряда. Это произошло в конце декабря. На месте остались следы: железная дверь пробита, повален электрический столб.

В одной из квартир, под установкой для переливания крови, покрытый одеялами лежит худой, изможденный человек. Он улыбается. Это — З. Он потерял левую ногу до самого колена. Культя покрыта толстым слоем бинтов.

В комнате много народу, какая-то старуха, еще женщины, дети, несколько мужчин, брат раненого. Все участвуют в разговоре[59]. Али, сын его брата, тоже пострадал — у него оказалась надорвана рука. Кроме того, была ранена соседка. Всех троих пострадавших отвезли на «скорой помощи» в больницу «Аль-Хикма», частную клинику Инша'ат. Персонал клиники был измотан вконец: в этот день поступило много раненых, они не успевали оперировать. Созвонились с другой частной больницей — «Аль-Амин» — в том же квартале, метрах в шестистах от первой. Но между ними располагался КПП. Из больницы «Аль-Амин» прислали «скорую» с санитарами в «Аль-Хикма», чтобы вывезти раненых. По дороге туда машина прошла КПП беспрепятственно, но на обратном пути ее остановили, военные и агенты безопасности заставили обоих мужчин выйти, а женщине позволили следовать дальше. Раненых мужчин на бронемашине отвезли в военный госпиталь в квартале Аль-Ваар, рядом с военной академией.

Все это мы слышим в изложении самого З., который обильно приправляет свой рассказ мимикой и жестами, несмотря на то что одна из его рук опутана трубками. Раненые просидели в госпитале минут тридцать-сорок, не получив никакой помощи, кроме успокоительных капель. Руку его племяннику оторвало не полностью, в отличие от ноги З., которую его соседи кое-как замотали шарфом. В военном госпитале, по-прежнему не оказав им никакой помощи, раненых сдали на руки тюремщикам, которые привязали их к кроватям и, на тех же кроватях, истязали более восьми часов. Подносами для еды били по телу и голове. Али, племянник З., умер. Через час после его смерти З. отвезли в операционный блок и наконец прооперировали, попытавшись пришить отрезанную ногу. Затем отвезли в камеру.

В камере, без должного ухода, его рана воспалилась; через шесть дней после ареста военврач решает ногу все-таки отнять.

На другой ноге у него три глубоких шрама, следы несчастного случая двадцатилетней давности. С тех пор З. - инвалид: правая нога у него была на семнадцать сантиметров короче левой. Теперь осталась только одна — короткая.

Мухаммед З. говорит: «Это единственный человек в нашем квартале, кто вышел живым из военного госпиталя».

Я снова завожу разговор о пытках. З. рассказывает: пытавшие ни о чем не спрашивали, а только оскорбляли истязаемых: «Значит, свободы захотелось? Так вот тебе свобода!» Доставалось и женщинам. Во время пыток им закрывали лицо одеялом, чтобы они не могли видеть тех, кто над ними издевается.

З. обвиняли в том, что он взялся за оружие. Он пытался оправдаться, приводя такой довод: «Это невозможно, потому что я — инвалид». Его соседи убеждены, что именно поэтому его и отпустили.

Кто-то из мучителей с разбегу прыгал ему, лежащему, на грудь. Потом привязали к раненой ноге веревку и дергали ее во все стороны. «Они много чего со мной делали, я даже не все помню». В течение семи-восьми часов его и его племянника мучили по очереди. В том же помещении были и другие заключенные, но их не пытали: «По-видимому, с ними уже разобрались». Еще один мужчина, лет шестидесяти, тоже умер. Он попал в госпиталь с ранением в плечо, его избивали целый час, пока он не перестал дышать. З. не знает, кто это, а его возраст он определил приблизительно, по голосу.

Палачи оповещали о своем приходе, крутя во все стороны дверную ручку, чтобы узники успели прикрыть лица одеялами: за ослушание могли казнить.

Он уверен, что избивавшие не были врачами. По его мнению,

это агенты секретных служб. Он показывает шрамы на щиколотках и — менее заметные — на запястьях: это следы от цепей.

В военном госпитале З. оставался в общей сложности двадцать пять дней. Умер ли за это время еще кто-нибудь, он не знает. Правда, у одного из истязаемых была совершенно разбита спина.

Когда неделю назад З. освободили, то сначала привезли во Дворец правосудия. Был суд, ему вменяли ношение оружия, подстрекательство к бунту, содействие вооруженным группировкам, неповиновение властям и прочее в том же роде. «Следователи тебя избивают, избивают, избивают и в конце концов навешивают на тебя такой список обвинений, что ты уже ничего не понимаешь». Его выпустили под залог, благодаря амнистии, но обвинения с него не сняты[60]. Домой брат привез его на такси. Через месяц З. надлежит снова явиться в суд, но он собирается послать вместо себя адвоката. Нам показывают его фото, снятое на мобильник в тот день, когда он вышел из госпиталя. Грязно-серая щетина, желтое, осунувшееся лицо — лицо трупа, но при этом тихая радость в глазах, как у человека, чудом избежавшего смерти. Вот еще фотография: этого убило осколком снаряда, он — отец одного из присутствующих здесь мужчин. Нам показывают, как это было, все снято на видео. Ужасно. Женщины рыдают, кто-то из мужчин, совершенно вне себя, кричит не замолкая «Allahu akbar», дальше на экране видны лежащие на земле трупы, мужчина несет раненую женщину к машине, видимо, это его соседка. А в самом начале записи — З. с болтающейся, полу оторванной ногой: какие-то люди запихивают его в санитарную машину.

Когда мы собираемся уходить, З. смотрит на меня блестящими глазами и делает приветственный жест. А потом говорит: «Эти люди меня убили, я должен был остаться там».

* * *

Около 14 часов. В пригороде собрался митинг протестующих против доклада Лиги арабских государств. Доклад здесь не понравился: слишком недружественный тон. Выступающие требуют, чтобы представленное ими досье было передано Лигой в Совет Безопасности.

Во время митинга собравшиеся поднимают на плечи какого-то офицера вместе с его калашом, а остальные скандируют: «Да здравствует Свободная армия!» Этот офицер — naqib, он только

что дезертировал из правительственных войск. Люди выкрикивают лозунги, требующие от международного сообщества защиты. Они хотят, чтобы здесь была объявлена бесполетная зона. И еще призывают объявить джихад.

На митинге — Бассам, все такой же внушительный и харизматичный, с пламенным взглядом. После митинга мы немного прошлись с доктором Али и одним из его друзей. Съели foul, стоя возле бродячего торговца в толпе мальчишек. На многих из них — голубые и оранжевые шапки и шарфы. Это цвета хомского футбольного клуба Аль-Карама, вратарь которого Абдель Бассет Сарут объявил себя сторонником революции. Мы хотим угостить foul Бассама, но он отказывается: он соблюдает пост уже полгода, каждый день, за исключением большого и малого Байрама, во время которых говеть запрещено: «Когда пощусь, я становлюсь сильнее. Это укрепляет мой дух», — объясняет он. Мы подходим к жаровне с горячими углями, чтобы погреться. На улице по-прежнему лютый холод, серое небо тонет в тумане, сквозь который смутно проступают силуэты ближайших домов и минареты мечети. Над крышами закладывают виражи стаи перелетных птиц. С разных сторон доносятся звуки автоматных очередей, потом призыв на молитву.

Пошел снег, он падает крупными хлопьями.

Заходим к одному человеку, здесь же, в квартале. Ему лет тридцать, лицо изуродовано пулей. Его немного подлечили, он может говорить, но правая сторона лица, особенно вокруг глаза, чудовищно распухла. Держится очень напряженно, до сих пор не может прийти в себя от страха. Ему нужны еще две или три операции: одна — чтобы восстановить кость щеки, вторая — косметическая и еще одна — поправить глаз. Но каждый поход к офтальмологу, к которому приходится идти мимо КПП, повергает его в ужас. След от ранения на лице останется.

Все произошло полтора месяца назад, на главном проспекте, когда еще существовал армейский блокпост в центре Баба-Амра. День был спокойный, никаких инцидентов. Он переходил проспект со своим братом, и с блокпоста начали стрелять — безо всякого повода. Услышав свист пуль, они бросились бежать. Улица, перпендикулярная проспекту, была уже в двух шагах, на бегу он наклонил голову, и пуля вошла ему в верхнюю часть щеки и вышла под глазом. Его передали САС, а оттуда переправили в Красный Крест, видимо, в местное отделение в Инша'ат. А уж Красный Крест отвез раненого в частную клинику «Аль-Бирр». В этой больнице был полицейский пост. Там проверили, не объявлен ли он в розыск, составили рапорт, но в mukhabarat не

сообщили. Чтобы избежать проблем, его родственники приехали его забрать на следующий же день после операции.

Парень отказывается фотографироваться, его старший брат, который нам все это рассказал, тоже. Оба сильно напуганы.

Рядом, в парке, бегают мальчишки, играют и кричат, а сверху мягко падает влажный снег.

Снегопад прекратился довольно скоро. Когда мы ели холодный фалафель в какой-то забегаловке, неподалеку раздался взрыв, за ним — автоматные очереди.

Некоторое время мы проплутали в тумане, пока какой-то солдатик не предложил нам показать место взрыва. Оказалось, что это в одном из переулков возле небольшой круглой площади, за которой начинается улица Бразиль: две ружейные гранаты, одна из которых не взорвалась, легли недалеко от одного из последних блокопостов САС. Мы рассматриваем неразорвавшийся снаряд и уходим. Солдат, которого зовут Абдулкадер, объявляет: «Вам надо уйти. Рияд аль-Ассаад сказал, что вам нельзя оставаться, это опасно, опасно для вас. Армия вполне может атаковать квартал, как они это сделали, когда здесь была группа Жакье».

Как уже было сказано, наше пребывание там протекало на фоне непрекращающихся конфликтов и разногласий с некоторыми гражданскими активистами и бойцами Свободной армии. Райеду неоднократно приходилось отбиваться от попыток, иногда довольно настырных, стереть кое-что из сделанных им снимков. И всякий раз, чтобы погасить страсти, в конфликт вмешивался член Военного совета Муханнад аль-Умар. Прибегнуть к его помощи нам пришлось и на этот раз.

Звоним Муханнаду: «Вернитесь к Хасану. *Я* буду минут через двадцать». Мы возвращаемся. Хасан с друзьями поджидают нас, на столе — еще горячая жареная курица с хумусом, на которую я радостно набрасываюсь, пока Райед — на всякий случай — делает запасные копии только что отснятого материала.

Приходит Муханнад. Все садятся в кружок, начинается серьезный разговор. Муханнад тихо спрашивает у Райе да: Ты увидел то, что хотел? Что вас еще интересует? Райед признает, что сейчас обстановка лучше, чем когда он приезжал в первый раз; благодаря тому что власти убрали отсюда армейский КПП, в квартале стало спокойнее. Нам бы хотелось попасть в Халдию, а потом, может быть, и в Тельбизи[61] и поговорить там с его

знакомыми. «Кто провел вас через границу с Ливаном?» — «Абу Брахим». Беседа продолжается. Муханнад спрашивает о сложностях с посещением первой клиники, той, которой заведует Абу Бари. Райед объясняет: нам бы хотелось там поснимать. Муханнад: «Больше не надо ходить к Абу Бари. Мы специально для вас перевели тех раненых в другую клинику».

Они с Хасаном обсуждают легкую стычку с Джедди, который в первый день ушел, хлопнув дверью. Муханнад: «Ответственный за информацию не имеет права так себя вести, это недостойно. Ему следует извиниться. Извиниться должны все, кто плохо повел себя с вами. Если вы готовы продолжать работать, никто не имеет права ставить вам палки в колеса. Вы здесь желанные гости. С вами останется Имад, и проблем больше не будет».

Муханнад рассказывает об офицере криминальной полиции по имени Абу Али Мунзир, который с двумя подручными shabbiha похитил четырех девушек. Это тот самый, о котором говорила девица в клинике Абу Бари. Прямо в нашем присутствии Муханнад звонит ей и получает от нее все пять имен, которые мы уже знаем, а потом и шестое. Есть еще три девушки, которых Мунзир держит в заточении, но их имена неизвестны. В общей сложности получается девять.

Шестая девушка — это та, о которой нам рассказывали в Военном совете: ее арестовали по дороге в парикмахерскую. Муханнад это подтверждает. Но когда они о ней рассказывали, то думали, что ее схватили агенты авиационной разведки, но теперь оказывается, что это дело рук Мунзира.

Мунзир — shabbiha и может держать женщин, ни перед кем не отчитываясь. САС, действуя через наблюдателей из арабских стран, пытается добиться, чтобы узниц передали в Департамент политической безопасности, но пока безуспешно.

Брат Мухаммеда З., «симпатичный салафит», как я его называю, тоже здесь. Его зовут Абу Салам. Он говорит, что две жены его брата были похищены shabbiha в конце декабря, это произошло на территории фруктовых садов. Мухаммед объявлен в розыск, и shabbiha явились к нему в загородный дом. Его самого они не нашли и, чтобы вынудить его сдаться, забрали в заложницы обеих жен. Их держали шесть дней, а потом, когда появились наблюдатели ЛАГ, выпустили. Мухаммед не сказал нам об этом из опасения, что мы заходим их увидеть.

С женами Мухаммеда обходились плохо, говорит Муханнад, очень плохо. Но никаких подробностей не рассказывает. Мы не настаиваем: в комнате слишком много народу.

Возвращаемся к вопросу о джихаде. Муханнад: «Каждый день гибнут люди. Лига арабских государств ведет себя слишком

нерешительно. Голоса мирового общественного мнения вообще почти не слышно. Поэтому тема джихада становится первоочередной».

Что же это означает? «Мы хотим, чтобы рядом с нами сражались бойцы со всего арабского мира. Мы требуем смертной казни для всех, кто ответственен за репрессии и продолжает работать на государство. Когда это будет объявлено во всеуслышание, те из гражданских лиц, кто еще не взялся за оружие, присоединятся к нам». Сирийские повстанцы убеждены, что давление на режим извне совершенно недостаточное. «Переход к джихаду будет означать начало военного этапа нашей революции».

Вмешивается Имад: «Не согласен. Если мы это сделаем, то начнется война всех против всех».

Им бы хотелось, чтобы НАТО согласился на прямое вооруженное вмешательство, но в ноябре этого не случилось. В ту пору Райед присутствовал на одной из манифестаций в Куссуре[62], где кто-то из активистов попытался выбросить лозунг: «Народ требует прямого вторжения НАТО!» Но, несмотря на все старания, этот призыв подхвачен не был.

Муханнад: «Свободная армия захватила трех мужчин и двух женщин, чтобы обменять их на шестнадцать рабочих предприятия „Мандарэн“ („Пепси“), взятых shabbiha 16 ноября. Их задержали на блокпосту люди из mukhabarat, потом они вызвали shabbiha, и рабочих увели. Через пять дней САС похитила упомянутых пятерых и через два дня договорилась об обмене.

Из двух женщин одна была алавиткой, а другая — исмаилиткой. Первая оказалась женой офицера, а вторая — его сестрой. Все трое захваченных молодых парней были алавитами. Двое из них — shabbiha, а третий — содержатель борделя. Так сказали они сами».

Муханнад опасается, что ужесточение репрессий приведет к конфликту на религиозной почве. «То обстоятельство, что алавитская община безоговорочно поддерживает правящий режим, может обернуться серьезной межконфессиональной рознью. Но эта сторона дела находится в ведении религиозных иерархов, шейхов.

Мы отдаем себе отчет, что власти готовы разыграть карту религиозных столкновений. Но если режим падет, то с ним уйдут и его методы. Репрессии прекратятся. Те, кто в них участвовал, пойдут под суд. Община алавитов найдет свою нишу в нашем обществе, как и все граждане Сирии. Во всяком случае, выгонять их никто не собирается. Алавиты — часть сирийского общества, как и мы все.

Я знаю, что думают люди в суннитской общине. У них и в мыслях ничего такого нет».

Мы просим рассказать, как организовано повстанческое движение в квартале. Тут действуют три структуры. Majlis al-askari (Военный совет): 24 члена, из которых трое — гражданские лица, остальные — военные. Majlis al-hura (гражданский или консультативный совет): 14 членов, из которых половина гражданских, половина военных. Он занимается вопросами правосудия, распределением гуманитарной помощи и снабжением САС. Tansikiyyat (местные координационные комитеты), в их ведении — организация митингов и манифестаций. И наконец, Maktab el-al'iilami (Информационное бюро) — один из координационных комитетов.

Муханнад утверждает, что Абдерразак Тласс не является командующим katiba. Но имени настоящего командира называть не хочет. Тласс — член Военного совета, и некоторые его коллеги по совету находятся в более высоком звании, чем он. Как, например, naqib, которого мы видели на манифестации (тот, что дезертировал два месяца назад).

Есть один координатор, являющийся одновременно и членом Военного совета (его имя под секретом), который осуществляет связь с tansikiyyat и действует как приводной ремень между Военным советом, tansikiyyat и Национальным советом Сирии (НСС). Через него же идут все контакты с Риядом аль-Ассаадом.

Рияд аль-Ассаад отдает приказы, намечает генеральную линию и решает все вопросы, связанные с вооружением и деньгами. Он очень влиятелен и пользуется огромным уважением.

У Военного совета и НСС общее видение ситуации и политических целей. Военные считают, что НСС представляет революционный народ, и признают его авторитет. Если придется формировать переходное правительство, то оно будет подчиняться НСС.

Появляется весьма импозантный пожилой господин, в костюме с галстуком: это офицер в отставке, он принимается разглядывать снайперские винтовки и давать советы. Завязывается серьезный мужской разговор: Хасан, Имад, пришедший старик, Абу Жауад, Абу Ассад и никого из молодых. Потом Абу Жауад и старик достают большую пачку денег — сирийских ливров — и передают часть Хасану: «для молодежи», насколько я понял.

Хасан колеблется, не хочет брать, они снова спорят, и в итоге деньги остаются на столе, под пепельницей. После этого все расходятся, а мы идем к доктору Али, у которого есть интернет.

* * *

В комнате полным-полно активистов, все воткнулись в компьютеры, все зависли в сети: кто в Facebook, кто где-то еще. Алуш, организатор манифестаций, тоже здесь, здесь же и его друзья. Готовят кальян.

Соединение в интернете идет очень медленно, хотя и, благодаря системе TOR, довольно надежно. Но мой USB-разъем подцепил у Абдерразака Тласса довольно опасный вирус, и почистить его негде. «Я заразился в al-Jaych al-Hurr, в САС». — «Al-Jaych al-Hurr сама настоящая зараза!»

Али — живой мученик — тоже здесь. Его товарищи рассказывают, как они приняли его за мертвеца. В ту пору он весил центнер, и его приятель Абу Слиман, маленький тощий парнишка, не мог сдвинуть тело с места. Али везли в госпиталь мимо армейского КПП: когда солдаты увидели, в каком он состоянии, они легко пропустили машину: «Валяйте, все равно он уже не жилец».

Гордый своим эксклюзивным статусом, живой мученик показывает нам видеозапись, где он запечатлен после ранения: из разорванной грудной клетки наружу свешивается половина левого легкого.

Эти молодые ребята говорят, что с тех пор, как мы здесь, погиб всего один человек: Абд аль-Кафи М., убитый в военном госпитале. Это, видимо, тот, чьи похороны сорвались. Тот, о котором нам сказали, что он только что умер. А до нашего приезда было очень сурово: пятеро погибших в воскресенье 15- го, пятеро — во вторник 17-го, один — в среду 18-го — как раз накануне нашего появления.

Абу Слиман: «Наши родители жили в постоянном страхе. Мы сломали стену страха. И теперь мы или победим, или погибнем». Поднимает вверх два пальца в виде буквы V. Тут же проводится фотосессия: все повторяют этот жест и все снимают. На свои аппараты: мне снимать запрещено.

Понедельник 23 января. Баба-Амр

Внезапное пробуждение. Около 10 часов, в 10.20, под звуки отдаленной канонады с трудом продираю глаза. Пытаюсь растолкать Райеда; Фади и Ахмад спят в гостиной. Я иду включить колонку, чтобы согреть воду, но выясняется, что мазута больше нет. Подходят ребята, они слегка возбуждены: пришли за пулеметами и патронными лентами. Перестрелка продолжается, звуки слышны уже довольно близко, такое впечатление, что происходит что-то серьезное. Пришедшие будят Фади и Ахмада, мы быстро одеваемся, чтобы пойти с ними.

Снаружи сыро и холодно, туман. Направляясь к штабу Хасана, бегом пересекаем небольшую площадь. Вокруг никого. На полной скорости подкатывает Имад и что-то объясняет. Мы бежим по улице вдоль домов, выходящих на площадь: здесь все простреливается. Канонада все ближе, огонь, судя по звукам, очень плотный: становится ясно, что обстрел ведется с позиций САС. Подъезжает Ибн-Педро с двумя приятелями, и мы, все вместе, входим в здание и поднимаемся на третий этаж. Молодой парень с пулеметом припал к сквозной дыре в стене и ведет через нее огонь. Пулемет заклинило. Ахмад втаскивает свой, пристраивается к дырке и начинает стрелять короткими очередями. Пустые гильзы, ударяясь о стену, отскакивают назад. Райед снимает, шум адский. Остальные спокойно наблюдают, покуривая и обмениваясь короткими репликами. Через какое-то время Ахмада сменяет Ибн-Педро — типа небольшая утренняя разминка. В полуразрушенной квартире сильно пахнет кордитом.

Ибн-Педро объясняет нам ситуацию: какой-то снайпер стал стрелять по прохожим и успел ранить четырех человек. САС открыла ответный огонь по его позиции: он засел в высотке возле стадиона.

Место у дырки в стене снова занимает первый парень и пытается запустить свой пулемет. После нескольких очередей пулемет снова начинает захлебываться.

Мы выходим. Парни на улице держатся спокойно, что-то обсуждают. Подходит Фади, я спрашиваю: «Так ты достал мазут для бойлера?» Ахмад уходит за боеприпасами.

Мы вместе с Фади спускаемся вниз по улице, проходим через какое-то здание, идем вдоль садового забора, пролезаем в дыру и входим в соседний дом. Лестница простреливается через открытое окно, поэтому поднимаемся бегом. Наверху заходим в квартиру, где стоит расплавившийся телевизор и валяются опрокинутые кушетки. Молодой парень, устроившись на мягком

стуле, сидит перед отверстием в стене и ведет стрельбу, для удобства, в качестве опоры, подставив под дуло винтовки металлическую лестницу. В комнате — еще несколько человек, все постреливают, по очереди. *Я* записываю кое-что в блокнот. Райед звонит Имаду. Ранены три человека из Свободной армии, один — серьезно. Все трое уже находятся в клинике Абу Бари, куда нам хода нет.

Спускаемся вниз, выходим на улицу, а потом снова поднимаемся в первую квартиру. Абу Хусейн, приземистый бородач, одетый в традиционную одежду вроде пончо, показывая в улыбке испорченные зубы, ведет шумную пальбу из своего G3 Heckler& Koch. Незадачливый стрелок по-прежнему мучается со своим пулеметом и в конце концов выпускает несколько очередей, отдающихся звонким эхом в маленькой комнате.

Впечатление такое, что перестрелка затихает, но ребята уверены, что армия так дела не оставит. Только что где-то дальше взорвалась ружейная граната, если это не минометный снаряд. Похоже, что гранаты, выпущенные из РПГ, сюда не долетают. Абу Хусейн объясняет, что они стреляют по танкам, только когда атакуют. Правительственные войска ведут себя по-другому: если повстанцы убивают кого-то в их рядах, они пускают в ход минометы.

Имам в мечети на углу, не обращая внимания на пальбу, созывает прихожан на молитву. Какие-то молодые люди ходят туда-сюда. Алаа притулился возле дыры в стене и курит.

Передышка. Завязывается разговор. Входит Абу Махмуд и весело нас приветствует. Был легко ранен еще один боец САС — осколками стекла, попавшими ему в лицо. Бойцы готовы отправиться в Инша'ат, но Абу Махмуд приказывает им оставаться здесь.

Очень холодно, изо рта вырываются облачка пара, мужчины топчутся взад-вперед по разоренной квартире.

Али зовет нас: в мечети Гилани отпевают шахида. Бежим туда, чтобы успеть до конца службы. Прибегаем, совсем запыхавшись. Молящихся немного. Завернутое в саван тело лежит в углу на катафалке. И тут выясняется, что этот человек умер естественной смертью, в собственной постели.

В бакалейной лавке на углу покупаем сласти и чипсы, так чтобы хватило всем, и снова, бегом, возвращаемся в здание на площади. Через парнишку, который пришел из Инша'ат, где все, собственно, и началось, Абу Махмуд узнает, что регулярные

войска готовятся к атаке.

Возле своего штаба Хасан, одетый в спортивный костюм, собирает снайперскую винтовку. Он подтверждает полученную информацию и советует нам, в целях безопасности, вернуться домой.

Спорим с Райедом. Хасан предлагает нам пойти к Ибн-Педро, который ведет огонь из одного из зданий. Но Райед хочет остаться с Хасаном. В любом случае пока тихо, и выстрелов почти не слышно, все собрались возле жаровни, чтобы погреться.

Перед домом стоит «КИА»: в лобовом стекле — пять пробоин, продырявлены даже кресла. Водитель рассказывает: когда начали стрелять, он как раз собирался сесть в машину. «Al'hamdulillah!» Все произошло час назад в Инша'ат.

Возвращаемся к штабу, чтобы поесть и обсудить происходящее. Чипсы оказались смоченными в уксусе, мне не нравится. Фади приносит из нашей квартиры боеприпасы. *Я* тоже иду туда, чтобы ополоснуть лицо и взять другой блокнот — этот уже почти исписан, и будет обидно, если случится что-то интересное, а записать окажется не на чем. Когда я возвращаюсь, Абу Язан уже здесь. Это он получил легкие ранения в лицо. Его приятелю в Инша'ат снайпер ухитрился попасть в пах, и тот от злости долбанул из гранатомета прямо через оконное стекло, осколками которого Абу Язану и порезало физиономию.

Пока по-прежнему тихо. Сейчас около часа дня. Возможно, на той стороне, прежде чем атаковать, решили подзаправиться.

В тот самый момент, когда я пишу эти строки, начинается пальба со всех сторон. Хасан просит, чтобы мы встали поближе к стене. «Может пролететь граната». Но внутрь штаба никто не уходит. Судя по всему, армейские силы находятся отсюда метрах в ста, не более.

Туман все еще не рассеялся. Солнечный диск висит прямо над домами, бледный, но пробивающий своими лучами серую мглу. Затхлый привкус войны.

Хасан берется за свою винтовку. «Хочу попробовать, как она». Проходим через помещения штаба, выходим в сад, потом через дыру в заборе и наконец попадаем в еще одну заброшенную квартиру. Гостиная загромождена обломками непонятного происхождения вперемешку с красивой мебелью, канапе и золочеными креслами в стиле Людовика XVI. Мебель беспорядочно разбросана, одно из кресел стоит прямо перед отверстием в стене; Хасан садится в него, прицеливается и начинает стрелять. Пустые гильзы звонко ударяются в стену. Помещение наполняется запахом кордита. Хасан закрыл лицо куфией Райеда, чтобы его нельзя было опознать на фото, но ему

быстро становится душно. Подходит Абу Хусейн, занимает место перед отверстием и тоже начинает стрелять.

Они ведут огонь по мешкам с песком на вражеских позициях, чтобы заставить снайперов прятать голову и помешать им стрелять. Специального, навороченного оружия для отстрела снайперов у них нет, но если противник случайно зазевается, то его можно обезвредить.

Хасан поднимается на второй этаж и делает несколько выстрелов через окно на лестнице. Мы идем за ним. Когда начинаем спускаться и я прохожу как раз напротив простреливаемого окна, он нажимает спусковой крючок, и я, под веселый смех Райеда, скатываюсь с лестницы кубарем. «Какая жалость, не успел снять!»

Выходим на улицу, подъезжает на машине Абу Хасан. Здороваемся. Абу Хасан спрашивает у Райеда: «Ты тоже стреляешь?» «Конечно», — отвечает Райед, показывая фотоаппарат.

Перестрелка продолжается уже довольно долго. Мы перемещаемся с места на место, я успеваю делать записи. Ребята на пристрелянных позициях методично делают свое дело. Вязкая, нервная обстановка ожидания. Если атака все же начнется, все пойдет очень быстро.

Похожий на бородатого медведя Ахмад — заместитель Хасана, и когда тот отлучается, то командует он.

Поднимаемся на крышу, там тоже боевая позиция. Алаа лежит, выставив вперед пулемет с оптическим прицелом, едва прикрывшись от пуль противника тремя мешками с песком и несколькими обломками стеновых блоков. Я ложусь рядом, и с помощью зум-объектива моего Линукса он показывает мне позиции вражеского снайпера, засевшего в конце улицы, прямо напротив нас, метрах в четырехстах, в одном из домов за стадионом.

Через отверстия в стене я рассматриваю и фотографирую гнезда снайперов в двух высотках, расположенных справа: в еще не достроенной и в той, что с голубыми стеклами. Видны мешки с песком, до них — не более двухсот метров. Стены вокруг испещрены пулями и снарядами. Но в целом здесь довольно спокойно. Солнце наконец вышло из-за туч, и покрытая осколками стекла крыша ослепительно сверкает. Время от времени один из парней выпускает очередь, и они снова продолжают свою беседу. Нам приносят вышитые подушки и усаживают возле стены на лестничной клетке. Очень комфортно. Похоже, что кто-то из ребят заваривает чай.

Внезапно раздается новый взрыв. Все бросаются к своему оружию и ведут плотный огонь. Те, что напротив, отвечают тем же: пули так и свистят. Я отодвигаюсь подальше от лестничной клетки: это место уже не такое надежное: видно по состоянию стен. Райед фотографирует. Перестрелка продолжается минут пять и стихает. Я возвращаюсь и снова сажусь на свою подушку: «Ну так что, Алаа? Где же чай? Wen tchai?»

Алаа объясняет, что к вражескому посту подъехала машина без номерных знаков с грузом боеприпасов и они начали по ней стрелять. Думают, что ранили нескольких человек. Чтобы прикрыть своих людей, оттуда ответили. Мы: откуда вы знаете, что там были солдаты, если машина была не военная? В машине они видели по крайней мере одного человека в военной форме, потому и открыли огонь. Разумеется, они не стреляют в гражданских лиц, но военные, чтобы снабжать здешние блокпосты всем необходимым, имеют обыкновение отбирать машины у гражданских лиц. Если они подъедут на танке, бойцы САС ударят по нему из гранатомета. Райед: «Почему в таком случае они не ходят в штатской одежде, как вы?» Алаа: «Тогда их будут отстреливать их собственные снайперы!»

Снова воцарилось спокойствие. Издалека до нас долетает шум машин с автострады. У ботинок Алаа, который по-прежнему лежит, отрывается подошва.

В перерывах между стычками становится скучно. Ребята курят, болтают. Теперь, когда показалось солнце, стало потеплее. Мы спускаемся в штаб и спокойно пьем чай с Хасаном, Имадом и другими. Мать Фади напекла очень вкусных empanadillas с сыром и мясом. Мы едим, запивая их обжигающим чаем. Неописуемое наслаждение! Тепло растекается по всему телу, и оно наконец-то расслабляется.

После чая возвращаемся домой. Горячий душ — восхитительно! Выхожу из душа, а Райеда нет. Неприятный сюрприз! Чувствую себя воздушным шариком, из которого выкачали воздух. Насколько сильно было напряжение, начинаешь ощущать, только когда оно схлынет.

На улице опять шарахнуло. Немного спустя возвращается Райед. Один из бойцов был ранен, похоже, пуля попала в руку. Он описывает такую сцену: парнишка лет восьми спокойно шагает по опасной стороне улицы, а вокруг идет чудовищная пальба со всех сторон.

Такова солдатская жизнь: спать, есть, чистить оружие, стоять на часах и время от времени сражаться. Бездна терпения и скуки ради нескольких ярких часов, которые могут закончиться

ранением, а могут — и смертью.

Молодой, незнакомый мне парень возвращается за боеприпасами. Он выкладывает из холщовой сумки патроны и, стоя на ковре на коленях, наполняет магазин. Черная шапка, небольшие усики, поверх ветровки — «лифчик» с патронами.

Вернулись домой к трем часам дня, то есть вся заварушка длилась часа четыре. Около половины пятого Имад наконец приносит sfi has и йогурт. Ибн-Педро здесь. Ахмад и остальные ребята тоже. Все едят с большим аппетитом. Раздается мощный взрыв — где-то совсем рядом. Хасан выясняет по телефону: чтобы выкурить снайпера, один из парней долбанул по нему из РПГ.

Любопытное ощущение — странные нестыковки в сознании во время боя. Адский шум бьет по нервам, даже если стреляют твои друзья и ты не подвергаешься опасности. В то же время сами выстрелы похожи на взрыв хлопушки, впечатление такое, будто развлекаются детишки. Хочется укрыться, но безопасных мест нет, ты везде оказываешься на линии огня, и никто не знает, что делать, чтобы выжить. Мы спрашиваем, нам отвечают, и приходится верить на слово. Опасность выглядит надуманной и абстрактной, даже если вы видите, что эти типы с другой стороны целятся в вас. *Я* думаю, что чувство реальности возвращается в тот момент, когда получаешь свою пулю: тогда все становится на свои места — внезапно и, увы, непоправимо. Но пока ничего не случилось, все происходящее кажется на удивление игрушечным, нереальным — как во сне. И то, что случается с другими, может случиться только с ними, но не с тобой.

Возвращается Абу Язан, вид у него измученный, лоб забинтован. Но вроде бы ничего страшного.

17 часов. Имад уходит, чтобы сообщить о случившемся родственникам раненого и категорически отказывается взять нас с собой. Ибн-Педро начинает вязаться к Райеду по поводу его фотографий, сделанных в прошлый приезд. Утверждает, будто бы у кого-то были из-за них неприятности, что не лезет ни в какие ворота, учитывая, как аккуратно Райед работает. В конце концов Райед показывает свои pdf, и тон разговора понижается. Однако Ибн-Педро по-прежнему раздражен: его это не убедило.

Райед: «Знаешь, иногда я завидую тебе, что ты не знаешь арабского. Он вел себя как последний хам. Вываливать все, что он тут вывалил, в присутствии других, это подло».

В углу молодой парень, стрелявший утром из пулемета, заполняет магазин патронами из большой сумки, битком набитой

боеприпасами. Другие начинают ему помогать.

Я выхожу вместе с Алаа за покупками. На улице мокро, лужи поблескивают в свете автомобильных фар. Бойцы на блокпосте используют мобильники в качестве карманных фонариков, что делает их похожими на привидения.

Возле мечети я покупаю мыло из Алеппо. На обратном пути ребята прикалываются: «Ты, значит, дружишь с этими из Алеппо, значит, ты — с Башаром? Покупаешь алеппское мыло, предатель!»

* * *

19.30. Мы хотели поговорить с Абу Салимом, врачом из mukhabarat, но ни найти его, ни связаться с ним невозможно.

Вечером, около 23 часов, мы вместе с молодым бойцом, который называет себя Котом, идем пешком к его знакомым активистам, у которых есть доступ к сети. Эти ребята категорически против объявления джихада. «Наша революция не религиозная, мы боремся за свободу. А призывы к джихаду полностью искажают лицо сирийской революции. Да, на митинге этот лозунг звучал. Но там же собираются простые люди, они не понимают, к чему это ведет».

Наш хозяин, Абу Аднан, — коммунист, а по профессии он адвокат и защищает политзаключенных. Он предлагает нам сходить во Дворец правосудия, посмотреть, как это происходит. «Если у тебя есть деньги, то можно все». Здесь же и Абу Язан, кинооператор, который работает с «Аль-Джазирой» и другими телеканалами.

За столом Абу Аднан наливает нам «виски» местного производства, сладковатого на вкус, и предупреждает, чтобы мы о нем помалкивали. А потом спрашивает, верим ли мы в Карла Маркса. Он в него верит так, как другие верят в Христа или пророка Мухаммеда. По крайне мере, он так говорит. Его отец, чей похожий на фотографию портрет висит на стене, тоже был коммунистом. Фармацевт Абдель Кадер старается слегка смягчить эти утверждения: «Din, din. Fiicr, fi кг» («Вера — верой, а идеи — идеями»).

Раньше Абу Язан аль-Хомси объяснял Райеду, что он считает себя не столько журналистом, сколько борцом за свободу. «Я никогда не снял бы материала, который может повредить революции». Снимать Свободную армию он практически не может. Однажды он сделал видеоматериал подбитого танка, но люди из САС запретили ему публиковать снятое где бы то ни

было. Они боятся, что кто-то узнает, что в их рядах есть гражданские лица. По их мнению, это обстоятельство может лить воду на мельницу режима, который обвиняет повстанцев в «терроризме». Настоящая паранойя, причем на уровне руководства.

Абу Язан аль-Хомси подтверждает, что все иностранные журналисты (кроме нас) работают с Информационным бюро. «Это потому, что есть информация, к которой их подпускать нельзя. А бюро держит всех приезжих под колпаком».

Абу Аднан хочет поддерживать со мной связь через Google Translate: «Please tell the world we are not islamiste». — «I am communist and I hate islamiste»[63].

С трудом выдираемся из этой квартиры часа в три ночи. Абу Аднан, слегка под хмельком, провожает нас до двери: «Когда мы победим, приезжайте к нам как туристы, будете моими гостями!» Домой возвращаемся пешком, в сопровождении Кота: на улице холодно, всюду лужи. На блокпосту САС бодрствуют, раздается окрик: «Стой, кто идет?» Кот на ходу отвечает, и мы следуем дальше.

Вторник 24 января. Баба-Амр — Халдия — Баяда

10 часов. Просыпаюсь, а Ахмад с другими парнями уже громко разговаривают, сидя вокруг sobia. Фади еще спит. Ребята пьют мате и заварили чай. Райед звонит своему приятелю Абу Ассаду: просит организовать нам поездку в Халдию. Но для Абу Ассада это слишком сложно. В конце концов договариваются о том, что за нами приедет Биляль, активист из Халдии, который работает с подпольными госпиталями.

Несмотря на то что здесь у нас оставались неоконченные дела, к примеру, встреча с врачом из mukhabarat, которую так и не удалось организовать, мы еще накануне решили, что пора начинать работать в центральных кварталах, начиная с Халдии, расположенной в северо-западной части города, где у Райеда есть хорошие знакомые.

После полуденной молитвы — похороны shahid. Как нам вчера вечером рассказали активисты, этот человек — он не был военным — возвращался домой из центра города, был остановлен на КПП, и солдаты увидели, что он — житель Баба-Амра. В этот момент началась перестрелка между ними и бойцами САС. Солдаты связали прохожего и использовали его в качестве живого щита. Однако из той заварухи он вышел целым и невредимым: убили его потом.

Стоя под дождем перед мечетью, ждем начала траурной церемонии.

Выяснились подробности: shahid звали Мухаммед В. Его похоронили сегодня, в девять утра. Но это не тот shahid, о котором говорили вчера, этого человека ранило десять дней назад осколком снаряда, влетевшим в булочную. От этих ран он вчера и умер.[64].

Райед звонит Абу Язану аль-Хомси, оператору с телеканала «Аль-Джазира», и тот утверждает, что речь идет как раз о том shahid, которого мы искали. И это действительно его ранили четыре дня назад возле КПП, как нам рассказывали? Теперь это невозможно выяснить точно: он умер вчера вечером. Его семья живет в Аль-Ваaор, возле нефтеперерабатывающего завода, и родственники забрали тело сегодня утром, чтобы похоронить его

поближе к дому. Еще одна история, в которой невозможно доискаться правды. Как и все здешние истории.

В конце концов узнаем, что труп из булочной был на самом деле и его действительно похоронили сегодня утром.

Беседуем с группой женщин. «Храни вас Господь, сынки! И пусть вас минует беда, которая случилась с одним из ваших!» Какой-то тип на велосипеде, в наушниках и с висящими на руле покупками, присоединяется к разговору. В декабре его брат был убит снайпером в тот момент, когда садился в автобус, чтобы ехать на работу.

С того вечера с кальяном, где были доктор Али и активисты, у меня начался кашель, который день ото дня будет только усугубляться, и избавиться от него мне не удастся до конца поездки. И поскольку друг Райеда, вызвавшийся отвезти нас в Халдию, задерживается, мы отправляемся пешком искать ближайшую аптеку.

Аптека на одной из центральных улиц, я покупаю сироп от кашля. Аптекарь по имени Ахмед прекрасно говорит по-русски, он десять лет учился в Москве — с 1999 по 2000 год. Его брат, который работает врачом в Дамаске, — тоже. Свою аптеку он снова открыл всего неделю назад: она какое-то время не работала, потому что эта часть улицы была разрушена.

По сути, это первый человек, с которым я могу говорить напрямую с тех пор, как нахожусь здесь. *Я* просто счастлив.

Ахмед родом из деревни, которая находится на границе с Ливаном, по дороге на Тартус. До того, как попасть в Россию, он учился в Саудовской Аравии, а потом там работал, в том числе и в сельской местности. В Баба-Амре живет уже пять лет, здесь прошло и его детство: отец служил учителем. Мой собеседник — туркмен по национальности, как и все в его деревне. В сущности, это скорее небольшой городишко, где живут 14 тысяч человек.

«Я много путешествовал: Россия, Румыния, Греция, Турция, Саудовская Аравия, но такой власти не видел нигде». Солдаты правительственных войск грабили его аптеку трижды. Витрина и металлическая штора напоминают решето, такое в них количество дырок от пуль, снарядов и осколков.

Медикаменты он берет в центре города, а также в Дамаске, Алеппо и в других местах: посылает заявку, и через день-два ему привозят товар. Цены на лекарства не выросли, он полагает, что их контролирует Министерство здравоохранения. В то же время некоторые средства достать трудно. Не хватает очень многого.

Как раз в этот момент появляется хорошо одетый господин, который привез заказанные медикаменты из центра города. Ахмед обсуждает с ним следующий заказ. Цены на товары, необходимые для ухода за детьми и за больными (бинты, пастилки от кашля, детское питание и прочее), не контролируются и выросли на 100–120 %. Кроме того, ездить сюда из центра очень опасно.

Ахмед рассказывает всякие байки про Россию. Там ему говорили: «Ты не пьешь, не куришь, зачем же ты живешь? — Только чтобы бегать за девушками».

Раньше Ахмед оказывал помощь клинике Имада, но там что-то не заладилось. Говорить об этом не хочет. Но в конце концов дает понять, в чем состоит причина разлада: то, что он туда посылал, до клиники не доходило. «Они — хорошие ребята, но у них — внутренние распри. И кое-кто этим пользуется». После трех грабежей с деньгами у него туго, и это — лишний довод, чтобы прекратить сотрудничество. «А клиника Абу Бари?» — «Нет, ни за что!» Сказано с большим чувством.

Он рассказывает о своем дяде, который работает пилотом. За офицерами авиации ведется тщательная слежка. Несколько человек из его окружения хотели перейти на сторону восставших, но их арестовали и казнили. Дяде удалось бежать, и он какое-то время сражался в рядах САС. Теперь живет где-то в провинции.

* * *

Перед тем как выехать из Баба-Амра, мы отправляемся на Военный совет на встречу с Муханнадом. На площадке за мечетью, между деревьями — две уже вырытые могилы. Их приготовили на случай, если сильная стрельба не даст возможности донести покойника до кладбища.

Фотосессия на фоне здания, где помещается Военный совет. Несколько портретов: naqib Айман аль-Фадус и Абдерразак Тласс — в военной форме, горделиво улыбается и потрясает зажатым в руке калашом. После съемки короткая беседа с Муханнадом.

Пока ждем и разговариваем, на меня нападает внезапный приступ лихорадки. Все тело бьет дрожь.

* * *

Около 14 часов — отъезд в Халдию. Обычное такси ждет нас возле Военного совета, его прислал Биляль, друг Райеда. Заезжаем домой взять вещи, надо торопиться, потому что Абдерразак Тласс собирается атаковать армейские блокпосты, так что возможна перестрелка: мы быстренько смываемся. Начиная с Инша'ат, пейзаж меняется: дома более ухоженные и чистые, тротуары целые, появляются деревья и газоны, много прохожих, гораздо больше машин. Выезжаем на проспект: прямо перед нами здание с огромным портретом Асада-старшего, похоже, что это штаб-квартира «Баас». Чувствуется, что мы на вражеской территории, однако не видно ни военных, ни блокпостов.

Ощущение такое, что телесная лихорадка — это лишь отражение лихорадки в мозгу: болезненно взвинченное, горячечное состояние.

Такси поднимается по проспекту, движение плотное, в нижних этажах зданий полно магазинов, множество публики. В кварталах, поддерживающих повстанцев, — горы мусора, грязь повсюду: муниципальные власти придумали для них «наказание» — перестали выполнять свои обязанности по уборке улиц. Но здесь, даже в тысяче лье от Баба-Амра, в большом, «современном» городе, если съехать с оживленной улицы вглубь, в кварталы, где живет простой люд, вы увидите такие уголки, куда нормальный человек войти не отважится. Проезжаем по улице Дублин, потом по Ла-Корниш — широкому проспекту в самом центре, затем, чтобы миновать блокпосты, начинаем петлять по узким проулкам кварталов, поддерживающих повстанцев, но не таких безопасных, как Баба-Амр. Минут через двадцать въезжаем в Халдию. И вот первый сюрприз: на въезде в квартал — блокпост САС: мешки с песком и вооруженные бойцы. Райед удивлен: в ноябре этого поста еще не было. Если повстанцы позволяют себе открыто демонстрировать свое присутствие так близко к центру города, это означает, что их позиции серьезно укрепились. Пост появился два дня назад, за ним расположен еще один: он стоит здесь уже месяц и охраняет подступы к центральной площади, где происходят манифестации. Через несколько минут мы на месте. *Я,* содрогаясь от озноба, поедаю маленькую пиццу с сыром под острым соусом, которую испек для меня бродячий торговец. Мы ждем Биляля. Он появляется — вместе со своей энергичной подругой Заин. Заин носит покрывало, но одета в джинсы и горные ботинки: а Баба-Амре такого не увидишь. У Биляля рука в гипсе: свою пулю он получил четыре дня назад, когда пытался помочь какому-то раненому.

Первое, что бросается здесь в глаза по сравнению с Баба-Амром, — множество женщин. Там женщин можно увидеть только на манифестациях, больше нигде: их как будто нет. Здесь же они повсюду, вперемешку с мужчинами. По таким вот деталям можно судить о том, насколько консервативен Баба-Амр.

* * *

Около 15 часов. Биляль ведет нас посмотреть подпольный медпункт. Нас угощают чаем, а Заин показывает мне на своем смартфоне длинный клип, который она сняла здесь, в медпункте. На экране — шофер такси, которому пуля попала в лицо: он умирает, лежа на полу рядом с кушеткой, на которой я в данный момент сижу. Окружившие его врачи безуспешно пытаются вернуть его к жизни с помощью интубации и прямого массажа сердца. Раненый лежит в луже крови, мозг наполовину вывалился из черепной коробки на пол. Он умирает.

Еще один клип, на нем — труп молодого парня с аккуратно подстриженной бородкой, он убит в тот же день, что и шофер. Парень был бойцом Свободной армии, его звали Абу Саади, он пошел к солдатам из mukhabarat, чтобы убедить их перейти на сторону повстанцев. Один из них отложил автомат и сказал: ладно, я пойду с вами. Абу Саади подошел к нему, а тот выхватил спрятанный пистолет и всадил парню пулю в глаз. На видео еще несколько человек: молодой боец, которому снайпер попал в горло.

Активист, с закрытым лицом, в черных очках и с микрофоном в руке, выступает перед толпой в присутствии матери и сына какого-то мученика.

Одна из санитарок медпункта раньше работала в Красном Кресте. На каком-то из армейских КПП им сказали: «Мы мятежников зачищаем, а вы их спасаете». Нам она объясняет, что Красный Крест может работать не во всех кварталах и что его сотрудников регулярно отстреливают. В этой ситуации они действуют так: договариваются по телефону с местными врачами, и те им привозят раненых в условленное место.

Как ранили Биляля. Солдаты правительственных войск подстрелили какого-то мужчину, пуля попала в шею, и они решили, что он мертв. Вывезли в другое место, положили на землю, потом сообщили Билялю или кому-то из его знакомых, что они могут прийти за телом, а сами устроили засаду. Биляль пришел с другом, солдаты их дождались и открыли огонь.

Рассказ прерывается: на машине привезли нового раненого. Его вносят в медпункт и кладут на живот. Бедняга стонет и кричит: «Аллах! Аллах!» Пуля попала ему пониже спины. Молодой парень — не больше тридцати, толстый и с бородой. Лежит на животе на операционном столе, руки свисают вниз. Ног не чувствует. Крови почти нет. Стонет, задыхается. Жалуется на боль в животе. Биляль спрашивает: «Ты в розыске?» — «Нет». Биляль звонит в больницу, чтобы за ним прислали машину скорой помощи.

Похоже, что парень парализован. Уколы, перфузия. «Мой живот, мой живот», — беспрерывно стонет этот несчастный. Крови по-прежнему мало, пуля не вышла наружу. Задет позвоночник. Из Красного Креста приезжают быстро, минут через 7–8, раненого увозят. Удостоверение личности забирают с собой. Добро пожаловать в Халдию.

Санитар Абу Абду, с которым мы разговорились после этого инцидента, работал в частной клинике Аль-Бирр в квартале Ваар. И в госпитале Баб-Сбаа. Таких случаев он навидался — раненых через его руки прошло сотни полторы-две. Он уверен, что снайпер намеренно целился в позвоночник. Они используют маленькие пули для снайперской винтовки, пули от калаша тут не годятся. И еще он видел многих раненых разрывными пулями, наверное, имеются в виду пули «дум-дум».

Биляль опять показывает мне снятое на телефон. Человек с открытой раной в живот, легкие и кишки наружу, врачи стараются все запихнуть обратно.

Все их мобильники — настоящие кинотеатры ужасов.

Продолжение рассказа Биляля. Когда солдаты правительственных войск открыли огонь, Биляль побежал, чтобы не попасть в ловушку. Он стучался во все двери, умоляя, чтобы ему открыли, но никто не отозвался. В конце концов высадил одну из дверей и ворвался в квартиру — в этот момент пуля и попала ему в руку. Солдаты начали буквально поливать квартиру огнем. Ранили шестилетнюю девочку, она плакала: «Дядя, дядя, я никогда не была на манифестации». Он успел связаться с CAC, и они прислали на подмогу, как он утверждает, человек двести. Кто-то из бойцов вошел в квартиру через заднюю дверь и дал ему оружие. Прибывшие предприняли контратаку на армейские позиции, чтобы забрать раненого. На видео, которое Биляль нам показывает, этот момент запечатлен: видно, как он стреляет. Атака была успешной: раненого отбили и впоследствии, чудесным образом, поставили на ноги.

В помещении, где располагается этот медпункт, раньше была парикмахерская. Пункт функционирует уже два месяца, и он не

единственный в Халдие. Но того, который Райед видел в прошлую поездку, больше нет: его обнаружили агенты mukhabarat, забрали врача, конфисковали весь материал и опечатали помещение. В подпольных госпиталях врачей нет, единственного, кто там работал, арестовали. Шестеро коллег Абу Абду тоже были схвачены, а он не стал дожидаться ареста и ушел.

* * *

Биляль везет нас за пределы квартала — в Баяду, где мы будем жить. У него красивая машина, внушительный внедорожник с кожаными креслами и автоматической коробкой: ясно, что он человек небедный. Спешно пересекаем проспект в ста метрах от армейского блокпоста и углубляемся в тесный, запутанный квартал, который контролирует Свободная армия.

Хозяин предоставленной нам квартиры — его приятель, он в отъезде, а ключи оставил на случай, если понадобится где-то разместить раненых. В одной из комнат спит раненый, получивший две недели назад две пули — в грудь и в живот.

Этот квартал — кавказский. С нами сидит Ариф, молоденький паренек с куфией на голове, по национальности он — адыг. А сам Биляль — бедуин.

Мой озноб не проходит, и я прошу, чтобы мне купили ибупрофен. Пытаюсь дать деньги. Биляль отказывается: «Если ты предлагаешь деньги, значит, ты жадный. Значит, когда я приду к тебе, ты меня не приютишь».

Разъяснения Биляля. Офицеры на блокпостах меняются каждые две недели. Когда на пост заступают армейские — все спокойно. Но когда наступает смена людей из mukhabarat, стрельба не прекращается. Сейчас на проспекте Каир, большой улице, которую мы пересекаем, по графику, — постовые офицеры из mukhabarat, и пальба шла беспрерывно весь вчерашний день: в течение трех часов снайпер не давал пройти никому.

* * *

18 часов. Меня продолжает знобить. В эти минуты начинается манифестация, и мы идем на центральную площадь Халдии. Собрались еще не все, на площади лишь несколько десятков молодых ребят: они слушают революционную музыку, которую

транслируют через громкоговорители.

Звук слишком громкий, но музыка заводная. Раньше площадь носила название «Горный сад», а теперь ее переименовали в «Площадь свободных людей». В углу — деревянная, раскрашенная в черный и белый цвета копия старых часов, стоящих на площади в самом центре Хомса. Здесь несколько месяцев назад восставшие пытались провести сидячую забастовку, которая была потоплена в крови гвардейцами Ма*censored*а, брата Башара Асада. Установленная на площади копия часов означает: отныне центр города — здесь. Она увешана фотографиями мучеников, изображения в основном цветные, в формате А4.

Сама площадь — большая, квадратная, с зеленой лужайкой и деревьями — по периметру завалена грудами мешков с накопившимся мусором. На одной из сторон площади укреплен большой транспарант: «Нет фальшивым оппозиционерам — марионеткам бандитского режима! НСС нас сплачивает, раскольники и заговорщики — разъединяют». Не что иное, как клятва в верности Национальному совету Сирии. Прожекторами освещен только тот угол площади, где стоят часы, остальное погружено во мрак, за исключением нескольких магазинчиков и парикмахерской, в окне которой виднеется красивое красное кресло. Прохожие, освещенные автомобильными фарами, выступают из темноты на короткое мгновение, как призраки.

Вокруг часов толпятся уличные торговцы, в этой толкучке мы, высадившись из такси, и обнаружили Биляля. Райед нашел маленького белокурого мальчугана, с очень красными руками и веселой улыбкой, которого он снимал в ноябре. С тех пор многое изменилось: активисты, которым поручено собирать информацию, снимают все окружающее, не пряча лица. Мальчику одиннадцать лет, его зовут Махмуд. «Как тебе удалось вернуться в свою страну? И на КПП тебя не схватили? — восклицает он. — Ты сильный! Настоящий герой».

Толпа становится все гуще, и митинг начинается. Ведущий составляет список восставших городов: «Идлиб, мы с тобой до самой смерти! Тельбизи, мы с тобой до самой смерти! Растан, мы с тобой до самой смерти и т. д.».

Мальчик подпевает, фальшивя и срываясь, манифестанты выстраиваются в цепочку и начинают танцевать.

Ведущий: «Мы не выступаем ни против алавитов, ни против христиан. Народ един!»

Все подхватывают: «Народ, народ, народ един!»

Ведущий: «Мы можем доверять только Господу, но не Лиге арабских государств, ни ее наблюдателям, ни НАТО!»

Все: «Мы можем доверять только Аллаху!»

Что производит самое сильное впечатление в этих манифестациях, так это та энергия, которую они излучают: безудержное народное ликование, восторг сопротивления. На самом деле эти мероприятия служат для того, чтобы спустить пар, это что-то вроде коллективной разрядки, позволяющей освободиться от напряжения, копящегося, день за днем, в течение одиннадцати месяцев. Но те же митинги — почти ежедневно — придают новые силы и мужество их участникам, чтобы они могли и дальше терпеть свои беды: убийства, раны, траур по близким. Собравшаяся толпа генерирует энергию, чтобы затем каждый индивидуум ее впитывал. Огромный эффект производят не только бросаемые в толпу лозунги и содержащийся в них вызов властям, но и музыка, пение, танцы. К примеру, zikr soufi, форму которого они часто принимают, — это тоже источник мощного вброса энергии, подпитывающего толпу. Благодаря этому люди держатся, продолжают держаться: они поют и танцуют, и наполняющая их радость помогает им выживать.

* * *

Мы в интернет-кафе — чуть в стороне от площади, в конце улицы. Как рассказал один парень, сегодня в Хомсе погибло тридцать девять человек, из которых двадцать три — в Баб-Тедмор. Правительственные войска обстреливали город.

Это интернет-кафе — место встречи всех активистов Халдии, они приходят туда, чтобы вывесить в YouTube и в социальных сетях то, что сделано ими за день, — видео с манифестаций и зверства режима. В ноябре Райед провел там немало часов. Одно время он жил в квартире, расположенной как раз над кафе, с балкона которой ему однажды удалось заснять танковый десант правительственных сил безопасности. *Я* смотрю свою почту, отвечаю на письма, потом пишу текст о переезде из Баба-Амра в Халдию.

23 часа. Один из друзей Биляля приехал за нами в интернет-кафе на грузовике. Когда мы отъезжаем, он зажигает потолочный светильник, чтобы проехать блокпост САС, потом гасит весь свет, в том числе и фары, и мы пересекаем проспект Каир в полной темноте и как можно быстрее. В нашей квартире света нет до сих пор.

Потом выясняется, что света нет во всем квартале: танк раздавил трансформатор.

Биляль рассказывает: три дня назад shabbiha усыпили хлороформом и похитили адвоката, который защищал политзаключенных. Его жестоко избили.

Старший офицер Свободной армии в Халдие — mulazim awwal по имени Омар Шамси. Райед его знает, в ноябре он снимал этого человека неподалеку от Тельбизи. Тот тогда служил в katiba «Халед ибн Валид». Потом его пригласили в Халдию обучать молодых солдат. Теперь ротация офицеров между разными katiba стала привычным делом.

Это очень важный момент. В самом начале Свободная армия формировалась по территориальному принципу: офицеры, переходя на сторону восставших, расходились по домам и начинали командовать местными подразделениями, состоявшими из солдат их деревни или квартала. Как Хасан в Хакуре, командующий отрядами квартала, где он живет. Приглашение Омару Шамси переехать из Тельбизи в Халдию — это признак того, что САС становится более профессиональной, — так объяснил мне один из собеседников несколько дней спустя.

Биляль: раненый, которого мы видели сегодня днем, останется парализованным. Его подстрелил снайпер, когда он пробирался из Куссура в Халдию. В тех местах он стал единственной жертвой.

После инцидента с Билялем вылазки за пределы Халдии за ранеными совершаются теперь на машинах САС с пятью вооруженными бойцами в качестве сопровождения.

Вчера в Хомсе зарегистрировано пятеро убитых.

Среда 25 января. Халдия — Сафсафи — Баб-Сбаа — Сафсафи

10 часов. Позднее пробуждение. Температура у меня не спадает. Райед выясняет у Биляля подробности о двадцати трех убитых за вчерашний день: «Уже похоронены». Воспринимается как анекдот.

Выезжаем на такси с Абу Аднаном, активистом и знакомым Райеда. Направляемся на похороны в Сафсафи, это на самой границе с алавитскими кварталами. Едем через центр и старый город. Окруженная парком большая мечеть Халед аль Валид тонет в тумане — смутно видны лишь ее очертания. Едем мимо здания, где размещается служба безопасности. Снова въезжаем на территорию рынка: скученное, запутанное и очень оживленное переплетение улочек и закоулков с несметным количеством ларьков и лавчонок. Здесь есть бойцы Свободной армии, но они держатся скрытно. На крыше одного из зданий — армейский снайпер, прямо напротив нас. Обычно они сидят тихо, но если случается какой-нибудь инцидент, начинают стрелять, чтобы разогнать народ с рынка. Дня три назад здесь развернулось настоящее сражение. Силы безопасности окопались справа, метрах в ста. Мы поворачиваем налево и еще дальше углубляемся в souk[65]. Двигаться по этому лабиринту невозможно: проезд загромождают горы отбросов и нечистот. Что-то люди пытаются вывезти сами, но не успевают. Чуть дальше, там, где заканчиваются лавчонки, пост САС. Над мешками с песком укреплена старательно исполненная надпись, взятая в рамочку: «Свобода — это дерево, которое приходится поливать кровью». Едем по аллее, в конце нее — дом, построенный в старинном стиле, с красивым мощеным двором: там нас ждут друзья Райеда. На похороны мы, разумеется, опоздали. Стоя во дворе, обсуждаем ситуацию. Один из парней показывает мне мешок, полный осколков различных бомб и снарядов, выпущенных по кварталу. Над красивым двором — серое, промозглое небо. Сырость пропитала все.

Спорим о мертвецах и об их стремительных похоронах. Абу Биляль[66] объясняет, что теперь хоронят не так, как раньше. Сейчас совмещать эту церемонию с митингом невозможно: кладбище простреливается, и если собирается толпа, снайперы на Хомской крепости начинают работать. Поэтому приходится хоронить быстро и без скопления народа.

Таким образом, получается, что проверить ничего невозможно. Отсюда и расхождение в цифрах, которые приводят наблюдатели из Сирийской организации защиты прав человека (СОЗПЧ), и теми, что мы слышим здесь, потому что правозащитники озвучивают лишь те данные, которые можно проверить. За вчерашний день, например, наблюдатели подтверждают только одну смерть. А наши друзья утверждают, что в одном Баб-Тедморе их было несколько десятков. Они рассказывают, что здание, которое обстреливали из тяжелых орудий, рухнуло и правительственные войска продолжали добивать тех, кто остался среди руин. А еще один дом, о котором было известно, что там прятались повстанцы, будто бы разрушен с помощью взрывного устройства. Надо сходить посмотреть.

Один из активистов спрашивает: «Я надеюсь, вы не из, „Figaro“, по крайней мере? Потому, что „Figaro“ — это настоящая помойка». Все в порядке, мы из «Le Monde».

Этот выпад связан со статьей Жоржа Мальбрюно, напечатанной в «Figaro» 18 января 2012 года. В смерти Жиля Жакье автор напрямую обвиняет Свободную армию, приводя в качестве доказательств данные некоего анонимного источника в Париже, который в свою очередь ссылается на анонимный источник в Хомсе. Дирекция «Le Monde» обращалась к Жоржу Мальбрюно с просьбой сообщить нам имя своего осведомителя, чтобы мы с Райедом могли встретиться с ним, когда приедем на место. Но Мальбрюно отказался, объяснив отказ заботой о его безопасности. 23 января «Le Monde» напечатала подробнейший материал, где приводилась информация из «Figaro», плюс все данные на эту тему, какие только можно было найти на тот момент. Из всего сказанного вытекал однозначный вывод, что в смерти французского журналиста и еще восьми сирийцев, погибших вместе с ним, виновен правящий в Сирии режим.

Взорванный дом находится в переулке, заблокированном двумя постами САС — по одному с каждого конца. Райед рискнул сфотографировать один из них, и эта попытка закончилась очередным долгим скандалом с бойцами, которые были против.

Другой активист по телефону жалуется на неласковый прием, который оказали Райеду бойцы Свободной армии. «К вам приходит журналист, он — друг, а вы себя так ведете».

Возвращаемся на пост. Все в порядке. Слева, немного дальше — блокпост shabbiha.

* * *

Снова садимся в такси и едем дальше — в Баб-Сбаа. С нами Абу Биляль и Омар Телауи — активист, известный своими выступлениями по видео. Он уже принимал участие в передачах «Аль-Джазиры» и «Франс-24».

Они утверждают, что мы будем первыми иностранными журналистами, приехавшими в эти места. На углу улицы — полностью разрушенный магазин, стены буквально изрешечены пулями и осколками снарядов. На соседней стене надпись зеленой краской: «Осторожно: снайпер». Отсюда просматривается пост shabbiha, до него — метров сто. Оттуда беспрерывно стреляют; въезд на улицу загораживает куча небрежно сваленного песка: она немного снижает риск для тех, кто туда входит или въезжает.

На главной улице, расположенной дальше, — бойцы САС.

Поход на кладбище. Картина великолепная: в туманной мороси — старые, поросшие яркой травой могилы. Крепость со снайперами как раз за ним, в двухстах метрах, туман скрывает ее полностью. Кажется, однако, что нас оттуда видно: двигаемся вдоль строений, остерегаясь открытых мест. Стены домов изглоданы автоматными пулями, есть следы гранат от РПГ. На краю кладбища — широкая дыра в стене: еще недавно здесь могла укрыться от огня хотя бы часть из пришедших на похороны.

Возвращаемся на главную улицу. На блокпосте Свободной армии один боец, назвавшийся Абу Ахмедом (он из Назихина, это квартал Хомса), показывает нам свой военный билет: «Власти вывели нас на улицы, чтобы бороться с вооруженными бандами. Но я не увидел там никаких банд. Нам сказали: не экономьте боеприпасы, стреляйте и стреляйте. Стреляйте столько, сколько сможете». В конце концов он дезертировал. «Нам выдали ружейные гранаты и приказали: стреляйте! Меня отправили в Растан 1 июня. Там не было никакого вооруженного сопротивления, никто не стрелял, были только мирные манифестации. А армия сразу принялась забрасывать их гранатами из Chilka[67] и из БМП. А я не стрелял. Только выстрелил себе в ногу. (Показывает шрам.) В Растане мы пробыли восемь дней, потом пошли в Аль-Ваар. Ногу я себе повредил 26 сентября, когда нас хотели снова отправить в Растан — уже во второй раз». Утверждает, что спрятался и в толпу не стрелял ни разу. Верится с трудом, если учесть, что эта армейская операция продлилась четыре месяца.

Квартал смешанный, здесь живут и христиане. «Христиане — наши братья». А дальше — метрах в ста — квартал алавитов. И там есть блокпосты shabbiha.

Биляль З. Служил в спецвойсках. Совсем мальчишка, даже борода еще не растет, а усы едва намечаются. Был командирован в Хомс для участия в репрессиях: «Я не стрелял в людей, я стрелял в воздух». Он видел, как один солдат отказался вести огонь и пытался объяснить: «Ведь там же мирные люди», и свои его ранили в ногу. Но не убили.

Женщина в никабе: «На этой улице в каждом доме есть мученики. Мы так живем уже год. И когда только это кончится? По улице спокойно не пройдешь». Голос пронзительный, плаксивый. Одета хорошо, пальто дорогое, но лицо закрыто, видны только глаза: «Здесь живет рабочий люд, но на зарплату теперь не прокормишься. Без гуманитарной помощи не проживешь. Расскажите про нас всем!»

На улице, напротив частной больницы, стоит очередь за мазутом: на земле — цепочка из выстроившихся друг за другом нескольких десятков канистр.

Посещение частной больницы Баб-Сбаа. На четвертом этаже на дверях и окнах следы от пуль: это стреляют из крепости. Из персонала остаются семеро санитаров и санитарок, один врач скорой помощи, два гинеколога и один анестезиолог.

Пациентов больше не берут, во всяком случае, не оставляют у себя из страха, что их могут ранить снайперы. Оказывают только неотложную помощь и разрешают больному остаться не более чем на один день. Койки пустуют, все объяснения нам дают медсестры: они в покрывалах, но лица открыты.

Кто-то из молодых активистов снимает наш разговор на видео, это немного раздражает, но он клянется, что записывает для себя лично.

Прикрыть стены больницы мешками с песком нельзя: служба безопасности регулярно устраивает рейды. И если они увидят мешки, то могут заподозрить, что здесь прячут активистов или бойцов САС. Они приходили сюда уже восемь раз, в последний — две недели назад. А три месяца назад арестовали врача, который делал анализы крови, и обвинили его в том, что он лечит повстанцев. Он все отрицал, но его продержали целый месяц, пытали электротоком и поливали тело водой. Выйдя из застенков, он уехал из страны: бежал в Иорданию.

Ни врачи, ни сестры не соглашаются работать в таких условиях. Руководству больницы пришлось подписать обязательство не принимать пациентов на излечение вообще.

Раздается гулкий удар. Это из крепости стреляют по больнице. Все смеются.

С тех пор как Свободная армия закрепилась в квартале — это

случилось дней двадцать назад, — снова стало возможно принимать раненых и больных. САС привозит кровь для переливания и присылает врачей, когда нужно. Однако те, кто работает в больнице, очень боятся настоящей армейской операции, с бронетехникой: против такой силы повстанцам не устоять.

Серьезные проблемы со снабжением. То же самое с врачами разной специализации: вокруг же блокпосты и КПП. В прошлую субботу к ним поступил мужчина, раненный в живот. Хирургу удалось его прооперировать, но понадобился специалист другого профиля. Он должен был прийти из соседнего квартала, однако Баб-Сбаа оказался блокирован подразделениями безопасности и попасть сюда не было никакой возможности. Персонал попытался перевезти пациента на машине в другой госпиталь, но сделать это не удалось. В конце концов он умер.

На улице суета вокруг грузовика, который привез мазут. Столпившись под сильным дождем вокруг машины, мужчины ожесточенно переругиваются. Хотя многие смеются, и непонятно: всерьез они ссорятся или нет. Очередь ведет себя дисциплинированно. Омар, которого снимает один из активистов, произносит короткую речь перед стоящими под дождем.

За весь день, вплоть до этого часа, у нас во рту не было ни крошки, и есть очень хочется. На главной улице, возле больницы, есть маленький магазинчик, где торгуют shish taouk, шашлыком из курицы, уже поджаренным. Однако, когда Омар обратился к продавцу, тот заявил, что все приготовленное уже заказано, и Омар стал уговаривать нас пойти поесть к его невесте: «Там все уже готово», — пообещал он.

У невесты Омара пришлось ждать[68]. Омар объявлен в розыск, за его голову обещано два миллиона. *Я* спрашиваю: «Два миллиона долларов или ливров?» — «Ливров». — «Ну, это копейки». Все смеются. Отец и пятеро братьев Омара тоже в розыске. Агенты безопасности вламывались к ним девять раз, все перебили и разграбили, квартира практически пустая. А раньше у него был магазин, он торговал кондиционерами. Магазин тоже порушили. Омару примерно лет двадцать пять.

К нам присоединяется мальчик, зовут Мухаммед, он — брат невесты Омара. Ему четырнадцать лет. Другому брату, Ияду, было двадцать четыре, его убили на прошлой неделе. Три пули. Мухаммед показывает куда: бок, плечо и нога. Ияд проходил со своей семьей неподалеку от кладбища, а в это время армейские

подразделения собирались войти в квартал и открыли огонь.

Мухаммед с родителями и сестрой оставался дома. Друга Ияда тоже ранило. Ответить было некому, бойцов САС в квартале не было, и солдаты правительственных сил палили просто так. Ияд умер не сразу, родственники подобрали раненого и пытались унести. Им удалось дотащить его до госпиталя, но там помощь оказать не смогли, потому что в здание вошли солдаты. Оттуда, через заднюю дверь, его сумели перенести в квартиру по соседству. Потом пришел врач, но было уже слишком поздно. Похороны прошли в очень узком кругу — всего четыре человека. Вот тогда, боясь снайперов, они и проделали эту дыру в кладбищенской стене, через которую мы лазили.

Мальчик рассказывает все это спокойно, без видимого волнения, голос хрупкий, ломающийся, подростковый. Даже здесь, в натопленной комнате, он сидит в перчатках и шапке. Кожа на лице — желтая, непонятно почему.

Здесь же его младший, четырехлетний, брат Аамир. Мухаммед спрашивает у него: «Чего хочет народ?» Аамир тоненьким детским голоском отвечает: «Народ хочет падения режима!»

Мухаммед не посещает школу уже четыре месяца. Туда приходили военные и shabbiha и увели четверых детей. Учитель пытался протестовать, но ему пригрозили: «Не лезь туда, куда тебя не просят, и помалкивай!» Их было много. Мухаммед не знает, как зовут детей, которых арестовали, и что с ними стало. В тот момент школьники начали принимать участие в манифестациях, должно быть, на тех четверых кто-то донес.

Райед спрашивает у него: «А откуда ты знаешь, что это были shabbiha?» — «У них были длинные бороды и обритые головы». Как подтвердил Райед, такая внешность — типичный look для shabbiha. Look алавитских бандитов.

В конце концов становится ясно, что вернуться в Халдию сегодня мы не сможем. Ночевать мы будем в Сафсафи, в старом городе, недалеко от постов Свободной армии. Проблема только с нашими вещами. Надо было взять их с собой, но нас никто не предупредил. Водитель, который мог бы их привезти, занят.

16 часов, а мы еще не ели. В моем состоянии это не очень хорошо. Час назад Омар говорил: «Wallah, все уже готово, все готово», я напоминаю ему об этом. Абу Биляль шутит: «Информация — это его профессия. Поэтому он не может не врать». Общий хохот.

Разговор о джихаде. Ребята считают, что объявлять его не

следует: это только усугубит кризис, сделает его международным. В него включатся Саудовская Аравия, Иран и другие страны. В страну потянутся разные группы иностранных волонтеров, и революция перестанет быть делом сирийского народа. Мы объясняем: «Именно в этом мы и пытались убедить Абдерразака Тласса. Но он не слушает, не хочет этого понять».

Райед: «Вы более здраво мыслите, чем военные». Здесь хотят, чтобы в конфликт вмешался НАТО.

В 16.30 наконец-то можно поесть. К этому времени по явился отец Мухаммеда и сел за стол вместе с нами: достойного вида господин с грустными глазами, с белыми усами и шевелюрой. Еда, которой мы, вопреки заверениям Омара, дожидались так долго, оказалась великолепна: курица под соусом, булгур с мясом, соус из белых бобов, которым предлагается поливать булгур, белая редиска, зеленый лук, оливки.

* * *

После обеда нас отводят обратно к активистам Сафсафи, в старый Хомс. Нашелся боец САС, у которого есть машина, и вот мы едем по центральной улице. В глубине виднеется изрешеченная пулями мечеть, которую они хотят нам показать. Уже стемнело, и стены мечети приходится освещать автомобильными фарами. Чуть выше, справа, засел снайпер; сопровождающий нас боец, встав на углу, кричит во все горло: «Ну, сволочь, давай, стреляй!» Но, несмотря на все его старания и оскорбления, снайпер себя не выдает. Мы отъезжаем и сворачиваем на ведущую вниз перпендикулярную улицу, прямую и длинную, и наш водитель, выключив фары, жмет на акселератор. Улица узкая, а мы несемся на огромной скорости. Сидящий рядом парень тихо шепчет: «Bismillahi er-rahman er-rahim», а мы тем временем стрелой проносимся через широкий проспект, почти невидимый в серых сумерках, и вонзаемся в переулок напротив, где наш лихач резко тормозит и зажигает фары. Мы остановились буквально в двух метрах от стены какой-то мечети, прямо перед нами — столб, обвешанный автомобильными шинами. «Это для тех, кто не сумеет вовремя затормозить». Общий взрыв хохота.

Проспект, отделяющий Баб-Сбаа от Сафсафи, простреливается с блокпоста, поэтому переехать из квартала в квартал именно здесь можно только так. Это место здесь прозвали shari al-maout, «улица смерти».

Заходим в дом, где собираются активисты Сафсафи — нечто

вроде штаб-квартиры. В глубине — хорошо натопленная комната с тремя ноутбуками и выходом в сеть. Пока я пишу, а Райед разбирается с почтой, двое молодых парней молятся.

18 часов. Пришли военные, которые командуют подразделениями Свободной армии в этом квартале. Они интересуются, кто мы такие и что здесь делаем. Райед объясняет.

Ребята не хотят, чтобы мы публиковали фотографии здешних блокпостов, потому что этот квартал еще не полностью освобожден, и не следует создавать ложного впечатления. «Не полностью освобожден» означает, что здесь еще присутствуют силы безопасности и есть их посты, в отличие от Баба-Амра, где внутри квартала их нет. «Вы предполагаете атаковать их блокпосты и выбить оттуда противника?» — «Да, inch'Allah». Стычки там-сям происходят ежедневно. Вначале правительственные войска и shabbiha входили в квартал и нападали на манифестантов. Когда Свободная армия стала оказывать сопротивление, силы режима начали использовать против нее бронетехнику. Чтобы ее остановить, САС пришлось возводить свои заградительные посты. Теперь у нее есть и РПГ. Так сказать, легкий тактический размен. Потому что они считают, что «коктейль Молотова» против бронетехники бессилен.

В квартале базируется семнадцать боевых групп повстанцев различной численности. Абу Аммар — молодой парень, с худым, изможденным лицом и реденькой бородкой. Он — штатский, но командует группой в тридцать человек.

Кто-то из офицеров жалуется, что бойцы в Баб-Сбаа не экономно расходуют боеприпасы. Каждый вечер солдат правительственных войск, подойдя к границе квартала, выпускает очередь из гранатомета и убегает. В ответ бойцы САС разряжают магазины в пустое пространство. «Это же глупо, и абсолютно ничего не дает».

Самое неприятное, на их взгляд, это снайперы. Ночью, заметив в квартале какое-то движение, они стреляют. Люди не могут выйти на улицу. Из-за этого некоторые уезжают из квартала.

Армейские блокпосты размещаются в домах, откуда выселены жители. Снаружи они обложены мешками с песком, вокруг расставлена бронетехника. Близко подойти непросто. Ночью на пост заступают снайперы. Те, кто жил по соседству, были вынуждены уехать: оставаться слишком опасно. Но с тех пор, как позиции Свободной армии укрепились — это случилось месяца полтора назад, — многие вернулись. У САС — десяток блокпостов в старом городе, Хомс al-qadimeh: Баб-Сбаа, Сафсафи, Баб-Дриб,

Баб-Худ, Баб-Тедмор, Баб-эль-Маздуд. В этой же зоне располагаются десятка полтора постов сил безопасности.

Путаница переулков, скопление старых, облупившихся домишек. Один из офицеров: «Специфика старого города в том, что там проживает много христиан. На улице Хамидия — это торговый район, населенный христианами, — у Свободной армии с местными жителями сложились хорошие отношения. Двадцать дней назад правительственные силы атаковали, заняли улицу и оборудовали там свои посты. Христиане жалуются: передвигаться спокойно они больше не могут, солдаты плохо обращаются с женщинами, а ночью вообще страшно выйти. Многие хотят уехать, но САС пытается их убедить остаться, обещая отбить свои позиции».

Разговор с одним из офицеров, его зовут Абу Лаиль, что в переводе означает «отец ночи»: «Христиан в Свободной армии нет, они держатся нейтрально. Участвуют в манифестациях, но за оружие не берутся. Они здесь — меньшинство и боятся репрессий со стороны режима. Но их кварталы власти не трогают».

В 19 часов — вечерняя манифестация в Сафсафи. Немногочисленная: на маленькой площади собралось, наверное, человек сто, но энергия, которую она излучает, та же, что и везде. Особенно это касается молодежи и детей. Вокруг меня собираются молодые люди, им хочется поговорить, хотя их знание английского ограничивается пятью словами. Каждый показывает шрамы от пуль или синяки от ударов дубинкой. Один рассказывает, что снайпер из крепости убил его брата — просто так. Как только мы где-нибудь появляемся, нам тут же хотят рассказать все.

Ведущий, молодой парень с четками в руках, стоящий на лесенке, оказался неплохим певцом. Когда его сменяет другой, ведущий подходит ко мне. Его английский — в зачаточном состоянии, но понять можно: «Next week I go Saudi Arabia. Please do not show face. Wednesday I go. Face big problem»[69]. Другой парень: «Assad Army see us, shoot. This why we here. We can't go wide road. They shoot»[70]. Тот же лозунг, что и везде: «No-fly зона, международная поддержка».

* * *

В компьютере одного из активистов смотрим фотографии всех документов, виз и разрешений некоего Пьера Энрико Писсинена, бельгийского журналиста (уроженца Жамблу),

въехавшего в Сирию по официальной визе и однажды под вечер отставшего от группы, чтобы попасть в Хомс. Маленький клип, снятый в Баяде, где он по-французски объясняет, что он здесь делает.

21.30. Абу Айхам — молодой человек, который немного говорит по-французски: мы пришли посмотреть его подпольную типографию. Она совсем не похожа на подпольные типографии времен французского Сопротивления: ручной печатный станок Марка Барбеза или типография «Minuit»[71]. У Абу Айхама — компьютер, подключенный к мощному цветному принтеру Encad 736, который способен печатать на пластмассовых листах шириной 90 см. Здесь делают плакаты и транспаранты для манифестаций, с лозунгами и карикатурами, к примеру, на Башара Асада: на дисплее как раз красуется его портрет с головой, похожей на выкрученную из патрона лампочку. А внизу подпись: «Я мыслю, следовательно, я — осел».

Плакат, который они печатали, когда мы пришли, предназначался для блокпоста САС. Под логотипом надпись: «Офицеры и солдаты правительственных войск, мы призываем вас присоединиться к Свободной армии, чтобы защитить свой народ».

На улице — непрекращающаяся стрельба из крепости. САС не отвечает. Это — раздражающий фактор. Однако, уточняет один из ребят, из-за него регулярно гибнут люди, причем часто те, кто не имеет ничего общего с революцией.

Этот же парень показывает нам пачку банкнот по пятьсот сирийских ливров. Деньги — грубая подделка, что видно невооруженным глазом. Их ему выдали в банке, и он никак не может понять, что бы это значило.

Мы выходим на улицу и направляемся к ближайшему блокпосту. Двое бойцов греются у жаровни. У одного из них прицел ночного видения, я прошу посмотреть. Такой прибор я держу в руках впервые, ощущения — удивительные: все видно, как днем, но в зеленом цвете. Изображение четкое, туман не мешает. И тут вдруг начинаешь понимать, что эти типы напротив видят все: ночная тьма ничего не скрывает.

Я спрашиваю: нельзя ли сходить с этим прибором взглянуть на знаменитую крепость, которой я так и не видел. Нас ведут в переулок слева от блокпоста. И ровно в тот момент, когда мы в него входим, раздается громкий взрыв, совсем рядом. Крики, тревога. «Мудрец, в понимании перипатетиков, не свободен от душевных потрясений, но он с ними справляется» (Монтень). Раненых нет. Мы продолжаем свой путь, только Райеду пришлось вернуться, чтобы фотографировать. Стучимся в дверь одного из

зданий, и Абу Лаиль ведет меня на крышу, на пять этажей выше. Надо быть предельно внимательным: крепость находится с одной стороны, армейский пост — с другой. Даже без прибора ночного видения открывшаяся картина завораживает своей нереальной красотой: океан хаотичного скопления крыш, там и сям подсвеченных редкими, случайными огнями, оранжевый от тумана и утыканный остроконечными минаретами. Абу Лаиль пытается показать мне блокпост, но я не вижу его даже с прибором. Крепость находится с другой стороны — гораздо ближе, чем я думал: она вздыбилась огромной, тяжелой, темной массой и ощетинилась торчащими из нее антеннами и сучьями соседних деревьев. До нее — метров триста, не больше. После краткого осмотра крепости мы спускаемся, здороваясь с жителями, вышедшими на лестничную площадку. На одном из этажей молодой человек, стоя на стуле с зажатым в зубах карманным фонариком, ковыряется в распределительном щитке. На улице все спокойно. Я возвращаюсь домой, а Райед остается снимать.

Как я уже понял, дом, где мы остановились, это не только штаб-квартира активистов, но и опорный пункт Свободной армии. Одна из комнат заперта на висячий замок, но дверь — стеклянная, и через тонкую занавеску можно разглядеть, что там хранится их арсенал — два РПГ, десяток калашей, несколько М-16.

Вслед за нами появляется активист с разбитым РПГ: гранатомет только что взорвался. Обломки еще пахнут кордитом. Райед, вернувшись, рассказывает мне, что его разорвало возле стены старого города, поэтому разрушений нет, если не считать того, что у грузовика «судзуки» полопались стекла. Рядом находится арка, прикрытая мешками с песком: солдаты правительственных войск, видимо, решили, что это — пост САС.

Работаем на компьютерах. Я вхожу в Google Earth, и мне показывают, где мы сегодня были. «Улица смерти» между кварталами Сафсафи и Баб-Сбаа, в самом деле, выходит прямиком на крепость.

И в этом доме тоже — ни одной женщины. Сегодня во второй половине дня, когда мы обедали у будущих родственников Омара, никто из них из кухни так и не вышел. И его невесты мы тоже не увидели. Единственные дамы, с которыми нам удалось сегодня поговорить, — это две медсестры в госпитале и разгневанная домохозяйка в никабе, на улице. Еще немного, и они тут все оденутся в афганский purdah[72].

После полуночи мы ужинаем в большой комнате, и с нами десятка два бойцов САС. Настоящий пир, на столе есть все: омлет,

салат с холодными бобами, сыр, labneh, mutabbal, маленькие горячие sfi has, а на десерт — халва. Один из мужчин представился как Абу Маут, «Отец смерти». Трое его братьев погибли, и мать дала обет каждый день кормить бойцов Свободной армии — до самой победы революции. Мужчины приносят ей продукты, а она готовит.

Ложимся спать в одной из комнат в глубине квартиры, в той, что служит активистам штабом. Все сгрудились вокруг печки. Абу Биляль — тоже здесь.

Четверг 26 января. Сафсафи — Баб-Дриб — Карам — аль-Зайтун — Баб-Тедмор — Сафсафи

Ночь тяжелая. Сперва бессонница, потом — дикие сны, и в итоге ощущение, что не спал вовсе. Омар Телауи сидел за компьютером почти до четырех утра, в темноте, светился только экран. На рассвете я в очередной раз проснулся. Холодный свет, голоса. Стрельба, но не очереди из автомата, а отдельные выстрелы — почерк снайпера. Интересно, удалось ли ему кого-нибудь подстрелить? В 9.30 меня будит звонок, это мобильник Абу Биляля, я его расталкиваю. Убит кто-то из его знакомых, но кто именно — неизвестно. Это те выстрелы, которые я слышал ночью? Снова звонят: выяснилось, что речь идет об одном из его соседей, двенадцатилетнем ребенке из Баб-Дриба. Они стреляют и в детей. Просто так, от скуки. Или для того, чтобы наказать этот проклятый, строптивый народ, виноватый лишь в том, что не хочет гнуть шею и молча повиноваться своему хозяину и властителю. Хозяин заслуживает того, чтобы его поджарили на медленном огне.

Мы убираем постели и идем взглянуть на тело убитого мальчика.

Пока ищут машину, прогуливаемся по кварталу. По-прежнему туман, воздух сырой, промозглый. Мне показывают вчерашний след от гранаты, оставленный на одной из дверей на старой улице. Переходим на другую сторону широкого проспекта. До крепости — метров сто, может быть, двести; даже в тумане отчетливо видны позиции снайперов. Это не очень приятно, но, похоже, выбора у нас нет. В самом деле, если Абу Биляль привел нас сюда, только чтобы мы посмотрели, нам придется снова пересекать проспект. При виде наших раздосадованных лиц он смеется.

Нашли, наконец, машину, набиваемся туда вшестером, включая Омара и Абу Аднана, который принес наши вещи. Вдобавок на блокпосте САС к нам подсаживается еще и парень с калашом по имени Абу Джафар: Баб-Дриб — место небезопасное, рядом — алавитские кварталы, да и shabbiha недалеко. Машина петляет по переулкам, потом, под шепот пассажиров, бормочущих «Bismillahi er-rahman er-rahim», на полной скорости пересекает две shawari al-maout. У въезда в Баб-Дриб — блокпост Свободной армии. Дальше — школа, в которой засел снайпер, убивший мальчика. Мы находим дом, где он жил, но труп уже в мечети.

Туда мы идем пешком. Бойцов Свободной армии здесь довольно много. Тело лежит в подвале, в молельном зале, на деревянном катафалке, оно завернуто в саван, голова обложена пластмассовыми цветами. Катафалк окружила толпа взрослых и детей. Трое ребят тихонько плачут, спрятавшись за колонной. Саван приподнимают, чтобы показать нам рану на животе. Кожа ребенка уже пожелтела, глаза чуть приоткрыты, ноздри ему заткнули ватой. На верхней губе — легкий пушок, едва пробивающиеся усы.

Омар произносит над телом короткую страстную речь, Абу Биляль снимает.

Мальчика звали Мухаммед Н., на самом деле ему было тринадцать лет. Разговариваем с отцом. Вчера вечером, часов в одиннадцать, подросток перед домом рубил дрова для sobia. У него был маленький фонарик, и снайпер выстрелил. *Я* спрашиваю, можно ли опубликовать его имя: «Теперь уже неважно, мы потеряли самое дорогое»[73]. Мальчик умер не сразу, родные попытались отвезти его в клинику, причиной смерти стала большая потеря крови.

Отец окружен друзьями, ведет себя очень достойно, старается сдерживать эмоции. Только глаза влажные и припухшие. По их дому постоянно стреляют, стены все в дырках. Десять дней назад снайпер убил здесь еще одного ребенка, слабоумного пятнадцатилетнего мальчика.

Один из присутствующих показывает видео на своем мобильнике: обмывают тело его брата — зрелого мужчины, убитого снайпером пулей в голову. Одиннадцатилетнему сыну погибшего, когда он катался на велосипеде, прострелили плечо, отец бросился ему на помощь и погиб. Убийца, скорее всего, из shabbiha, стрелял со стороны алавитского квартала, из-за заградительного поста.

Вокруг нас собралась толпа. Истории наплывают одна на другую. Молодой парень показывает глубокий шрам на спине. Перебегая улицу, он кричал «Allahu akbar!» и за это получил пулю.

Следующий рассказчик: «Мы теперь боимся даже мусор выносить. После 16 часов на улицу носа не высунешь». Он живет на той же улице, что и убитый мальчик. Ходить по ней настолько опасно, что тот человек, у которого убили брата, проделал дыры в стенах своего дома: одну в сторону дома брата, другую — в сторону соседа. И теперь он может к ним ходить, не показываясь на улице.

Молодой парень, с той же улицы, рассказывает о гибели своего отца. Но это произошло не здесь. Он возвращался домой с

покупками, и в него стреляли из крепости. Дверь квартиры этих людей пристреляна снайпером, засевшим в школе, и им, чтобы выходить, тоже пришлось проделать дыру — в задней стене дома.

Этот самый снайпер любит забавляться, отстреливая кошек. Убил уже восемь штук. В школе базируются около сотни солдат, окна защищены мешками с песком, само здание — из бетона. Так что этот шутник — в полной безопасности.

Какой-то пацан показывает руку: два пальца раздроблены осколками бомбы, а на животе — целое созвездие маленьких черных точек: ранение так называемой nail bomb. Парнишке тоже тринадцать.

Еще один тринадцатилетний парень показывает у себя на ногах следы — тоже от nail bomb.

Взрослый мужчина раздевается, чтобы показать нам сплошь покрытую рубцами спину. Они с сыном несли домой молоко и хлеб. Подойдя к блокпосту, он сделал знак: «Подождите, я перейду улицу», а они всадили в него три пули. Он кинулся к сыну, повалил его на землю и закрыл своим телом, продолжая делать солдатам знаки «Подождите, подождите». В конце концов прохожие вытащили его с мостовой с помощью палки.

Брат убитого парнишки, обливаясь слезами, прощается с ним, нежно его обнимает. Долго и ласково гладит по лицу. Наступает очередь отца, он стоит в изголовье катафалка, в то время как его маленький сын продолжает плакать, уткнувшись в колени кому-то из родных. Рядом какой-то мужчина страстно шепчет: «Allahu akbar, Allahu akьar, pamdulillah».

Вокруг гроба много детей, у взрослых — красные от слез глаза. Окна зала закрыты стеновыми блоками, чтобы защитить молящихся от выстрелов.

Время дневной молитвы. Какой-то парень отгоняет детей от катафалка: «Идите молиться». Потом тело поставят перед qibla[74] и прочитают молитву мертвых. А после этого покойного отнесут на кладбище и сразу предадут земле. Для нашей безопасности процессию будет сопровождать дюжина бойцов CAC.

В нужный момент толпа молодежи и детей окружает катафалк и поднимает его, скандируя: «La ilaha ilallah». Катафалк ставят возле qibla, отец и брат погибшего становятся впереди, остальные выстраиваются в цепочку. Имам произносит молитву, верующие скандируют вслед за ним: «Нет бога кроме аллаха». Потом он подходит к пастве и читает проповедь, повторяя «Allahu akbar!», а собравшиеся молятся про себя. Они возносят хвалу ангелам и под речитатив «La ilaha…» уносят тело.

На улице собралась небольшая демонстрация. Взобравшись

на стену, молодежь выкрикивает лозунги, а процессия с катафалком тем временем ходит по кругу. Потом толпа течет по узким улочкам, двое молодых парней, сидя на плечах своих товарищей, дирижируют этим погребальным митингом, бойцы Свободной армии стреляют в воздух — сперва из пистолетов, потом из калашей, женщина под черным покрывалом смотрит на все это и плачет. Когда траурный кортеж подходит к кладбищу, военный эскорт — десяток бойцов в форме с РПГ на плечах — отделяется от толпы. Выстрелы в воздух, процессия проходит между захоронениями, ноги вязнут в грязи, могила уже стоит отверстая, дно ее выложено стеновыми блоками. Снова выстрелы в воздух, тело поднимают и кладут в землю, брат рыдает, отец, привалившись к стене, стоит белый как простыня. Могильщик обкладывает тело блоками и прикрывает его сверху. Отец подходит и произносит краткую молитву в память о сыне. Все выходят на улицу, близкие умершего выстраиваются в ряд, а друзья, проходя, пожимают им руки и обнимают. Я тоже иду со всеми. А за мной — Райед.

Активисты предлагают продемонстрировать нам другие проявления жестокости и зверства правящего режима, но я не очень понимаю, о чем идет речь и куда надо идти. Однако по ходу дела планы меняются. Мы договариваемся встретиться в квартале Карам аль-Зайтун, на юго-восток от крепости, на границе с алавитскими кварталами.

Мы уезжаем, по-прежнему всемером в одной машине. Некоторые перекрестки проскакиваем на бешеной скорости. Внезапно сворачиваем на какую-то улицу. Выходим из машины. Впереди слышна стрельба. Мы в нерешительности. Райед убегает. Я иду вперед до расположенного неподалеку блокпоста САС, стараясь держаться у стены, отгораживающей проспект, откуда доносятся звуки выстрелов — судя по звукам, до стреляющих метров тридцать. Абу Джафар и Омар оттаскивают меня, и мы бегом устремляемся по узким извилистым улочкам. Они узнали, что ранен какой-то человек, мирный житель. Мы приходим в маленькую, импровизированную больницу. Раненый, залитый кровью, лежит на операционном столе, ему стараются оказать первую помощь. Пуля попала в основание черепа. Он задыхается, плюет кровью. Его поднимают, чтобы кровь вылилась из гортани, Омар тем временем наговаривает текст, стоя перед камерой Абу Биляля. Жертва — молодой парень, он в полуобморочном состоянии, глаза дико вращаются, лицо все в крови. Его бьет крупная дрожь и рвет кровью. Но пуля вошла под таким углом,

что мозг, скорее всего, не задет, и, возможно, у него есть шанс. Раненого выносят на носилках и кладут в такси, которое, яростно сигналя, тут же срывается с места. Пальба продолжается. Стрелок все тот же. Доктор говорит, что раненый парень может выжить, inch'Allah.

Появляется свидетель происшествия — взрослый мужчина в камуфляжной куртке, боец САС с блокпоста, что возле мечети Саид ибн Амир. У раненого, которого увезли, была сумка, полная медикаментов — он нес их своим родителям. Нам показывают сумку: это прозрачный пакет, там же и его удостоверение личности. Парня зовут Омар А., родился в 1985 году. Он переходил улицу, направляясь к посту Свободной армии, тут силы безопасности его и достали.

На подходе еще один срочный случай, даже два — мужчина и полная пожилая женщина. Ужасная сумятица. Женщине пуля попала в челюсть, она смотрит на меня выпученными, полными ужаса глазами. Ее усаживают, чтобы забинтовать. Рана глубокая, но, видимо, не смертельная. Мужчина ранен в левое плечо. Когда начинают осматривать рану, он прерывисто дышит, выкатив глаза, и судорожно вцепляется в руку Райеда.

Забинтованную женщину кладут на носилки, чтобы отправить в больницу. Здесь нет ничего, чтобы оперировать и извлечь пулю.

Мужчина в сознании, он тяжело дышит, но не жалуется, хотя ему очень больно. «Ничего страшного», — успокаивает доктор. «Вот нам привозили одного, так просто кусок мяса. От нижней части туловища ничего не осталось». *Я* оказался рядом с раненым и теперь тоже весь перемазан кровью.

Абу Биляль сидит, подперев голову руками, похоже, он в полном изнеможении.

Раненого, вместе с аппаратом для переливания крови, заносят в кузов грузовика, к самой дальней стенке. Рядом ложится еще один человек. Их не должно быть видно, иначе с постов снова начнут стрелять.

Нам хочется поговорить с доктором здесь, в его медпункте. Однако снова подъезжает машина, привезли еще один срочный случай. Ранение оказалось не очень тяжелым, и мы можем остаться. Сейчас 13.30, все только что описанные события уложились меньше чем в сорок пять минут.

Большинство раненых отправляют в госпиталь Баб-Сбаа, мы там вчера были. Однако частенько и там не оказывается необходимых специалистов. В этих случаях пациентов везут в Инша'ат или куда-то еще. В Баб-Сбаа врачи пребывают в большом

расстройстве. Они не могут оставлять у себя раненых. Как только операция закончена, пациента приходится отправлять домой, часто еще под наркозом. Послеоперационный уход они обеспечить не могут.

Вошел какой-то человек и сказал: раненый по имени Омар А. - тот, которому было двадцать семь лет, — умер.

Наш доктор на самом деле санитар, moussaid fanni. Врачей в квартале не осталось, объясняет он. Аресты медперсонала приняли систематический характер, и все, кто смог, уехали. В более безопасные места, в деревню. «С самого начала событий они стали охотиться именно на врачей», — рассказывает санитар. Остальные подтверждают. На поясе у него висит пистолет.

Кто-то из присутствующих рассказывает нам еще о двух жертвах, все случившееся он видел собственными глазами. Ранили их не одновременно. Женщина проходила мимо мечети, как Омар А., и с заградительного поста (смешанного — shabbiha и силы безопасности) в нее стреляли. А часом раньше из мечети вышел мужчина, и получил пулю в шею. Он умер, когда его везли в медпункт. И теперь никто не ходит в эту мечеть — слишком опасно: стреляют беспрерывно. В день заходит три-четыре человека, не больше. Первый умерший был как раз из этих.

Тот, кто нам это рассказывает, мирный житель, обитатель этого же квартала.

А раненый в плечо свою пулю получил в другом месте, на одной из улиц в глубине квартала, за мечетью.

Нам объясняют: в зону действия shabbiha входит целый ряд улиц, на каждой — заградительный пост. С этих постов стреляют во все, что шевелится, будь то мужчина, женщина или ребенок.

Обсуждаем, что бы поесть. Фалафель, который мы таскаем с собой с самой мечети и до сих пор к нему не притронулись, остался в машине. Санитар предлагает пойти чего-нибудь купить. Сейчас 13.45 а у нас со вчерашнего вечера во рту не было ни крошки.

Снова слышится автомобильный сигнал. Опять привезли раненого. Со жратвой придется повременить.

На самом деле привезли четырех. Из них трое ранены легко. Последний же — очень тяжелый — умирает у нас на глазах, в ужасных судорогах. Но я даже не понял, что происходит. Ранения в челюсть и в живот. Совсем молодой, лежит здесь, перед нами. Нижнее белье все набухло кровью.

Привезли обратно пожилого, того самого, с ранением в плечо. Он умер. Труп Омара А. тоже здесь, лежит прямо на земле.

Рядом кладут третьего умершего. Весь медперсонал суетится возле троих раненых. Последний умерший был убит не обыкновенными пулями, а осколками, металлическими шариками от nail bomb.

Потрясенный Абу Аднан тихо плачет в углу. Трое еще живых — тоже с металлическими шариками, но у них поражены конечности. Так что обойдется. Раны им зашивают без наркоза, но ребята выносят все стоически.

Один из них — студент-медик. Мы пытаемся с ним поговорить, но тут приносят грудного ребенка, раненного в пах. Пуля, к счастью, вышла. Ребенок плачет. Но, в общем-то, ничего страшного.

(Напряженность быстро нарастает, похоже, ожидается атака сил безопасности. Расспрашиваем тех, кто рядом.) Квартал, где мы находимся, прикрывают бойцы Свободной армии в количестве тридцати человек. Нам объясняют, что здесь вполне безопасно.

Если начинаешь двигаться, тут же спотыкаешься о трупы. Вокруг страшный хаос, народу — не протолкнуться.

Раненный в ногу студент держится очень спокойно, укол в бедро делает себе сам. Он занимался с ранеными в другом медпункте, и снаряд упал как раз напротив их здания. Он вышел на улицу, чтобы помочь пострадавшим, и тут упал второй снаряд. Именно в этот момент ранило и его, и того молодого человека с развороченной челюстью, который умер у нас на глазах.

Атака. Снаружи шум и стрельба. Мы выходим на улицу.

Толпа народу. Дальше — какая-то дикая свалка. Все устремляемся туда: Райед впереди, следом за ним мы с Омаром, за нами — Абу Биляль, который явно трусит. Пробежав три-четыре улицы, натыкаемся на истеричную толпу. Люди поймали агента shabbiha и линчуют его: казнь уже заканчивается. Какие-то бешеные типы не дают Райеду снимать. Общее смятение. «Go, go». Мы возвращаемся в клинику, и наши друзья решают уехать из квартала. Нас сажают в пикап, чтобы отвезти к нашей машине. Мы с Райедом ложимся, остальные смеются, подшучивая над нами. Грузовик высаживает нас у блокпоста САС. Нам остается, обогнув пост, пробежать вдоль стены метров тридцать до проспекта, где стоит наша машина. В любом случае, выбора нет. А когда добежим до машины — тоже не лучше: придется подняться по проспекту на несколько сот метров, при этом за спиной у нас окажется армейский блокпост, а с него ведется огонь. Мы сбиваемся в плотный клубок. Вроде бы сзади, для прикрытия, должна двигаться машина с бойцами Свободной

армии. Мы сплелись так тесно, что я не могу нагнуться. «Bismillahi er-rahman er-rahim, La ilaha ilallah» — и что было духу рванули вперед. Нескончаемый миг кромешного одиночества. Наконец забегаем за угол, и пережитые страхи разряжаются смехом и криками: «Takbir! Allahu Akbar!»

Стоим. Подъезжает черный пикап, в задней части кузова стоят два бойца САС, у их ног — прикрытый простыней труп. Грузный мужчина, без одежды, весь в крови. Он лежит на животе на самом краю кузова, голова разбита, связанные руки свисают наружу: судя по всему, это shabbiha, которого линчевали. Похоже, что его били костылями по голове. Вокруг все вопят «Allahu akbar!». Среди всеобщего ликования бойцы Свободной армии возят труп по кварталу — торжество кровавого отмщения.

Мы уезжаем. Несколько раз пересекаем опасные проспекты. Ребята хотят показать нам разрушенные дома. Но когда мы оказываемся уже совсем рядом с этим местом, бойцы САС нас разворачивают: подъехать вплотную нельзя, это слишком опасно. Неподалеку от какого-то проспекта, под защитой строящегося здания присаживаемся возле горячей sobia, чтобы съесть фалафель. Мне трудно глотать, но я себя заставляю. Времени — 14.45, в голове у меня слегка просветлело.

После еды нас ведут узкими улочками, чтобы показать в глубине одного из переулков рухнувшее здание, превратившееся в огромную, еще дымящуюся кучу строительного мусора. Сейчас мы находимся в Баб-Тедморе, другом квартале старого города. Несколько мужчин тщетно пытаются расчистить территорию — под обломками еще могут находиться люди. Тринадцать мертвых тел уже вытащили. Жители квартала полагают, что здание развалилось из-за гранат, которые сыпались на него дождем, но мне это кажется маловероятным.

(Записи, сделанные позже, тем же вечером.) Теперь возвращаемся домой. Это не слишком сложно, надо проскочить всего один проспект со стреляющим снайпером. В тот момент, когда мы выезжаем на линию огня, прямо перед нами возникает такси, и нам приходится резко вильнуть в сторону. Пересекаем улицу. Оказавшись в безопасности, все начинают кричать, сперва «La ilaha iallah», а потом «Takbir — Allahu akbar!». Мы вопим, как сумасшедшие, — это хорошо снимает напряжение. Потом спокойно едем по кварталу.

Ребята непременно хотят показать нам изуродованную осколками снарядов мечеть. У меня нет сил, я с утра ничего не ел. Для меня заказывают sfi has, но пока мы дожидаемся, чтобы их

приготовили, на полной скорости подъезжает пикап с раненым, и мы садимся в нашу машину, чтобы ехать за ними. Райед тоже вконец измучен, и я начинаю его подкалывать: «Ну же, журналист, не сачкуй, пошевеливайся, работа стоит! Интересно, что на этот раз? Челюсть?

Оторванная нога? Кишки наружу?» Но моего юмора Райед почему-то не оценил. Направляясь в Баб-Сбаа, пикап пересекает проспект, и мы решаем все-таки развернуться назад. Нас тащат еще в один дом, чтобы показать раненого, уже давнишнего: ему прошило одной пулей обе ноги в то время, как он, сидя на крыше, пытался ее залатать. Я до такой степени обессилел, что не могу снять ботинки, и, рухнув на скамейку, остаюсь во дворе. Слышатся звуки частой перестрелки, довольно близкой, и я все же снимаю ботинки и захожу в дом. Райед фотографирует раненого, который лежит на кушетке — обе ноги в гипсе. Я ничего не записываю. Потом возвращаемся домой. На улице видим бойцов САС, они бегут в противоположном направлении, у некоторых на плече гранатометы. Стрельба становится все более яростной, пули ударяются в стены над нашими головами: это солдаты правительственных войск стреляют из крепости, чтобы держать в страхе жителей квартала. Заварушка будет продолжаться около часа; к потрескиванию калашей вскоре добавятся частые пулеметные очереди. Позже Абу Лаиль нам расскажет, что Свободная армия контратаковала блокпост, откуда стреляли по мирным жителям: убито двое солдат правительственных войск.

По возвращении домой я чувствую себя вконец опустошенным, сил нет. Иду в туалет, потом мою лицо и руки, чищу зубы: щетку и пасту я купил на улице. Сегодня утром сделать этого не успел.

Поесть нам дают довольно быстро: омлет, labneh, халва. Очень вкусно, настроение улучшается, чувствую себя гораздо бодрее. Активисты уже заняты делами, и я присоединяюсь к ним. Как только мы вошли в дом, они кинулись к компьютерам и впряглись в работу — все четверо за одним столом. Меньше чем за час все снятое размещено в YouTube, все ссылки разошлись в Facebook по страницам памяти их товарищей. Чуть позже Абу Биляль дает по телефону интервью «Ориент ТВ».

Абу Лаиль принес заламинированный лист с фотографией из Google Earth того участка квартала, который простирается от крепости до улицы Ситтин (Шестидесятой). Снайперы, обстреливающие мечеть Саид ибн Амир, засели в алавитском квартале Вади-аль-Джахаб. Северная часть этой зоны, та, где

размещаются посты shabbiha, откуда простреливаются все улицы, называется Захра. Сегодня утром мы прошлись по этому району — вдоль бассейна аль-Жала, за большим кладбищем Баб-Дриб. Парнишка был похоронен на малом погосте, с другой стороны проспекта.

Согласно последней информации, после нашего отъезда из Карам-аль-Зайтун войска режима обстреляли четыре дома. На данный момент известно о четырех погибших и пятидесяти раненых. Зайдя после этой артподготовки в квартал, mukhabarat и shabbiha врывались в дома и арестовывали людей. Атака сопровождалась беспорядочной стрельбой, они продвигались на БТР, САС не смогла их сдержать. Как сказал Омар, который звонил туда своим знакомым, солдаты якобы вошли в один из домов и расстреляли всю семью — двенадцать человек. Последние три дня shabbiha угрожали жителям квартала, побуждая их покинуть свои дома, чтобы получить возможность разместить там свои посты. Они также распространяли листовки, подталкивающие людей к бегству. И сегодня эта психологическая обработка завершилась нападением, вылившимся в кровавую бойню.

По телевизору сказали, что Аль-Кусейр подвергся бомбардировке. Если это так, то у нас могут быть сложности с отъездом.

19 часов. Подразделения Свободной армии выходят из квартала и двигаются в качестве подкрепления в Карам-аль-Зайтун. Один из тамошних активистов уже вывесил в YouTube видео об упомянутой жестокой расправе: на кровати — четыре окровавленных детских тела, одно из них принадлежит грудному младенцу. Пятый труп — на полу: глаза вылезли из орбит, на вид — не больше десяти лет. Молодая женщина под покрывалом, возможно, их мать. Еще какие-то тела. Мы все смотрим и смотрим, гоняя эту запись снова и снова.

Заходит Абу Лаиль и предлагает вернуться в Карам-аль-Зайтун, чтобы посмотреть на убитых. Мои нервы так напряжены и я так измучен, что с трудом могу встать, не говоря уж о том, чтобы куда-то идти, а Райед, встряхнувшись, поднимается и говорит «Yallah». Из активистов идти не хочет никто, и Абу Лаиль срывается и начинает ругаться: «Иностранец готов идти, а вы не желаете? И вам не стыдно?» В конце концов один из них поднимается, и они уходят.

20 часов. Из мечетей доносится takbir. *Я* не знаю, что это значит. Слышатся выкрики «Allahu Акbar», этот клич скандируют

хором, прерываемым стрельбой.

САС не отвечает на пальбу из крепости. Это не дает ничего, кроме бессмысленного разбазаривания боеприпасов.

По последней информации, убийцы перерезали детям горло, а на груди написали слово «АН». Если это так, то речь идет об откровенной попытке развязать межконфессиональную войну. Но это надо проверить.

21 час. Снова стреляют. Абу Биляль дает интервью по Skype.

21.15. Вернулся Райед. Троим детям перерезали горло, с остальными покончили, пустив им в упор пулю в голову. Двое детей выжили: трехлетний мальчик по имени Али и Газаль, четырехмесячная девочка, получившая огнестрельное ранение. Кроме них в живых из этой семьи остались двое взрослых: в момент происшествия они были на работе.[76]

Когда Райед туда приехал, состояние оставшегося в живых младенца опасений не вызывало, зато трехлетний мальчик был смертельно напуган и плакал не переставая: никто не мог его успокоить. Так или иначе, итог кровавой бойни кажется более тяжелым для выживших: мертвые уже ничего не чувствуют.

Жертвы были членами одной весьма многочисленной семьи, которая занимала два стоящих рядом дома. Семья суннитская, но жила на улице, населенной в основном алавитами. Убийство произошло не в Карам-аль-Зайтуне, как мы думали раньше, а в Назихине, в 15.30. Точное место нам показывают на фото, распечатанном из Google Earth: одна из улиц южнее мечети Баб-Дриб — там, где сегодня утром состоялись похороны мальчика.

По другую сторону проспекта — квартал алавитов, они же населяют и многоквартирные коробки, расположенные западнее упомянутой улицы.

Есть трое свидетелей происшествия, это соседи, которые видели, что убийцы прикатили на БТР, одеты были в военную форму, с черно-желтыми повязками на лбу. На повязках было написано «Ya AH!» — то есть, если верить сказанному, они были шиитами. Это вполне могла быть и провокация, направленная на разжигание розни между общинами. Свидетели утверждают, что через дыру в стене они видели конец кровавой расправы: как семеро убийц убивали детей. Когда преступники уходили, заградительный пост в конце улицы прикрывал их отход огнем.

Райед поговорил с одним из свидетелей, мужчиной лет пятидесяти-шестидесяти. И он не исключает, что этот человек на

самом деле мог и не видеть происшедшего. Но трупы — это доказательство неопровержимое.

Рассказ опрошенного Райедом мужчины показался нам довольно бессвязным и не вполне достоверным, поэтому мы не стали использовать приведенные им подробности при подготовке статей для «Le Monde», оставив без внимания и деталь насчет «шиитской» надписи на головных повязках.

22 часа. «Аль-Джазира» утверждает, что CAC захватила в Баба-Амре пятерых офицеров-иранцев, которые были снайперами. По телевизору показали бородатых мужчин, одетых в черное и показавших удостоверения личности, которые невозможно было рассмотреть на экране. Надо позвонить в телекомпанию, чтобы все проверить, а заодно и спросить, нельзя ли поговорить с пленниками.

Неделю спустя выяснится, что это видео — обыкновенная деза, запущенная, как мы поняли, Абдерразаком Тлассом. Пятеро мужиков и вправду оказались иранцами, но не боевиками, а инженерами, работавшими на электростанции в Хомсе и захваченными повстанцами. Документы, которые якобы должны были подтвердить их принадлежность к Корпусу стражей исламской революции, на деле оказались свидетельствами об освобождении от воинской обязанности. 2 февраля «Le Monde» напечатала об этой истории обстоятельный материал, написанный Кристофом Айядом.

Перестрелка возобновляется, даже более плотная и яростная, чем раньше. Слышатся несколько взрывов — один за другим. По звукам очень похоже на фейерверк.

Абу Биляль считает, что это обстреливают Баяду и Халдию. Взрывы приближаются. Судя по всему, это уже где-то в Баб-Сбаа. Активисты поддерживают между собой постоянную связь в сети и обмениваются информацией о происходящем в том или ином квартале.

Пальба не прекращается. Слышатся сильные и частые удары как будто молотом: видимо, на фоне непрекращающегося треска калашей и пулеметов в дело вступили противовоздушная оборона и артиллерия.

Абу Аднан объясняет, что это CAC атакует полицейскую префектуру в центре города и блокпосты в Баб-Дрибе и Карам-аль-Зайтуне. Кроме того, повстанцы разбили БРДМ на улице Каир.

22.45. Звуки стрельбы и бомбардировки не прекращаются. Муэдзины местной мечети начинают вопить «Allahu akbar!». На улице им вторят десятки голосов, скандирующих «La ilaha ilallah!» и «Allahu akbar!». Голоса то приближаются, то становятся менее слышны.

Райед, который ушел на пост САС, возвращается: «Стреляют везде. Это не просто перестрелка, это война».

Пятница 27 января. Сафсафи — Баб-Дриб — Сафсафи

10 часов. Пробуждение. Вокруг меня спят ребята — прямо на полу, на тощих матрасах. Омар Телауи спит уже четырнадцать часов — все в той же позе. Почти всю ночь шел дождь, но сейчас перестал. Выстрелов почти не слышно — так, одиночные, вдалеке. На улице очень сыро. Снова пошел дождь.

Полдень, час пятничных манифестаций. Активисты разделяются на две группы: Омар отправляется в Баб-Сбаа, а Абу Биляль с Махмудом ведут нас в Баб-Дриб — в мечеть Ханаблех, где вчера заказывали для меня sfi has, но поесть так и не удалось. Жители квартала хотят организовать новый митинг, и активисты собираются устроить на «Аль-Джазире» прямой эфир, чтобы их поддержать. Кроны деревьев напротив мечети покрыты гигантским полотнищем в цветах революционного флага — черно-бело-зеленым с красными звездами. Мы пришли туда пешком, под дождем, это недалеко от нашего нынешнего жилья. Как раз в тот момент, когда мы подошли, прозвучал призыв к молитве; в лавочке напротив мечети — множество разноцветных канареек в клетках, все они все дружно подпевают имаму.

Мечеть наполняется людьми, начинается проповедь. Имам призывает паству к единению и взаимной помощи. Необходимо поддерживать тех, кто страдает. Он напоминает о том, что Пророк и его сподвижники жертвовали собой, чтобы прийти на помощь страждущим. Абу Бакр отдал бедным все, что у него было. Тон проповеди повышается, становится пронзительным, истеричным. Толпа исступленно вопит «Allahu akbar!». Имам говорит о том, сколько крови пролилось в квартале: «Это наша кровь, все погубленные — наши дети. Но мы, несмотря ни на что, бросаем в лицо нашим угнетателям, нашим тиранам, всем тем, кто потерял чувство меры: что бы вы ни делали, победа будет за нами».

Когда присутствуешь на пятничной полуденной молитве, всякий раз поражаешься, насколько принятый ритуал способствует укреплению и единению общины. Именно здесь, сфокусировавшись в проповеди, вырисовываются общественные устремления. В отличие от христианской молитвы в Европе, на которой обычно присутствует лишь горстка верующих, здесь в мечети собирается весь квартал, от детей до глубоких стариков — во всяком случае, мужчины, то есть та часть социума, которая

принимает решения, касающиеся общественной жизни. Вот подлинный механизм формирования «общественного мнения», в котором так или иначе участвуют даже и те, кто не согласен и кто не присутствует на молитве. Благодаря наличию такого механизма можно говорить о «коллективной воле».

Молитва подходит к концу. Как обычно, под общий заключительный вопль «La ilaha ilallah!», подхваченный всеми присутствующими, паства начинает вытекать из мечети, на ходу легко натягивая обувь (у меня так не получается). Пятничная молитва плавно перетекает в манифестацию. Я перехожу на другую сторону улицы и пытаюсь сделать фото с того места, где стоит торговец фруктами. Но меня тут же берут в оборот два взрослых — лет по сорок — усатых мужика, и я, едва успев спрятать фотоаппарат, выхватываю мобильник, чтобы позвонить Райеду. Подойдя, он объясняется, повторяя «Sahafi fransaoui, sahafi fransaoui»[77] — два из тех немногих слов, которые мне понятны. В ответ на это один из усачей с воплями выхватывает у меня мобильник и хватает за запястье. Я тоже начинаю кричать, пытаясь привлечь внимание Райеда, который уже отошел и фотографирует неподалеку. Снова начинается перебранка. Тип с усами ничего не хочет слушать, Райед тоже уперся. Кто-то из окружающих приводит бородатого военного, и он начинает задавать вопросы. Райед старается высмотреть в толпе Абу Биляля, объясняя, что мы пришли с ним. В конце концов военный нас признает и делает толпе знак, что все в порядке. Извинившись, он возвращает мне мобильник.

Какой-то человек тащит меня в строящееся здание, уже частично заселенное, чтобы посмотреть на происходящее сверху. Дождь наконец прекратился, и сквозь облака проглядывает солнце. Мы видим все тот же веселый ритуал: люди выстраиваются в цепочку по улице вдоль мечети и поют песни, выкрикивая уже знакомые нам лозунги. Хотя есть и новые: «О, мать моя, они собственными руками перерезали горло детям!»[78]

«Народ требует казнить мясника!»

«Народ требует вооружить революцию!»

По знаку ведущего митингующие разворачивают транспаранты, напечатанные в типографии нашего говорящего по-французски знакомого. Нынешняя пятница посвящена праву на самооборону.

Кто-то из молодых манифестантов размахивает турецким флагом. «Почему турецким?» — спрашиваю у Абу Биляля. «Потому что других нет!»

По задним рядам митинга проходят человек десять бойцов

САС, в полной выкладке, а трое даже с касками на головах. Толпа немедленно начинает скандировать «Да здравствует Свободная Армия!». К солдатам подбегают мальчишки и окружают их плотным кольцом. Я тоже подхожу поближе, стою на углу, рядом с постом. Офицеры САС набились во внушительный черный внедорожник, а трое солдат взобрались на задний бампер. Среди подъехавших один raid, один naqib и один mulazim awwal. Они объясняют Райеду, что прибыли сюда, чтобы прикрыть манифестацию, но, возможно, просто для того, чтобы показаться народу. Какой-то парнишка восторженно кричит отцу: «Это они, они, Свободная армия!». Внедорожник медленно двигается к манифестантам, въезжает в самую гущу под общий клич «Аллах да продлит дни Свободной армии!». Толпа обволакивает группу военных, трое бойцов залезают на крышу, потом машина, не торопясь, выруливает и уезжает. Тут же начинает поливать дождь, и манифестанты расходятся.

Бойцы САС снова проезжают по улице, и какой-то старик на мотоцикле весело выпускает вверх целую обойму. В ответ с ближайшего армейского блокпоста тоже начинают стрелять.

По некоторым данным, вчера бойцы САС совершили нападение на армейский блокпост в Захре, откуда пришли люди, вырезавшие целую семью. И сегодня они красуются перед публикой, видимо, для того, чтобы люди чувствовали себя в безопасности. Митинг закончился, а внедорожник с офицерами продолжает ездить взад-вперед. И людям очень приятно на них смотреть, как, впрочем, им приятно смотреть и на нас, и ссылки на паранойю здесь ни при чем. Большинство сирийцев воспринимают наше присутствие здесь как выражение моральной поддержки и обещания того, что мы передадим миру достоверную информацию о происходящем.

Я покупаю в лавочке яблоки и мандарины. Торговец — один из тех двоих, что недавно меня задержали, и теперь он не берет с меня денег. Возвращаемся под дождем. Возле самого дома меня привлек аппетитный запах, и я подошел к торговцу кебабом. За одиннадцать дней, проведенных в Сирии, я еще ни разу не пробовал кебаб. Мы заказываем целый килограмм, чтобы хватило всем ребятам — через час сын хозяина лавки должен доставить его нам домой.

Мы дома; Анжад вернулся из Баб-Сбаа. Там трое раненых, один — тяжелый: ему одной пулей пробило обе ноги. Из крепости снова стреляют. И все же для пятницы сегодня довольно спокойно.

Вчера Свободная армия атаковала в трех местах: блокпосты в Захре, блокпосты на дороге в Дамаск, в начале квартала Мидан, и базу сил безопасности на площади Хаж-Аатеф, тоже в квартале Мидан. Как утверждают, повстанцы проникли в помещение базы, а в жилых кварталах заняли несколько постов, убивали солдат, захватили оружие и боеприпасы и ушли. Удержать занятые позиции они не могли, поскольку у них нет возможности противостоять бронетехнике. В операциях участвовали бойцы из Баба-Амра — kattiba «Аль-Фарук».

Вообще, как считает Анжад, САС старается не убивать солдат из правительственных сил, которые могут перейти на их сторону, и не брать в плен офицеров, включая и mukhabarat. Но это не относится к shabbiha, которых повстанцы систематически истребляют.

Запись манифестации на Баб-Сбаа. Люди сжигают портреты Башара и Путина и топчут их ногами.

Наконец приносят кебаб. Стелем на пол скатерть, и все садятся вокруг, включая и Абу эль-Хакама, мальчика, который постоянно поит нас чаем. Еда восхитительная.

* * *

15 часов. Выходим из дома. Солнце пробилось сквозь облака, которые продолжают поливать землю дождем, и освещает стены домов, окрашивая их в необыкновенные цвета. Все спокойно, на улице играют дети. Нам встречается бородатый солдат, бывший полицейский, который перешел на сторону восставших из-за бесчинств властей: «Вчерашняя резня красноречиво объясняет, почему мы начали нашу борьбу». Его одиннадцатилетний сын горделиво несет отцовский калаш.

Очень приятная, неторопливая прогулка по кварталу. Облака скользят по небу, придавая дневному свету различные оттенки. В лужах отражаются небо и фасады домов. Изредка слышатся одиночные выстрелы, иногда взрывы, но в основном тихо. Недалеко от играющих детей мы останавливаемся поболтать с бойцами САС. Один из них ведет нас дальше, к строящемуся зданию, в которое мы проникаем, перелезая через стену. Осторожно поднимаемся на крышу: сквозь проемы в стенах лестницы прекрасно видна крепость, до нее не более двухсот метров. Мы рассматриваем ее из-за угла: разлапистая земляная громадина с фрагментами стены, поросшая блестящей зеленой

травой и увенчанная гигантским сирийским флагом, который я, стараясь особо не высовываться, пытаюсь сфотографировать. Довольно глупо схлопотать пулю за знамя Асада, смеется Райед. Прогулка продолжается, мимо нас проходят местные жители, бойцы Свободной армии. Когда идешь по нему вот так спокойно, квартал кажется совсем крошечным: пройдешь метров пятьсот и упрешься в прекрасно простреливаемый проспект с неизбежным армейским блокпостом.

Выходим на улицу, ведущую к Баб-Сбаа, ту, в конце которой развешаны автомобильные покрышки: в один из вечеров мы неслись по ней как угорелые. Несколько машин на полной скорости проскакивают проспект в направлении Баб-Сбаа, обстрела удается избежать. Но улица, перпендикулярная проспекту, располагается как раз на линии огня, ведущегося из крепости, здесь надо быть предельно аккуратным: передвигаться можно только вдоль стен домов. Возвращаемся домой, все прошло спокойно.

«Le Monde» напечатала наше вчерашнее сообщение на третьей полосе с выносом на первую и с фотографией, снятой Райедом. Из редакции у него запросили подробную информацию, чтобы дать в завтрашний номер более обстоятельную статью о произошедшей резне.

Поздно вечером Райед сядет писать большой материал о своей вчерашней ночной прогулке по городу. Текст будет опубликован в двух номерах «Le Monde»: в воскресенье 29 и понедельник 30 января с фотографией одиннадцати трупов вырезанной семьи. В понедельник 28-го газета уже напечатала первый из снимков этой серии вместе с материалом без подписи, написанном в Париже на основании той информации, которую я передал в редакцию по электронной почте.

Большая свара между активистами. Анжад в ярости швыряет на стол фотоаппарат и мобильник. Омар Телауи раскритиковал его подписи к видео, размещенном в YouTube накануне. Судя по всему, там была какая-то двусмысленная фраза, из которой следовало, что Омар убит.

Принимаем душ в квартире у Анжада. Солидное и ухоженное здание как раз рядом с тем, в котором обитаем мы (гораздо менее ухоженном, должен вам сказать). В доме мраморные лестницы и растения на площадках; квартира вполне буржуазная: красивая мебель, дорогие ковры, безупречная чистота. В гостиной меня встречает его отец, он сидит возле обогревателя (батареи — вещь здесь редкая; в квартире они есть, но их отключили, потому что

они потребляют слишком много солярки). Отец Анжада долго жил в Брюсселе, но по-английски помнит лишь несколько слов. Душ, первый после выезда из Баба-Амра, — момент истинного наслаждения. Потом приходит Райед и тоже моется. Все вместе пьем чай. Когда мы уходим, Анжад легонько стучит в дверь гостиной, чтобы предупредить женщин: ни одной из них мы так и не увидели. Традиция паранджи соблюдается даже в буржуазных семьях.

Отец дарит мне очень красивые четки из белого камня. По-арабски они называются misbaha, от слова subhan, которое они повторяют, когда их перебирают, Subhan allah, «хвала Господу». Персидское слово, которое я обычно употреблял — tasbeh, — происходит от того же корня.

* * *

2.30 утра. До сих пор не могу заснуть. В большой передней комнате, той, где размещаются бойцы CAC, поют не переставая уже несколько часов. *Я* встаю и иду туда. Человек двадцать мужчин сидят вдоль стен, курят и пьют — кто чай, кто мате — и по очереди поют a capella. Слов я, конечно, не понимаю, но мне кажется, что они поют о любви. Может, еще какие-то городские романсы. Голоса вибрируют, стонут, вздыхают, один заканчивает — следующий подхватывает. Дирижирует пением рыжеватый мужчина лет сорока: борода, узкое лицо, хитрые глаза и абсолютно беззубый рот, если не считать одного-единственного резца на нижней челюсти. Сам он поет истово, со страстью и, кажется, знает все песни, которые ему заказывают. Одна заканчивается, и тут же начинается другая. Остальные слушают, отстукивая ритм, иногда хлопая в ладоши. Никто никого не прерывает, никто ни с кем не соперничает, каждый поет в свое удовольствие и с таким же удовольствием слушает других.

Суббота 28 января. Сафсафи — Баба-Амр — Халдия — Баяда

Мы с дирекцией «Le Monde» решили, что этих десяти дней в Хомсе будет достаточно для нашего репортажа и, следовательно, настало время мне возвращаться в Ливан, а Райед, как было предусмотрено сначала, останется еще на некоторое время. Накануне он звонил в подразделение САС в Баба-Амре и договорился, что мы приедем сегодня утром, и Ибн-Педро переправит меня через границу. По различным причинам, как выяснится позже, сделать это ни сегодня, ни в последующие дни будет невозможно, и уехать я смогу лишь в четверг 2 февраля.

Утро. Ранний подъем и отъезд в Баба-Амр и, inch'Allah, дальше — вместе с Ибн-Педро. Во дворе сидит и курит сигарету грустный, задумчивый солдатик. К нему подходят двое товарищей. Слышно клацанье разбираемого оружия и отголоски чьего-то пения. Пока готовят чай, появляется еще один боец с велосипедом на электроприводе. Он показывает нам длинную исковерканную металлическую трубу — кусок реактивного снаряда, упавшего сегодня утром в Карам-аль-Зайтуне. Двое убитых.

8.30. За нами приходит молодой таксист, присланный Абу А дна ном. Сначала мы пробираемся по узким улочкам Сафсафи, а потом, вместо того, чтобы проехать через рынок, как это было по дороге сюда, вдруг, к моему великому удивлению, выезжаем на широкую улицу, огибающую крепость как раз у подножия горы. Взглянув вверх, я отчетливо вижу — прямо над нами — снайперские гнезда, обложенные мешками с песком. Но водителя это, похоже, не смущает, он спокойно выруливает на проспект, ведущий к центру. Машин мало, кругом все тихо. Мы едем мимо базы сил безопасности, пересекаем квартал, выезжаем на другой проспект; на перекрестке, у Министерства образования, шофер делает разворот перед носом у трех солдат, стоящих на посту, но те не обращают на нас ни малейшего внимания. Дальше Инша'ат, переезд через улицу Бразиль и первые посты Свободной армии: тут нас и останавливают. «Кто такие?» — «Французские журналисты». Они немного удивлены, но не цепляются: мы следуем дальше.

Отыскиваем квартиру Хасана, будим Ахмада: он все такой же нелюдимый. Ждем. Ибн-Педро появляется примерно в 10.15.

Торопливо обсуждаем ситуацию. Сегодня он может довезти меня только до того поселка, где мы останавливались по дороге сюда, а потом ему необходимо вернуться в Баба-Амр; он, конечно, готов попытаться найти кого-нибудь, чтобы отвезти меня дальше в Кусейр, но это вряд ли получится. Вдобавок Гнев забыл свой мобильник в Триполи, и связаться с ним невозможно. С другой стороны, через пару дней у него, скорее всего, появится возможность смотаться до Кусейра и обратно — специально, чтобы отвезти меня. Мы коротко обсуждаем это с Райедом и принимаем второй вариант. И едем дальше — в Халдию и Баяду.

* * *

Завтракаем, сидя на освещенной солнцем лавочке в центральном сквере Халдии. Настоящая благодать. Горячую выпечку с медово-ореховой начинкой, купленную в «Кондитерской Абу Ясира» (sic!), увенчанной вывеской на французском, запиваем какой-то смесью из горячих сливок с тертыми орехами, довольно противной на вкус. Потом идем в парикмахерскую бриться, но там еще закрыто. Соседи парикмахера, которые держат автомастерскую, приглашают нас выпить кофе. Они рассказывают, что обстрел в минувший четверг[79] здесь, в районе сквера, обошелся без жертв, хотя в один из домов несколько минометных снарядов все же попало. Что было в других местах, они не знают. Сейчас 11.15.

Вчера вечером — после того, как я наконец заснул, — Райед тоже пошел посмотреть на поющих. Абу Лаиль с одним из своих друзей пели рубаят Омара Хайяма в переводе Ум Калтум. Райед тоже подпевал. Tarab — волнение, которое испытываешь, слушая музыку.

Мой кашель день ото дня становится все более надрывным. После таких приступов я чувствую себя совершенно разбитым и опустошенным, меня бьет дрожь, и я долго не могу прийти в себя.

Мы пьем кофе, и до нас доносятся звуки автоматных очередей. Стреляют из дома, стоящего рядом с кладбищем Аль-Катиб, это в Халдие. В какой-то момент слышатся крики. Показался похоронный кортеж: мужчины несут катафалк, скандируя «La ilaha ilallah!», их окружают вооруженные люди, стреляющие в воздух. Лица покойника не видно: оно закрыто пластмассовыми цветами. Этого человека убил снайпер. Кортеж сворачивает к мечети, пальба не прекращается. Я возвращаюсь,

чтобы допить кофе, а Райед, с фотоаппаратом, бежит за кортежем.

Здешние похоронные церемонии возбуждают не благоговейные чувства скорби и отрешенности, а гнев и боль перед лицом потери.

Толпа остановилась чуть дальше, возле мечети, и я подхожу поближе с мальчиком, который показывает мне, куда во время обстрела в четверг попали мины: это квартира на верхнем этаже, окнами выходящая на сквер. Райед уже в мечети. Катафалк поставили в угол, рядом столпились горюющие родственники и зеваки. Двое мужчин в слезах: должно быть, отец и брат. Покойник оказался красивым молодым парнем, с крепким могучим телом, но смерть превратила его в желтоватую восковую куклу. Райед знакомит меня с Абу Бакром, местным активистом, он знает его по прошлой поездке. Абу Бакр рассказывает, что этого парня снайпер застрелил сегодня, в восемь утра, когда тот шел на работу. Он показывает снятое им видео: раненый весь в крови, пуля прошила грудную клетку. Мать и сестра в панике: еще не поняв непоправимости случившегося, они отчаянно трясут уже мертвое тело.

Благодать снизошла на меня совсем ненадолго.

Райед остается, чтобы снять молитву и похороны. Я же опять иду в автомастерскую. Но парикмахерская, где я хотел побриться, по-прежнему закрыта, и приходится снова возвращаться в мечеть. Молитва уже заканчивается — поминальная проповедь, как утверждает Райед, была совершенно потрясающая, просто брала за душу: «Имаму удалось подвести верующих к вратам (Рая)» — он подготовил их к уходу того, кого они оплакивали. Кто-то из молодых людей, поднявшись на плечи товарищей, бросает первый клич: «La ilaha ilallah!» Дальше призывы следуют один за другим, участники церемонии страстно подхватывают их, а ведущий потрясает портретом покойника, сделанным профессиональным фотографом, вставленным в рамку и, судя по всему, снятым со стены в его доме. «Мы — мученики, нас — миллионы, и мы все пойдем в Рай!» Кортеж, сопровождаемый бойцами САС, выпускающими из автоматов длинные очереди вверх, проходит вдоль сквера. Дети снуют под ногами взрослых, собирая еще теплые гильзы. «Мы все — мученики! Все!» — вопит ведущий, и это означает, что все присутствующие — потенциальные жертвы. Процессия с катафалком огибает сквер и, дойдя до деревянных часов, делает несколько кругов по площади под обращенные к Господу страстные мольбы. До кладбища — пять километров, сопровождать прах усопшего могут только два-три человека, поскольку это очень опасно. парикмахер наконец-то явился, и теперь я могу побрить щеки и шею. Небольшую — козлиную —

бородку пока оставлю: она мне послужит еще несколько дней.

Возле парикмахерской короткая выразительная беседа с молодым парнишкой. «Shahid: Ахмед». Он объясняет: «Kannas» — и жестами показывает: одна пуля — в затылок, другая — в грудь. «Uma shahid» — и снова показывает, как текли слезы по лицу матери мученика. «Нагат» — делает он печальный вывод[80].

На сирийском диалекте kannas (снайпер) произносится как gennas. Во множественном числе — kannasa.

На площади — разговор с журналистом Марселем Меттлезифеном, по национальности наполовину немцем, наполовину колумбийцем. Сюда он приехал уже в четвертый раз, по туристической визе. Делимся друг с другом информацией и контактами.

У Марселя, который не говорит по-арабски, есть проводник и помощник — молодой, симпатичный сириец, назвавшийся Омаром. В тот день мне удалось с ним немного поговорить, и я записал его координаты, поскольку он выразил готовность работать с любым журналистом, который приедет в Хомс. Некоторые из моих знакомых спрашивали меня о таких связях. Но этого парня убили, когда он пытался помочь раненым во время массированного обстрела Халдии вечером 3 февраля. Тогда я и узнал его настоящее имя — Мазхар Тайяра, 24 года.

Пока Райед ждет своей очереди, чтобы побриться, я иду за кебабом, на этот раз — из печенки. Погода по-прежнему хорошая. В отдалении, видимо где-то за крепостью, слышны взрывы.

Вместо обещанных десяти минут кебаба приходится ждать полчаса, но он оказался очень вкусным. Ко мне и побритому Райеду присоединяется Абу Аднан. Пока он организует нам транспорт, я, сидя на солнышке, пью кофе и курю сигариллу.

* * *

На маленьком грузовике «судзуки» переезжаем из Халдии в Баяду, с нами — Абу Бакр, он в прекрасном настроении. Чтобы доехать до Абу Брахима, нам придется порядком покружить по узким улочкам и, кроме того, пересечь четыре проспекта, или широких улицы, находящихся на линии снайперского огня. Последняя из них кажется нам самой опасной. «Это здесь погибли все здешние shahids», — говорит водитель. Но сегодня, судя по всему, снайперы слегка расслабились, и мы спокойно следуем по

намеченному пути. По улицам идут прохожие, среди них — дети.

Наконец-то мы у Абу Брахима.

Абу Брахим — суфийский шейх, который следит за распределением гуманитарной помощи в квартале Баяда — знакомый Мани. Именно он организовал наш переход границы из Ливана в Сирию. У него уже несколько месяцев жила Фадва Сулейман, актриса-алавитка, перешедшая на сторону оппозиции и считающаяся музой революции, и я очень надеялся, что мне удастся поговорить и с ней. Но она уехала в Забадани, чтобы поддержать тамошних жителей, живших в условиях осады и свирепых артобстрелов.

Разговариваем. Слухи о неизбежной атаке правительственных войск? Нет, он не может их подтвердить. Если бы имела место концентрация сил, ему бы об этом было известно. В принципе, исключать этого нельзя, но если атака и будет, то, во всяком случае, не завтра.

Что же до снайперов, то они продолжают стрелять. Сегодня днем, незадолго до нашего прихода, велся довольно плотный огонь, но жертв нет.

А вчера ранили троих. Отрядам САС в квартале не хватает людей и боеприпасов, они не могут сдерживать правительственные силы.

В предместьях Дамаска сформировался еще один батальон — katiba «Хусейн ибн Али», причем самое любопытное, что эта информация поступила из шиитских источников. Абу Брахим: «Нет, информация надежная, Хусейн ведь и наш духовный сын[81]. Отсюда следует, что религиозного сектантства в революционной среде нет».

Другие батальоны, действующие в столице и окрестностях: katiba «Абу Убайда ибн аль-Джаррах», katiba «Эль Хасан» и katiba «Кавафиль аш-Шухада» («караваны мучеников»), Katiba «Хусейн ибн Али» имеет подразделения в Дамаске, Хомсе, Хаме, Дераа и вскоре, «inch'Allah», рассчитывает сформировать отряд и в Эр-Ракке, в двухстах километрах от столицы.

Говорит Абу Омар, активист квартала, который к нам присоединился: «Башар Асад не оставил нам другого выхода, кроме вооруженного сопротивления. Манифестации, попытки договориться, всяческие конференции — ничего не сработало. В ответ мы получали только одно — пули. Они загнали нас в угол».

«Это одна из форм этнической чистки» — так Абу Брахим прокомментировал кровавую резню в минувший четверг.

* * *

Выходим. В двадцати метрах от дома, где живет Абу Брахим, — улица со снайперами. Простреливается в обе стороны. «Now not shooting. But ready. Not know when shooting», — объясняет Абу Омар на доступном ему английском языке. И тут же показывает нам грузовик «судзуки», изрешеченный пулями и осколками: «My friend killed in this car»[82]. Все произошло прямо здесь, на этом перекрестке. Застрелили, когда он переносил раненых.

Вечерняя прогулка по кварталу. Грязные улицы, почти не заасфальтированные. Пустыри завалены гигантскими кучами рваных мешков с мусором, которые лежат тут месяцами. Много строящихся домов.

Спальный район для бедных. На улицах дети бегают за нами толпами, распевая антибашаровские лозунги. Жители квартала понемногу вырубают растущие между домами оливковые деревья, чтобы было чем согреться; перед дверью одного из домов трое мальчишек пытаются спилить торчащий из земли ствол. Через окна за нами наблюдают, перешептываясь, девочки в никабах. В помещении с голыми бетонными стенами молодые люди играют в бильярд. В глубине квартала — широкая, четырехполосная автострада, превратившаяся в shari al-maout, «улицу смерти». Осторожно подходим к углу дома. Стреляют регулярно; Абу Омар предостерегает молодых людей, которые собрались перейти на другую сторону. В прошлый четверг при пересечении улицы в разных местах погибли пять человек: троим пули попали в голову, одному — в шею, последнему прошило насквозь грудную клетку. На соседней улице на земле валяется длинный металлический шест с двумя крюками на конце: такими шестами вытаскивают раненых и убитых, упавших на середине дорожного полотна. Окна квартиры Абу Омара на втором этаже выходят на проспект. Стены, находящиеся на линии снайперского огня, расковыряны взрывными пулями до такой степени, что ему пришлось переехать в нижний этаж, где не так опасно. Через дырку в стене с помощью зум-объектива фотографирую мешки с красным песком на углу просторного перекрестка, где засел снайпер. На дорожном полотне видны обширные черные пятна с вкраплениями ржавчины: здесь жгли автомобильные шины, чтобы, под завесой дыма, безопасно переходить улицу.

Чуть дальше — параллельная улица, видно, как ее пересекают машины: целая семья в грузовике «судзуки», такси, «Киа» с солдатами в кузове. Военных в квартале почти не видно: их вообще немного, а те, что есть, стараются не показываться.

Блокпост Свободной армии, расположенный неподалеку от дома Абу Брахима, сейчас пустует. Когда проезжает машина, снайпер стреляет, но каждый раз опаздывает на две-три секунды. С нашей стороны в сторону перекрестка движется такси: мы объясняем водителю ситуацию, и он разворачивается. Останавливаемся у магазина, где торгуют сухофруктами и конфетами, чтобы купить миндаль, и нас тут же окружает толпа молодых людей. Очень красивый парень в синем спортивном костюме резко бросает Райеду: «Они арестовали моего отца, они арестовали моего брата, они избили мою мать! Они приходили за мной, и если они меня найдут, то убьют! И все из-за того, что я открыто говорю, что не люблю Башара!» Он вытягивает шею и сжимает себе глотку: «Мое единственное оружие — мой голос». Этот парень — диджей на манифестациях, ему семнадцать, и он начинает свое выступление перед нами: вытягивает вверх руку и, под звук маленького барабана, проговаривает нараспев свои лозунги-песни, которые хором подхватывают столпившиеся вокруг мальчишки.

На обратном пути мы проходим мимо дома, где вывешен флаг какой-то футбольной команды, а рядом с ним — что выглядит крайне нелепо — официальный, сирийский «правительственный» флаг. И хозяина за это не упрекнешь: он был убит снайпером два месяца тому назад. Идем дальше. Во дворе на стульях сидят и покуривают старик по имени Хадж и его приятель. Старик рассказывает нам, как его три недели истязали в mukhabarat: били, пытали электрическим током. Обвиняли в терроризме — его, старого, больного человека. С каждой остановкой толпа вокруг нас становится все плотнее, каждый старается рассказать что-то свое.

Несколько слов о нашем хозяине — Абу Брахиме. До революции он был дальнобойщиком и почти не имел ни религиозных знаний, ни соответствующих навыков. Сегодня он — признанный моральный авторитет для жителей квартала, его очень уважают: именно он занимается распределением в Баяде гуманитарной помощи, которая хранится в подвале его дома. Он — су фит, один из членов ордена Кадирии ветви Шадили, его первым учителем был тунисский шейх, умерший десять лет назад. Потом был сирийский шейх, член комитета фатв мечети Омейядов — Мухаммед Абу эль-Худа эль-Якуби. Ему пришлось покинуть страну после того, как он выступил против репрессий («Большой грех — убивать людей вот так»), войдя в конфликт с муфтием Сирии Ахмедом Бадреддином Хассуном. «Он — не муфтий Сирии, он — муфтий режима, муфтий Башара», — уточняет Абу Омар.

Борода, веником торчащая прямо из кадыка, бритый череп, хитроватая улыбка: с виду Абу Брахим — настоящий чеченец. Похоже, такое сравнение ему нравится.

Как и Кадирия — суфийский тарикат, созданный персом Абдул Кадиром Гилани в Багдаде в XII веке, — Накшбандия является одной из ветвей суфизма, основанной в XIV веке недалеко от Бухары Бахааддином Накшбанди аль-Бухари. Я был на его могиле в 1998 году и теперь рассказываю об этом Абу Брахиму.

Возвышенная беседа об ордене Накшбандия и о месте захоронения его основателя Накшбанди. Абу Брахим согласен, что паломничество на могилу Накшбанди представляет гораздо большую духовную ценность, чем та, что достигается автоматически за счет во многом формальной поездки в Мекку, как считают узбеки. Однако благодать наступает лишь в том случае, если паломник приходит на могилу святого, чтобы приобщиться к его учению и тем самым возвысить свой дух. Это относится и к Мекке: если ты отправляешься туда как неодушевленный предмет, вроде пары ботинок или фотоаппарата, и возвращаешься прежним, то это пустая трата времени.

Он говорит, что в Сирии накшбанди много. Был шейх накшбанди в Ифрине, его звали Хусейн Корко, он умер несколько лет назад. На Кипре у него был друг Аль-Дагестани, о котором я слышал много хорошего от Миши Рощина, который провел у него некоторое время.

Абу Брахим определяет суфизм так: «Гармония между внутренним и внешним в тебе самом, между batin и zhahir. Zhahir — это кажущееся, экзотерическая стезя, batin — это сущее, эзотерический путь. При этом обе ипостаси входят в число 99 имен Господних».

* * *

В компьютере Абу Брахима есть видеоролики пропавшего бельгийца Пьера Писсинена. Он сидел в этой самой гостиной, растерянный и испуганный, и названивал своим друзьям в Бельгию, везде натыкаясь на автоответчик. Он, не знавший ни слова по-арабски, сел в большую американскую машину — то ли «форд», то ли «шевроле», — нанятую в Дамаске, и уехал туда, где за пять часов до того развернулось настоящее сражение между правительственными войсками и САС. «Господь очень любит

этого человека», — замечает Абу Брахим. И добавляет: «Мы его приняли, накормили, дали ему кров. И мы его засняли, сказав: „Если ты вернешься и скажешь властям, что с тобой здесь плохо обращались, мы выложим эти ролики в Youtube“». Они были убеждены, что бельгиец приехал в Сирию по приглашению официальных властей. В компьютере есть его фотография с Фадвой Сулейман, актрисой-алавиткой.

Райед пытается дозвониться этому бельгийцу. Через некоторое время господин Писсинен берет трубку. На самом деле он преподаватель университета, профессор истории и политических наук. «Я специализируюсь на изучении арабо-мусульманского мира. Да, по-арабски я не говорю, вполне обхожусь английским». Его позиция такова:

«„Сирийская организация защиты прав человека“ рассказывает всякие небылицы, газета „Le Monde“ — тоже. Я приехал сюда, чтобы посмотреть, что же происходит на самом деле, потому что не верю россказням журналистов и повстанцев. Они, например, утверждали, что повсюду бомбардировки и обстрелы, и я искал такие кварталы. Но ничего не нашел. И написал по поводу увиденного объективные статьи, после чего получил повторную визу. Разумеется, власти мне помогали». И так далее в том же духе.

Некоторое время мы слушаем его монолог, пока Райед, которому это начинает надоедать, обозлившись, не бросает ему: «Месье, я советую вам сменить сферу ваших интересов. Вы говорите по-английски, так займитесь лучше изучением англо-саксонского мира». После столь резкого выпада этот тип начинает вилять: «Я не хочу полемизировать с вами по телефону». Все встречные аргументы пропускает мимо ушей. Когда Райед напоминает ему о резне и о соответствующей статье в «Le Monde», он спрашивает: «Но остается вопрос: кто их убил?» «Когда он ехал сюда, — объясняет Абу Брахим, — то проезжал мимо всех снайперов и умудрился ничего не заметить. Воистину, Господь хранит кретинов из Жамблу».

Позже мне удалось взглянуть на писания Пьера Писсинена: я зашел в его блог. Он представляет происходящее в Сирии точно таким же образом, как это делает официальная сирийская пропаганда, всячески преуменьшающая количество жертв и масштаб повстанческого движения. Ни его краткое пребывание в Хомсе, без переводчика и проводника, знающего те места и общий план города, ни беседы с Абу Брахимом и Фадвой Сулейман не заставили его усомниться в собственной правоте.

Воскресенье 29 января. Баяда

Солнечное утро. Уже несколько ночей не вижу никаких снов. После укола кортизона, который мне сделал врач Абу Хамзех, мой кашель вроде бы немного поутих.

Абу Хамзех — один из многочисленных гостей Абу Брахима, и поначалу мы не обратили на него особого внимания, пока Райед не спросил у Абу Брахима, не знает ли тот людей, которые были свидетелями пыток. «Вот он», — ответил наш хозяин, указав на врача, который нес свою беззаветную службу в маленьком подпольном медпункте, расположенном в подвале дома Абу Брахима. Не имея в своем распоряжении ни необходимого материала, ни помощников, он мало чем способен помочь пациентам. Впадая в полное отчаяние, он готов отложить в сторону белый халат и взяться за оружие. «По ночам, — рассказал он мне, — я представляю себе, что сижу с оружием в засаде и мне удается уничтожить снайпера». Он позволил мне записать на магнитофон его свидетельства, которые я выслушал наполовину по-английски, наполовину по-арабски с переводом Райеда. Но здесь я воспроизвожу нашу беседу скорее на основе моих заметок в блокноте, чем базируясь на упомянутой записи.

Интервью Абу Хамзеха, хирурга, который с 2010 года работал в военном госпитале. Он хотел овладеть новой специализацией, расширить свои знания, что вполне нормально для гражданского врача. В военном госпитале лечили не только военных: кроме них, туда попадали пациенты, привезенные неотложкой, и больные родственники военнослужащих. С началом революции возникли проблемы.

Сначала он услышал, что в отделении скорой помощи происходят странные вещи. Когда туда привозят раненых манифестантов, то на них надевают наручники и завязывают им глаза. Абу Хамзех захотел увидеть все это сам и сходил в отделение «скорой»: все оказалось правдой. Впервые он увидел это в апреле. Военные полицейские с санитарами увозили манифестантов в отдельную палату. Рядом с отделением расположены три помещения: аптека, рентгеновский кабинет и палата интенсивной терапии. И вот там пациентов, вместо оказания помощи, били электрическими проводами, и делали это полицейские и санитары. Их жертвами были мужчины, иногда мальчики в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, но не моложе. Потом, так и не оказав медицинской помощи, их отвозили в

тюрьму. В описанных издевательствах участвовали и врачи, чьи имена он записал.

Абу Хамзех назвал нам несколько имен, но поскольку я не могу проверить эту информацию, я их и не назову.

Когда главврач госпиталя — алавит из Тартуса, очень порядочный человек — узнал о происходящем, он приказал прекратить безобразие и начать лечить пациентов. К тому моменту издевательства продолжались уже недели три. В результате его вмешательства днем этих людей лечили, а избивали только ночью — прямо на больничных койках.

«И вот однажды я оказывал помощь пациенту, попавшему к нам по „скорой“. На другой день его привезли в рентгеновский кабинет, и я обнаруживаю у него травму черепа, которой накануне не было. Значит, ночью с ним что-то произошло. Я стал выяснять у своего друга, рентгенолога, подробности, и он сказал мне вот что: „У него проломлен череп, есть и другие повреждения. Сейчас он в интенсивной терапии“. Два дня спустя пациент умер из-за травмы черепа. Те ранения, которые были у него в первый день, не могли стать причиной смерти. Иными словами, он умер от пыток».

В госпитале была палата, где держали пациентов на долечивании. Туда и клали связанных манифестантов с завязанными глазами. Катетер, через который они могли мочиться, был блокирован. Раз в два дня, чтобы не допустить обезвоживания, им давали четверть литра воды на шестерых — то есть на каждого приходилось буквально по несколько капель.

Когда Абу Хамзех туда заходил, больные просили пить. Блокирование катетера вызывало повреждение почек. «Я видел, как люди из-за этого впадали в кому. А один пациент вообще умер. Тогда я положил в карман портативную камеру и пошел в палату, чтобы это заснять. Я вошел туда как лечащий врач. Со мной была медсестра, она хорошо ко мне относилась и помогала. Ни антибиотиков, ни вакцин, ни других медикаментов не было. Я попытался разблокировать катетеры, но мочеприемники были полны. Я думаю, что они перекрывали катетеры, чтобы мочеприемники не полопались, но о том, чтобы их опорожнить, никто не заботился. Я вылил содержимое и снова их подключил. Когда делал перевязку, то заметил, что у одного из пациентов начинается гангрена, и сказал об этом в ортопедическом отделении: больному необходимы антибиотики. Через три дня я узнал, что этого человека отвезли в операционный блок и отрезали ему ногу выше колена. Проследить, что происходило с

ним дальше, мне было сложно.

Я снял на видео раны пациентов, следы избиений проводами. Пыточных орудий было два: электрический кабель и армированный резиновый шнур.

Кроме того, я сходил в тюрьму и поговорил там с тремя заключенными. Записал их имена, чтобы сообщить родным. У одного была сломана нога, у другого — пулевое ранение в руку. Они рассказали, что в госпитале их избивали и пытали».

* * *

11.45. Наш разговор внезапно прерывается. Автомобильная сирена. Привезли раненого. Мы все устремляемся вниз, в медпункт. Пожилой человек лет пятидесяти-шестидесяти, пуля попала в левый бок. Рука покрыта татуировками, какой-то изысканный рисунок, но не ритуальный. Может быть, это сделано в тюрьме? Абу Хамзех действует быстро, точно, умело. Раненый в сознании, держится стоически, но дышит тяжело. Доктор ощупывает его тело, задает вопросы. Пуля прошла навылет, но Абу Хамзех не знает, задела ли она брюшную полость или только мышечную ткань. Инструментов нет, эхографию сделать невозможно, есть внутреннее кровотечение или нет, врачу неизвестно. Если брюшная полость пробита, значит, задета восходящая оболочная кишка. Следовательно, необходима операция, надо делать колостомию, зашивать разрыв кишки. В противном случае пациент может через пару дней умереть от перитонита.

Необходимо найти кого-нибудь с портативным ультразвуковым аппаратом и привезти сюда. Абу Хамзех делает уколы противостолбнячной сыворотки и антибиотиков.

Мужчину подстрелили в шести улицах отсюда, возле школы Насер Али в Баяде, в двух шагах от дома. Он вел детей из школы и был ранен. Другой прохожий был убит выстрелом в грудь. Раненый в полном сознании и разговаривает с Райедом: «Слава Богу, что детей не задело».

На руке татуированная надпись: Покорность матери. И другие благородные призывы. Все сделано вручную. На той же руке — следы порезов бритвой, попытка членовредительства.

Дня не проходит без раненых или убитых — и это в любом квартале. Я снова поднимаюсь наверх, где тепло. Сейчас нам дадут позавтракать.

11.20. Поесть спокойно опять не удалось: привезли

очередного раненого. Он оказался сыном первого, юношей лет восемнадцати-двадцати, которому прострелили два пальца на левой руке. Рана не очень серьезная, и мы поднимаемся наверх продолжить завтрак, оставив Абу Хамзеха заниматься перевязкой.

Абу Брахим: «Wallah, приходится признать, что Израиль мягче обращается с палестинцами, чем правительства арабских стран со своим собственным народом. И уж, разумеется, израильское правительство никогда не могло бы сделать такого своему народу». Райед не готов согласиться с тем, что израильское правительство выглядит таким уж великодушным, особенно в военное время.

К нам присоединяется какой-то пожилой господин. Он живет в Сабиле, смешанном суннитско-алавитском квартале. Рассказывает, что тамошние сунниты получают угрозы, цель которых — выжить их с насиженных мест. Кому-то сожгли дом, кому-то — машину. Он сам живет на углу перекрестка, где стоит блокпост, а на всех крышах — гнезда снайперов. По его дому стреляют постоянно, ему пришлось покинуть свою квартиру, где стало слишком опасно, но он остался в том же доме. Его соседям тоже угрожали, требуя, чтобы они отсюда выметались, иначе их убьют, а дом — сожгут. От его жилища до алавитских домов — метров сто пятьдесят. Те, кто жил еще ближе, уже ушли; все соседи-христиане тоже переехали. «Мы прожили с ними бок о бок сорок лет. Они нам как братья. Но они ушли все, не выдержали такой жизни».

Четыре-пять месяцев тому назад, когда был ранен его брат, он пошел к соседям-алавитам, чтобы напомнить, что они — все же соседи: «Что бы ни случилось, какое бы правительство нами ни правило, мы останемся соседями и будем жить вместе. Прекратите военные действия против нас. Прекратите в нас стрелять».

Силы безопасности раздавали алавитам оружие, и соседи видели, как некоторые из них стреляли из своих домов. «Они обещали больше этого не делать, но слова своего не сдержали». Человека, который ходил к алавитам вместе с нашим собеседником, арестовали и продержали за решеткой больше месяца.

* * *

13 часов. Возвращаемся к интервью Абу Хамзеха (Продолжаем с того места, где он говорит о трех узниках в камере).

«Одному из них была необходима срочная операция на сломанной ноге. Три дня на него не обращали внимания, а потом перевезли в наше отделение: у него оказался тяжелый перелом бедра. Сломанная кость торчала наружу.

Когда я впервые увидел его в камере, он был в гораздо лучшем состоянии.

В конце концов его оперировали в ортопедическом отделении.

Половина персонала госпиталя хотела помогать больным, вторая половина к этому не стремилась. Например, кто-то из врачей, собравшись лечить пациента, говорил военным: „Отправьте его в мое отделение‸ А другие, перед тем, как это сделать, добавляли к его ранам новые и ломали ему кости“.

Даже в операционной пациентам завязывали глаза. А агенты mukhabarat, наоборот, в операционную не заходят, они ждут снаружи. В исключительных случаях, чтобы наблюдать за пациентом, они назначают врача сами, и, как правило, это — военный. В противном случае постоперационного ухода может не быть вовсе».

Еще один случай, которому он сам был свидетелем: агенты авиационных спецслужб конфисковали две машины скорой помощи и посадили в каждую по своему человеку, выдав им автоматы. Машины отправились на кладбище Хомса. Дело было в субботу; накануне погибло человек двенадцать, и их должны были хоронить. С ближайшего к кладбищу армейского блокпоста солдаты начали стрелять по людям, которые несли тела покойных. Потом, якобы для того, чтобы помочь раненым, подъехали эти конфискованные машины, собрали их и отвезли в военный госпиталь. А дальше раненых отправили не в больничные палаты, а в тюремные камеры. Эта история широко известна как бойня на кладбище… (точного названия кладбища он не помнит).

Абу Хамзех видел своими глазами, как машины скорой помощи приезжали на кладбище, а потом везли раненых прямиком в тюрьму. Агентов авиационных спецслужб он узнал по их форме и белой спортивной обуви.

После этой истории доступ в тюрьму и в операционный блок ему был запрещен, и, соответственно, он оказался лишен возможности наблюдать пытки и злоупотребления. Из госпиталя Абу Хамзех ушел недели три назад: «По утрам я должен был лечить военных, во второй половине дня — повстанцев. *Я* больше не мог этого выносить». Уже девять или десять месяцев он ходит сюда, чтобы тайно помогать людям. Если в госпитале ему приходилось оказывать первую помощь агентам mukhabarat, он

чувствовал себя не в своей тарелке: не то чтобы он желал им зла, но ему было не по себе, и в конце концов он решил все бросить. Там у него был весь необходимый материал, здесь — нет ничего. Но он чувствует, что его долг — оставаться здесь. Он оставил все — свой дом, частную клинику, службу в госпитале. Уволился официально, чтобы не возникало никаких проблем.

Потом он показывает нам ролики, снятые тайно на камеру, встроенную в авторучку, которая лежала во внешнем кармане пиджака. Изображение довольно четкое, видно пятерых раненых, прикованных за ноги к кроватям, голые тела накрыты простынями, на глазах — повязки. На столике лежат орудия пыток: резиновые ремни для избиений, вырезанные из автомобильных шин и обмотанные скотчем, и электрический провод с вилкой на одном конце, чтобы включать в розетку. Другой конец провода зачищен и снабжен зажимом, чтобы его можно было прикрепить — к пальцу, к ноге, к члену. У некоторых раненых на груди свежие следы пыток; у одного торс весь пятнистый от побоев, пятна — ярко-красного цвета, как свежее мясо. Я снимаю копию с этого ролика. На записи слышен возмущенный голос Абу Хамзеха, который со своей медсестрой пытается помочь несчастным.

После нашего разговора Абу Хамзех ушел к себе домой, чтобы повидаться с родными. Он должен был вернуться дня через два-три и оставил мне свой номер телефона и адрес в Skype, чтобы с ним можно было связаться. Однако, несмотря на многочисленные попытки, мне больше не удалось вступить с ним в контакт или узнать какие бы то ни было новости о нем и о большей части других людей, с которыми мы общались в Хомсе. В понедельник 5 марта британский телеканал «Channel 4» выпустил в эфир репортаж с его видеороликами, снятыми, как было объявлено, меньше трех месяцев назад, а вовсе не год назад, как утверждал в разговоре со мной Абу Хамзех. В этом же материале в качестве рассказчика выступил сам Абу Хамзех: лицо его было заретушировано, снимал его Мани после моего отъезда. Совсем недавно мне все-таки удалось связаться с ним по Skype: Абу Хамзех находился в одной из арабских стран, где пытался раздобыть средства для поддержки повстанческого движения.

* * *

В 13.45, когда мы сидели у компьютеров, нам снова пришлось прерваться: привезли еще одну жертву. На этот раз ею оказался

десятилетний мальчик: он был уже мертв. У него была насквозь пробита грудная клетка, причем пуля прошла через сердце. Я глажу его по жестким черным волосам, лицо уже приняло восковой оттенок. Стараясь действовать как можно деликатнее, врач[83] связывает ему сложенные на животе руки медицинским бинтом. У двери стоит взрослый мужчина, двоюродный брат покойного: не сводя глаз с убитого, он рыдает в голос, судорожно бормоча: «Hamdulillah, hamdulillah,hamdulillah». Санитары поднимают обнаженное до пояса тело, при этом голова его беспомощно повисает. Труп переносят в пустое соседнее помещение и кладут прямо на плиточный пол, на котором нет даже ковра. Один из активистов снимает происходящее на камеру, Райед фотографирует. Несмотря на то что вокруг суетятся люди, мальчик кажется таким безнадежно одиноким… Его ужасно жалко. Ребенка звали Таха Б. Убит в машине, там же ранена его сестра.

Я оборачиваюсь к Райеду. «Быстренько сбрось копию этой фотки тому козлу из Жамблу, ладно?»

После моего ухода пришел его отец. В полном отчаянии он взывал к Господу: «Да падет кара Твоя на голову Башара! Сколько детей погибает, как мой мальчик!» Кто-то из стоящих рядом объясняет ему, что требовать наказания невинных противоречит исламу. Это потом рассказал мне Райед.

Опять поднимаюсь наверх работать и выпить кофе. Но едва я успел сделать первый глоток, как привозят нового раненого. 14.20. С тех пор как привезли мальчика, прошло ровно тридцать пять минут. Очередная жертва — полноватый мужчина, он в сознании: одна рана на черепе, другая — в груди: судя по всему, затронута нижняя часть легких. Вокруг толпятся его приятели, общая истерика, все в невменяемом состоянии, так что мне приходится силой выталкивать их из комнаты, чтобы они дали врачам возможность работать. Громче всех кликушествует один из них: никак не хочет выпускать руку раненого и сквозь судорожные всхлипы жалуется как бы от его имени: «У меня болит грудь. Мне тяжело дышать». Раненому поддерживают голову, врач работает быстро, как автомат. А друзья между тем продолжают ломиться в дверь, и я снова занимаю круговую оборону. Часть из них облепила зарешеченное окно, откуда они пытаются докричаться до врачей, выясняя состояние пациента. У него жидкость в легких, и его решают срочно эвакуировать: в чудовищной сутолоке и толкотне раненого несут в такси, которое срывается с места, потом резко глушит мотор на въезде на проспект, обстреливаемый снайперами, дает задний ход, затем, чуть не завалившись набок, разворачивается на сто восемьдесят

градусов и, наконец, уезжает. Сразу после этого мы с ужасом наблюдаем, как через проспект перебегают несколько мальчишек, за ними — молодые ребята и последним — боец САС с калашом. Пуля чиркнула по дорожному покрытию совсем рядом с ним.

Райед кричит Абу Брахиму, чтобы тот запретил переходить через проспект. Мы входим в дом. Врач объясняет, что все четверо, кого мы видели — трое раненых и мертвый ребенок, — жертвы того снайпера, что сидит на блокпосту. У последнего раненого, по его мнению, шансов на выживание не более двадцати процентов. Поднимаемся наверх, к компьютерам. Мой кофе совсем остыл.

* * *

Появляется небольшая группа людей: один активист и двое киношников из Дамаска: они снимают полнометражный фильм о сирийской революции.

Разговариваю с одним из них, О., он хорошо говорит по-французски и еще лучше — по-английски. Рассказывает мне о возникших вокруг САС «fringe groups», которые каждый день совершают преступления: похищают людей, убивают мирных алавитов. В самой Свободной армии соблюдается дисциплина, там — порядок, но эти группки формируются из молодых людей, у которых убили или изнасиловали кого-то из близких, и они считают, что имеют право мстить таким образом. А по сути дела, их действия льют воду на мельницу власти, подтверждая справедливость ее пропаганды. Это — специфика Хомса, такого нет больше нигде. «В Хомсе имеет место религиозное противостояние, с этим никто не спорит. Претензии по поводу этнических чисток есть к обеим сторонам».

«I'm a secular man from the cultural world. I must be here in this room. If I’m not, then it is a sectarian war. But if it develops better in other cities, then Homs will be contained. If a better version of the revolution prevails elsewhere, if will calm down the sectarianism here. The SNC is too slow for Homs, they are following the speed of the other cities, but Homs is going too fast.

Homs is the worst place in Syria in terms of balanced clashes. But there are places far more devastated, Idlib for exemple»[84].

О. продолжает: САС внедрилась во все предместья Дамаска и сделала это очень скоординировано и упорядоченно. Это было тщательно подготовленное наступление. Иерархия соблюдается строго: все katiba подчиняются напрямую Рияду аль-Ассааду в

Антиохии. Но к здешним katiba это не относится: здесь, по мнению О., действует несколько другая Свободная армия, фактически автономная, как и все в Хомсе.

Но есть и положительные моменты. К примеру, то, что делает CAC в Халдие: туда, чтобы сформировать местные подразделения и возглавить их, был приглашен Омар Шамси, хотя сам он не местный.

* * *

16.45. Еще один труп, здесь, совсем рядом. Мужчина убит все тем же снайпером, с того же поста. Абу Брахим идет к родственникам жертвы предложить свою помощь. Он уже давал деньги на похороны, когда им не хватало.

Новости о раненых. Двое еще живы, но состояние тяжелое. У первого открылось кровотечение, хотя его успели прооперировать; а второму сделали дренаж легких, но агенты безопасности заявились в госпиталь как раз в момент этой процедуры, и раненого пришлось срочно эвакуировать.

21.20. Абу Брахим возвращается с мобильником раненого, которому пуля попала в легкое: его Nokia пробита насквозь. Пуля отклонилась в сторону сердца, но остановилась в одном сантиметре, и человек остался жив. Другая, затронувшая голову, лишь скользнула вдоль кости.

* * *

19 часа. Абу Брахим вернулся к теме, затронутой нами по время обеда: Господь и Зло. Теологическая дискуссия. Мой вопрос: «Как же Господь может допускать, чтобы дети гибли, как мы видели сегодня? Ведь это такая несправедливая смерть?» Он спрашивает, что об этом думаю я сам, но моя точка зрения — это позиция неверующего, что его слегка озадачивает: «Mishkil»[85].

Он цитирует поговорку: «Где следы — там и дорога». То, как устроен мир, доказывает, что есть сила, которая все это организовала именно так. И, чтобы подкрепить свое утверждение, рассказывает притчу:

> «Жил-был человек, который не верил в Бога. Услышав, что где-то живет верующий, он захотел с ним поговорить. Сам он был большой любитель

подискутировать и в спорах обычно одерживал верх. И вот он пошел к этому мудрецу, мусульманину. Они договорились встретиться в мечети Багдада, после пятничного намаза. Тебе известно, что по Багдаду протекает река Тигр. Неверующий ждал собеседника в мечети, а тот оказался на другом берегу реки. И немного опоздал. Когда он появился, неверующий спросил: „Почему ты опоздал?“ — „Я был на другом берегу Тигра, а там не оказалось ни моста, ни лодки. Мне пришлось ждать, когда плывущие по воде деревяшки сложатся в плот, и я смогу добраться сюда“. — „Ты хочешь, чтобы я поверил, что куски дерева сбились в плот? И что это случилось само собой?“ — „А ты? Ты хочешь, чтобы я поверил, что эта мечеть, этот город, эта вселенная возникли сами собой?“».

А как в таком случае быть со злом? «У Господа много достоинств». Он начинает перечислять, среди них называет волю. Всевышний обладает волей, и ответ на мой вопрос вытекает именно из этого качества. Он выражает свою волю, но делает это без слов. «Он пожелал создать добро и зло и создал их. Он помогал добру и препятствовал пороку. И еще он пожелал, чтобы между ними было свободное состязание».

Замечание Райеда: «Но зачем ему понадобилось зло?» Многоточие в нашей беседе поставила автоматная очередь. Блокпост старается напугать людей и помешать САС предпринять что-то в их защиту. Беседа продолжилась, но Абу Брахим повторял все те же аргументы, которые составляют его кредо: «Это так, потому что это так». Меня его доводы не удовлетворяют, особенно когда вспоминаю мертвого мальчика, лежащего на плиточном полу.

Понедельник 30 января. Баяда — Халдия

Встал рано, чтобы позвонить Ибн-Педро по поводу моего отъезда. К 9.30 наконец-то дозвонился. Он отвечает как-то уклончиво, неопределенно. «Да, может быть. Не исключено, что сегодня я смогу поехать. Пока не знаю. *Я* перезвоню».

Потом раздается звонок от Марселя, немецкого журналиста. Он застрял в Куссуре, на улицах идут бои между mukhabarat и правительственными войсками с одной стороны и САС — с другой. Стреляют даже в его квартире. Баба-Амр утюжат танками.

Труп Тахи, вчерашнего мальчика, увезли в государственную больницу. Чтобы его забрать, отец должен подписать бумаги, что он был убит террористами.

К нам пришли две женщины, обе одеты в черное. Их дом сожгли, и они хотят об этом рассказать. Они живут в квартале Сабиль. Та, что постарше, рассказывая, не может справиться с волнением. Там, где они живут, с одной стороны с ними соседствуют алавиты, а с другой — шииты. В два часа ночи пришли какие-то мужчины, стреляли по дому, бросили под дверь гранату, а потом выпустили пулю по баку с бензином, чтобы дом загорелся. Пока жильцы гасили огонь, половина дома успела сгореть. Злоумышленников они не видели, но слышали, как те кричали: «Мы вас отсюда выкурим, проклятые сунниты!» Они полагают, что это сделали алавиты при поддержке сил безопасности. На дом их соседей тоже напали. На их улице проживало семь суннитских семей, все дома опустели, кроме этих двух. Женщины говорят, что прожили там семнадцать лет. Абу Брахим обещал подыскать им квартиру в своем квартале.

Абу Бакр, активист и приятель Райеда, тоже здесь. Ему сегодня утром пришлось обмывать умершего, и он пришел принять душ.

* * *

Полдень. Несколько раз говорили по телефону с Марселем. Он по-прежнему не может выйти из дома, потому что пальба не стихает. И сделать ничего нельзя. Но Абу Брахим убежден, что в дома агенты безопасности вламываться не станут. Слишком боятся ответных действий САС.

Рассматриваем все возможные варианты. Ибн-Педро обещает, что мы сможем уехать завтра. *Я* настаиваю на том, чтобы мы перебрались в Халдию уже сегодня. Это позволит проскочить

снайперскую ловушку сейчас, пока там относительно тихо. Проехать из Халдии в Сафсафи невозможно из-за противостояния САС и правительственных сил в Аль-Варшехе. Однако Абу Брахим считает, что попасть в Халдию все-таки можно. И начинает искать для нас квартиру, где было бы электричество и доступ в сеть.

* * *

13 часов. Звонок от Абу Биляля. Вырезали еще одну семью. Это случилось в тот же день, что и первая резня, — в четверг 26-го, но тела обнаружили только сегодня.

Их отвезли в клинику в Карам-аль-Зайтун. Среди погибших — отец семейства, мать и четверо детей. У некоторых перерезано горло. Мы уезжаем.

14 часов. Без проблем перебираемся в Халдию. Нас перевез Абу Омар на своем пикапе «судзуки». В тех местах, по которым мы сюда приехали, стреляют, и поэтому нам пришлось изменить маршрут и двигаться по широкой «улице смерти». Все тихо, на улице Каир — то же самое, люди спокойно переходят с одной стороны на другую. По дороге мы проезжаем мимо армейского блокпоста — он совсем рядом, метрах в двадцати, — но обходится без происшествий: между сторонами заключено временное перемирие.

Заезжаем к Абу Бакру, который будет жить вместе с нами. Райед разговаривает с Би-Би-Си, мы ждем на улице. Воздух свежий, и это приятно. Но мой утихший было кашель снова начинает меня мучить.

Звоним Имаду. Баба-Амр обстреливала дюжина Т-72. Подпольный госпиталь полон под завязку: четверо убитых, пятнадцать раненых. Вчера было восемь танков, САС подбила четыре; правительственные войска прислали подкрепление, и к сегодняшнему дню повстанцы уничтожили еще один танк. Обстрел начался позавчера. Все погибшие в Баба-Амре — мирные жители. Двоих подстрелили снайперы, остальные — жертвы артобстрела. Атака велась со стороны Кфар-Айя, оттуда, где проходит железная дорога. Но в Джаубаре спокойно. Имад говорит, что опытный человек пройдет там без проблем. Посмотрим.

Звоним Хасану. Он утверждает, что со вчерашнего дня обстрел ведут двадцать танков и что повстанцы ничего не могут сделать, против этого они бессильны.

Снаружи, после короткой передышки, возобновляется бурная

перестрелка, видимо, это в Куссуре. Бедняга Марсель по-прежнему заперт в квартире.

* * *

Около 17 часов мы с Абу Бакром выходим на улицу. На нем — поверх длинного одеяния священнослужителя — военная камуфляжная куртка, а рыжая борода и горящие глаза делают его все больше похожим на чеченского боевика. С нами Наджах, молодой активист, и мы пешком идем за Марселем, которому наконец удалось выбраться из Куссура, и теперь он ждет нас здесь, в Халдие, возле деревянных часов. Снайперы на посту, и Марсель волнуется. Мы бегом пересекаем две улицы, забираем его и одного из его приятелей и садимся в машину их друзей — роскошный черный внедорожник, мощный и с комфортабельным салоном. Потом я иду в интернет-кафе, где Абу Аднан, в обнимку с планшетом «Самсунг», уже завис в сети. *Я* показываю ему в онлайн полосу «Le Monde» — ему нравится.

19.30. Возвращаемся домой. Новости с фронта: Абу Аннас, который в пятницу вел манифестацию в Баб-Дрибе, тяжело ранен в грудь осколком снаряда от БТР. Один из его друзей убит. В Баба-Амре сравнительно спокойно.

Разговор с Марселем, который будет ночевать вместе с нами. Мы говорим о религиозном аспекте революции, который занимает его больше всего. Он встречался с несколькими шейхами. Пытался выяснить, какова же позиция священнослужителей. Но понять это очень сложно, их речи весьма уклончивы. Мы обмениваемся с ним информацией и личным опытом.

На самом деле Куссур — квартал спокойный, и Марселю просто не повезло. Mukhabarat провела там операцию, целью которой было уничтожить помещение, где располагался опорный пункт САС: они окружили его и превратили в руины с помощью РПГ и пулеметного огня. Двое повстанцев были убиты, одним из них оказался Абу Амар Мазарани, командующий подразделениями Свободной армии в Куссуре. Остальным пятерым удалось бежать, но на улице их добили снайперы. А Марсель оказался неподалеку, на четвертом этаже соседнего здания, откуда он, выйдя на балкон, попытался снять происходящее. Заметив это, снайперы стали обстреливать журналистов, и его приятель Мухаммед чуть не погиб. Марсель просидел в квартире безвылазно восемь часов — до того момента,

как силы безопасности отошли.

Марсель рассказывает о бедуинах, у которых сильны традиции кровной мести: они крадут людей в алавитских кварталах и убивают их. «Контролировать их невозможно», — признался ему один парень, революционер, которого ужасают подобные методы борьбы.

Абу Бакр рассказывает: в Баяде (где проживает много бедуинов) агентами shabbiha были похищены три женщины-бедуинки: сорокалетняя мать и две ее дочери 16 и 12 лет. Все трое подверглись насилию и через месяц после похищения отпущены. Как они утверждают, держали их не в тюрьме, а в алавитском квартале, недалеко от Сабиля. Семья собиралась подать жалобу в полицию, но, разумеется, это оказалось невозможно. Хотя бедуины стали бы мстить, даже если бы государственные институты работали нормально. Родственники похищенных захватили нескольких мужчин в том квартале, где держали женщин, и потребовали от их родственников выдать похитителей. В противном случае заложников обещали убить. Так и случилось: похитителей не выдали, и заложники были убиты. «Вот так началась fi tna[86]», — заключает свой рассказ Абу Бакр, заметив, что, если бы подобное случилось с ним, он не стал бы мстить таким образом. Но бедуины действуют по своему разумению. Кроме того, они затаили злобу на шиитов и даже на иранцев (потому что одна из девочек сказала, что слышала, как кто-то говорил на персидском языке).

Марсель: когда бедуины пришли в САС, оружие у них уже было, причем давно. В бою они ведут себя очень мужественно, среди них много мучеников. Они ловят солдат из правительственных войск, которые находятся в увольнении, и предлагают им выбрать: присоединиться к Свободной армии или умереть.

Он рассказывает еще об одном случае в Баяде, причиной которого тоже была месть: в первых числах декабря женщина-бедуинка, беременная на седьмом месяце, получила снайперскую пулю в голову прямо перед дверью собственного дома. Алавиты дорого заплатили за эту смерть.

Марсель убежден, что межконфессиальная война в стране — на руку правящему режиму, который делает все, чтобы ее разжечь.

Вторник 31 января. Халдия — Баба-Амр

Встали рано, позавтракали и погрузились в такси-развалюху с запотевшими стеклами. Марсель решил поехать с нами.

Проезжаем мимо полицейского поста, мимо административных зданий, перед которыми толпятся чиновники и мимо гостиницы Сафир. В животе все сжалось в комок от страха, однако обходится без происшествий. Баба-Амр предстал перед нами серым и пустынным. Возвращаемся в квартиру Хасана, наш приход разбудил Алаа и Ахмада. Они рассказывают о боях последних дней: вчера они подбили два танка, позавчера — три, не считая раненых и убитых солдат правительственных войск. С их стороны — жертв нет. 9.30. Ибн-Педро обещает подъехать в течение часа.

11.30. Ибн-Педро до сих пор не появился. Зато приехал Абу Язан. Его приятель, которого ранили в понедельник 23-го, выжил, hamdulillah. Он утверждает, что напротив по-прежнему стоит десяток танков. Три машины ушли.

13 часов. За нами никто не приехал. И конца-края этому не видно. Я стараюсь не раздражаться, сижу и читаю «Жизнь Суллы». Мани работает с фотографиями, а Марсель ушел с ребятами туда, где в последние дни проходила линия фронта.

Вскоре появляется Ибн-Педро: держится с царственным равнодушием, меня игнорирует. Возвращается Марсель.

Около 13.30 начинается перестрелка и слышатся взрывы. Сидевшие в квартире ребята хватают оружие и уносятся на передний край, чтобы дать отпор. Марсель и Райед укладывают вещи.

Абу Язан с другом возвращаются за ручными гранатами. Похоже, что без снайперов там не обходится: одному из ребят задело икроножную мышцу.

Беготня взад-вперед. Какой-то парень примчался за РПГ: сам гранатомет тут, а снарядов нет. Абу Язан тащит ящики с боеприпасами. Спорадическая перестрелка, Ибн-Педро, разумеется, исчез.

14.30. Бойцы САС контратакуют, слышится интенсивная стрельба. Мы выходим из дома и бежим к штабу Хасана. Как только мы туда заходим, Ибн-Педро выбегает и удаляется в противоположном направлении: обратно в сторону квартиры. Мы

с Райедом разворачиваемся и устремляемся за ним вдогонку. В холле, схватив автомат и выскакивая наружу, он бросает в нашу сторону: «Bukra sabha inch'Allah»[87]. Он явно взвинчен, в глаза не смотрит, того и гляди взорвется, поэтому мы не настаиваем. Райед уносится вместе с ним к штабу, на передовую. Я еле волочу ноги, меня опять лихорадит, и нет никакого желания идти с ними, снова играть в войнушку. Остаюсь дома и опять берусь за Плутарха: в любом случае, это более осмысленное занятие, чем мучить себя пустыми вопросами: когда же наконец я смогу уехать из этого проклятого города.

15.30. На востоке, где-то возле Кфар-Айя, горит здание, судя по всему обстрелянное армейскими подразделениями. По серому небу над Баба-Амром тянется гигантский шлейф дыма. Стрельба вспыхивает с новой силой.

Кот объясняет: они окружили строение, где было много солдат правительственных войск. Человек сорок мужчин — они укрылись в новостройке, рядом с голубой башней. САС собирается подвезти громкоговоритель, чтобы попытаться уговорить их перейти на сторону повстанцев. Хорошо бы туда сходить, но там стреляют из минометов.

15 часов. Выходим на улицу и бежим в штаб к Хасану. Находим его распростертым на кушетке, в полном изнеможении. На нем кожаная куртка и кроссовки. Мины падают в некотором отдалении отсюда, но у ребят есть информация от дружественно настроенных офицеров правительственных сил, что из Дамаска в Хомс уже направлены комплексы «Град»[88], мишенью для которых станет именно Баба-Амр. Мы решаем сдвинуться к центру квартала. Идти в город уже поздно.

Появляется Имад с двумя большими кастрюлями, полными фаршированных кабачков с морковью, тушенных в соусе. Мимо проходит Фади: он в ярости, лицо черное от гнева. Он только что узнал, что вчера был убит его двоюродный брат. Мы ждем, пока поест Имад, чтобы выйти всем вместе. С улицы доносятся завывания муэдзина «Allahu akbar», голос хриплый, звучит фальшиво. А между тем чуть раньше, когда небо вдруг неожиданно посветлело и сквозь дождь проглянуло солнце, из того же громкоговорителя лился мелодичный речитатив. Это были суры Корана, ритм которым отбивали автоматные очереди и взрывы.

Возвращаемся домой, и я почти сразу засыпаю. Бойцы подходят по одному. Где-то, довольно близко, бьют минометы. Я

просыпаюсь, времени 19.30.

Марсель с помощью Райеда беседует с солдатами. У меня по-прежнему слабость и снова жар. Я прошу Райеда серьезно поговорить с Имадом о том, как ведет себя Ибн-Педро. Райед пытается ему объяснить, что со стороны это выглядит так, будто Ибн-Педро на нас наплевать, и что это, в конце концов, неприлично. Имад не согласен. Он утверждает, что все упирается в проблему безопасности. Наш спор носит довольно желчный характер, потом к нему присоединяется Хасан. После долгих препирательств Имад обещает: завтра, inch'Allah.

К 20 часам в квартире становится так тесно, что нас отправляют ночевать в другое место. Это подвал, но он расположен ближе к переднему краю. Абу Язан, который нас туда ведет, подтверждает информацию насчет комплексов «Град», однако утверждает, что в подвале, куда мы направляемся, совершенно безопасно. «Правительственные силы никогда не входят в квартал по ночам». Кажется, Марселя это не слишком убеждает. Советуемся, что делать: спать здесь или настаивать, чтобы нам нашли «хату» понадежней — в центре квартала? В конце концов остаемся.

Наш новый хозяин — ливанец, он родом из Триполи, но его мать — уроженка Сирии.

Среда 1 февраля. Баба-Амр

Я хорошо выспался, хотя было холодно. Во сне видел каких-то бунтовщиков с автоматами, почему-то пляж, студентов — и все это было вроде бы связано между собой. Проснулся около 9 часов, и уже были слышны минометные залпы, хотя и в отдалении. Наш хозяин ушел, а его друг готовит нам завтрак.

Чтобы позвонить, выходим на улицу: из квартиры звонки не проходят. Напротив штаба Хасан, Алаа, Фади и другие ребята пьют чай под недавно установленным навесом. Погода сегодня недурная. Райед звонит Ибн-Педро: у того люди, к тому же точного часа отъезда он снова не называет. Он перезвонит. Абу Биляль держит его в курсе относительно обстановки в центре: повсюду вооруженные стычки, доступа в Сафсафи нет. Похоже, начинается настоящая война.

Алаа излагает нам план относительно солдат, засевших в окруженном силами САС здании. Бойцы собираются заминировать дом по периметру, потом предложить солдатам присоединиться к повстанцам и, в случае их отказа, взорвать объект.

Минометный обстрел возобновляется, одно из орудий бьет где-то поблизости. Райед слышит, как миномет свистит при пальбе. Я ему объясняю, что это хороший признак: если ты слышишь свист, то, значит, снаряд летит не в тебя. Но, похоже, я его не убедил.

11.30. Пошел дождь. От Ибн-Педро по-прежнему никаких вестей. Идем в мечеть, я сажусь там в уголок и сижу, пока Райед ходит по своим делам. Мечеть постепенно наполняется людьми, которые приходят на молитву.

Идем в школу[89]. Муханнада там нет. Какая-то ирландская журналистка, абсолютно измученная, с нею Джедди и Дани. При виде Райеда Джедди впадает в ярость: «Дани, переведи ему! Я устал, нервы на пределе, я так больше не могу! Его интересует только война, война, ничего кроме войны! Гуманитарные проблемы его не волнуют».

Райед: «Друг мой, это можно было бы и не переводить». Журналистка вроде бы собирается уехать завтра, я спрашиваю, нельзя ли и мне вместе с ней.

С Дани Абдул Дайемом, двадцатитрехлетним англичанином сирийского происхождения, я в первый раз встретился случайно в клинике Абу Бари, в день нашего прибытия в Хомс. На меня

произвел впечатление его великолепный английский — вещь для этих мест редкая. Он тогда как раз вернулся из отпуска, проведенного в Англии, и охотно откликнулся на мое предложение поработать вместе. Однако в последующие дни мне так и не удалось его отыскать или хотя бы поговорить с ним по телефону. В конце концов мы поняли, что его быстренько прибрало к рукам Информационное бюро, с которым у нас сложились не лучшие отношения. После моего отъезда, когда начались систематические обстрелы Баба-Амра, Дани по нескольку раз в день выходил в YouTube, рассказывая на хорошем английском о зверствах режима, зафиксированных активистами и взывающих к международной солидарности. 13 февраля, в день, когда обстрелы стали особенно яростными, он уехал из Баба-Амра в Ливан. С тех пор он дал несколько интервью англосаксонским телесетям, в которых рассказывал об ужасах, которым он был свидетелем.

13 часов. Возле штаба Хасана снова встречаемся с Имадом, вид у него затравленный. Непонятно, что тому причиной: проблема с нашим отъездом или что-то еще. Ибн-Педро по-прежнему молчит. «Дорога пока не свободна», — устало повторяет Имад. Я возвращаюсь домой, там, по крайней мере, тепло.

Возникает ощущение, что мы тут заперты навсегда. Вот уже пять дней, как я талдычу об отъезде и получаю от всех уклончивые, невнятные ответы, меня просто отфутболивают. Райед уже на таком взводе, что его раздражает все: я, ситуация с нашим отъездом, его компьютер, который постоянно виснет, отвратительный доступ к сети, из-за которого ни с кем нельзя связаться. Словом, ощущение полной безысходности: и так нехорошо, и этак плохо. И поделать с этим ничего нельзя.

В поисках Абу Салима заходим в клинику Имада. Но его там нет. На дверях — самоклейка: постер сирийского арабского Красного Креста. Наивная попытка обеспечить клинике хоть какое-нибудь прикрытие. Внутри ведутся работы по оборудованию операционного блока. Внезапное появление Абдерразака Тласса: зашел проверить, как идут дела. Несколько раненых: один с сильными ожогами, полученными при взрыве газа в результате попадания в баллон осколка мины во время обстрела в понедельник. Другой в воскресенье попал под автоматную очередь у блокпоста в Инша'ат. Третий — молодой парень, которому пять дней назад обожгло лицо языком пламени из упавшего возле его дома минометного снаряда: он в тот момент стоял у окна. Ему уже лучше, лицо покрыто толстым

слоем крема, но свою историю он рассказывает нам сам и показывает фото, снятое несколько дней назад: на нем его лицо полностью замотано бинтами. Тот, кого ранили у блокпоста, оказался шофером такси: он получил свою пулю в четыре часа утра, когда возвращался из Дамаска с пассажиром.

Приходит доктор Али, живой мученик. «Вчера здесь была настоящая резня». Семнадцать раненых. Разумеется, нам ничего не рассказали и не показали.

Часам к 16-ти появляется Абу Ханен из Информационного бюро, maktab el-aliillami. И тут же накидывается на меня, разговор идет по-английски. «I don't even know you», — отвечаю я. «Yes, but spoke with him last week», — говорит он, указывая на Райеда. — «He said he'd be back in ten minutes, and you guys disappeared»[90]. Ирландка уезжает через полчаса. Нельзя ли и мне с ней? «No, you can't. You guys say you are on your own, fi ne, you say you can manage, fi ne, now manage with your people»[91]. И все в таком духе. Вмешивается Райед и в ответ получает то же самое — наполовину по-арабски, наполовину по-английски.

Абу Ханен: «You see, we are Arabs. This is how it is with Arabs[92]». Райед: «Это не имеет никакого отношения к арабам. Я сам тоже араб». Поведение Абу Ханена выглядело глупым и грубым. Сразу было видно, что он страшно злится на нас за то, что мы обходились без их помощи. В конце концов он поворачивается ко мне: «Why do you say to him you cannot go because we have a problem? I never said that. You have fresh material, of course it is in our interest that you publish it. If we can help you go out, we will. But we can't. You can't go with the woman»[93]. Я стараюсь по возможности сгладить углы, найти общий язык, и он наконец-то дает вполне внятное объяснение: «Она едет на грузовике, одетая, как местные женщины, в чадре и с сирийским паспортом. Ты тоже так хочешь? А у тебя получится?» Я, как мог, постарался его успокоить, смягчить недоразумение, но он был вне себя. В конце концов договорились о том, что он все же попробует нам помочь.

Снова дома. Читаем, пьем чай. Кто-то спит или просто отдыхает. Примерно в половине шестого — выстрелы из миномета, где-то недалеко, похоже, возле кладбища. Приходит Хасан со своими двумя малышами — оба очень милые и стеснительные. Ребята дают детям поиграть свои пистолеты: они заряжены, но на предохранителе.

15 часов. Над кварталом кружит боевой вертолет Ми-24. Ребятам не понравилось выступление Алена Жюппе на Совете

Безопасности. Они развлекаются видеоигрой в футбол. Райед исчез уже несколько часов назад, и от него ни слуху ни духу.

Я прошу Алаа поехать со мной на мотоцикле поискать Райеда. Он не знает, где его искать, но уверен, что найдем. Лавируем между лужами, скользим вдоль темного, без единого огонька, бесконечного проспекта, заезжаем во второй медпункт, тот, который организовал Имад, оттуда — в клинику, где я был днем; там нам советуют наведаться в первую квартиру, где собираются активисты, но это оказывается то место, где мы повстречали адвоката-коммуниста, и народу там немного. Наконец, мы попадаем в квартиру, где располагается maktab[94], и Райед с Марселем оказываются там. Райед, воткнувшись в компьютер, предпринимает отчаянные попытки спасти свой архив. Я благодарю Алаа, и он уезжает.

В помещении — несколько десятков ребят-активистов, и все они, притулившись с ноутбуком кто где, висят в сети: кто в YouTube, кто в Facebook, кто в Twitter. Мне дают бутерброд с жареной курицей и показывают место возле Macintosh, наконец-то можно посмотреть почту: но как же медленно! Ирландская журналистка уже уехала. Абу Ханен аккуратно прощупывает мое настроение: «Ну почему вы не пришли к нам? Почему вы нас все время избегали?» Я стараюсь вести себя дипломатично. Когда произношу слова maktab el-aliillami, Абу Ханен принимается отрицать, что такое бюро вообще существует: «Да это всего лишь компания друзей, не более того». По стенам развешаны портреты мучеников. Между нами возникает короткая политическая дискуссия, однако на том дело и кончается.

Через некоторое время разговор возобновляется. Абу Ханен говорит, что если наши знакомые возьмутся перевезти нас через автостраду, то все остальное сделают его ребята. Обещает, если удастся, вывезти нас завтра или в субботу. Пятница не очень подходит: это опасный день — из-за манифестаций.

Райед с головой погрузился в свои проблемы и слушает меня вполуха, когда я пытаюсь объяснить ему ситуацию. Оставив в конце концов эти попытки, я возвращаюсь домой вместе с кем-то из приятелей живого мученика.

Четверг 2 февраля. Баба-Амр — Аль-Кусейр — граница — Бейрут

10.30. Завтракаем в компании Хасана, Имада и Ахмада: хлеб, оливковое масло, заатар, зеленые оливки и чай. Где Райед — неизвестно. Имад уверяет, что меня вывезут сегодня, и дает понять, что Ибн-Педро лично проверяет маршрут. На телефонные звонки никто не отвечает. Ждем.

11 часов. Появляется Райед, едва кивнув головой. После ночи, проведенной за компьютером, он выглядит совершенно измочаленным, на вопросы отвечает вяло, уклончиво. Что-то обсуждает с Имадом, но мне не переводит и ничего не объясняет. Потом уходит к соседу, у которого мы ночевали позавчера. Через пять минут появляется Ибн-Педро: «Yallah». Я хочу дождаться Райеда, но он ждать отказывается: «Yallah, Yallah». Я загружаюсь в машину, где уже сидят двое других отъезжающих. Поехали. Набираю Париж и объясняю ситуацию. Связаться с Райедом не получается: он так и не сменил свою «симку».

В Хомсе действуют два телефонных оператора — Syriatel и MTN. У Райеда — номер MTN, но с тех пор, как мы вернулись в Баба-Амр, эта сеть функционирует все хуже и хуже. У Syriatel качество связи тоже плохое, но все же он лучше, чем у MTN. *Я* предлагал Райеду перейти к Syriatel, что он позже и сделал. Четыре дня спустя, 6 февраля, все сети, обеспечивавшие мобильную связь в Хомсе, были заблокированы. На тот момент, что я пишу эти строки, связь так и не восстановлена.

Переезд автострады. Времени — 12.40. В доме за переездом нас ждут люди, которые выехали вперед: они ждут и молятся за нас. Характер у Ибн-Педро тяжелый и своенравный, зато у него великолепная, прямо-таки ослепительная улыбка, которой он нас щедро одаривает после молитвы.

Расходимся. Двое попутчиков отправляются в одну сторону, мы с Ибн-Педро и водителем маленького грузовика «судзуки» — в другую: похоже, что прямиком в Ливан. Ибн-Педро сидит, зажав между колен калаш, водитель тоже при оружии, и, если мы напоремся на мобильный патруль, дело может обернуться крупными неприятностями. Дорогой оба не выпускают из рук мобильников, у Ибн-Педро их три, сигнал проходит плохо, но, набравшись терпения, информацию все же получишь. Солнце

ярко освещает скучный пейзаж за окнами и лужи, полные жидкой грязи. Проезжая через деревни, мы то и дело перескакиваем с раскисших проселочных дорог на более приличные и оживленные. Впереди весь горизонт занял собой Джебель Любнан — бледно-голубой, словно бахромой отороченный белыми облаками, зацепившимися за заснеженные утесы. В кабине жарко, нас трясет и подбрасывает на ухабах, навстречу — сплошной поток: контрабандисты на мотоциклах, нагруженных бидонами с мазутом, крестьяне на тракторах, по обеим сторонам дороги мелькают кочевья бедуинов и поля — то зеленые, то раскисшие от грязи.

13.30. Останавливаемся в какой-то деревне. На экране телевизора — Исмаил Хания. К нам присоединяется водитель, который увез тех двоих. Это Абу Абдаллах, именно он привез нас в Хомс. Ни малейшего понятия о том, сколько времени мы здесь просидим: мне ничего не говорят, да я все равно ничего бы и не понял. Делаю попытку погрузиться в чтение «Сравнительных жизнеописаний Лизандра и Суллы», но тут меня ведут обедать, Еда, как всегда, обильная и восхитительная — с крутыми яйцами и foul под соусом. После обеда я читаю, наше ожидание затягивается. Наконец-то звонок от Райеда: он подтверждает, что мы едем в Ливан, inch'Allah.

14.30. Снова трогаемся в путь, теперь — с Абу Абдаллахом. Шоссе, деревни, грязные и разбитые проселочные дороги — та же картина, что и по пути сюда. Навстречу — вереницы грузовиков, больших и маленьких, везущих товары в страну. Снова выезжаем на автостраду, а там, к моему огромному удовольствию, нас уже ждет мой старый друг Гнев со своим ветхим пикапом. Он везет меня и Ибн-Педро в Аль-Кусейр, в тот самый дом, где мы останавливались две недели назад. Это дом Абу Амара, и он все так же дружелюбен и гостеприимен. Маит[95] здесь нет. Гнев ведет меня туда, где она живет со своими коллегами, и я кратко объясняю им ситуацию. Вот уже пять дней, как они обретаются Аль-Кусейре, ожидая, когда можно будет попасть в Хомс. Не сможет ли Ибн-Педро их отвезти? Я возвращаюсь в дом Абу Амара с активистом, который взял над ними шефство: местный парень, который немного говорит по-английски. Ответ Ибн-Педро: я все сделаю, если меня об этом попросит Абу Ханен. Но Абу Ханен недоступен. Bukra sabha inch'Allah.

Гнев получает по мобильнику информацию: путь свободен. В 16.30 трогаемся дальше. Вместе с Ибн-Педро в тесной кабине пикапа нас снова трое. И Калашников по-прежнему тут, но мы сначала заедем на ферму, где его оставим: по пути сюда мы

встречались там с одним из командующих САС. Однако гранату Гнев себе все же оставил и, смеясь, размахивает ею у меня перед глазами. Заходим еще в один дом, откуда Г нев выходит с толстой пачкой стодолларовых купюр, знаменитых бен франклинов, ворохом сирийских ливров и коробкой изумительных, тающих во рту фиников. До границы мы доехали за час — пробирались теми же тропами, что и в прошлый раз. Солнце уже спряталось за Джебель, грязные лужи, как старинные зеркала, отливают тусклым золотом, небо выцвело, весь мир вокруг окрасился в различные оттенки темно-синего, коричневого и зеленого. На блокпосту САС — пробка из грузовиков всех размеров, мелкий транспорт буксует в грязи, приходится толкать. Гнев с Ибн-Педро о чем-то спорят, о чем — не знаю. Наконец выезжаем на шоссе, и Гнев гонит свой древний пикап на скорости больше ста километров, что пугает меня еще больше, чем перспектива встречи с мобильным патрулем. Делаем крюк, чтобы заехать еще в один дом, где пачки сирийских ливров выкладываются рядом с печкой. «Bukra Lubnan, — широко улыбаясь, говорит мне толстый человек, хозяин дома, — lyoma hon». Я, в полном замешательстве: «Как, fi mishkil? Lyoma mafi Lubnan?»[96] Гнев смеется: «Yallah, yallah».

На самом деле толстяк лишь предлагал мне свое гостеприимство, дело вполне обычное. Слава богу, мы не в Грузии, и хозяин не настаивает. Перед отъездом я вижу, как Ибн-Педро, сидя рядом со мной в кабине, засовывает пачки банкнот в пластиковый пакет. По-моему, это те же, что лежали у печки. Гнев несется по дороге как безумный; спускаются сумерки, но наш пикап, не снижая скорости, продолжает обгонять всех, вихрем проносится по деревне, лавируя — уже в полной темноте — между мотоциклами и прохожими. Наконец, подъезжаем к очередной деревне и останавливаемся возле того же дома, что и в прошлый раз. И хозяин тот же. Короткое ожидание, за нами приезжают на мотоцикле. Ночь, снова похолодало, и я совсем закоченел, сидя на мотоцикле, скачущем по разбитой дороге, ежеминутно рискуя нырнуть в лужу. Гонка происходит в полной темноте, если не считать луны. Наверху — сверкают звезды, и я различаю Орион, Плеяды… Узкий проулок. Молодые солдаты греются в какой-то халупе: слышен их смех. Еще один дом: оставшись один во дворе, я присел на минуту возле жаровни погреть руки: как хорошо…

Меня ведут в гостиную. Там сидят пожилой человек с ребенком на коленях, которому я даю пастилки от кашля, и — редчайший случай — какая-то женщина. Когда я объясняю, что у

меня двое детей, она начинает поминать Аллаха.

И вот — отъезд. Ибн-Педро куда-то исчез, а Гнев, которого я фотографирую на память, дальше со мной не едет. Мы прощаемся. Гнев сажает меня в грузовик, чем-то уже набитый, где сидят двое крестьян — один маленький, худой и с усами, а другой толстый, — на прощание машет рукой: «Бейрут, Бейрут» и широко улыбается. Давай, Бейрут — кажется, дальше все должно пойти как по маслу. На самом же деле впереди меня ждет совсем не смешное приключение, самый неприятный инцидент за всю поездку. Мы про ехали не больше километра, как вдруг мне и толстяку предложили выйти из машины: впереди блокпост ливанской армии, а его надо объехать. Толстяк берет мою сумку, и мы пускаемся пешком по вспаханному полю: разрытая земля липнет к ногам, хорошо еще, что пашню не слишком развезло. И тут я вдруг замечаю, что мы движемся в полосе света, отбрасываемого прожектором с блокпоста, и моя тень причудливо растянулась по земле на добрый десяток метров. Иными словами, мы перед ними — как на ладони, и солдаты могут перестрелять нас, как кроликов. Но они не стреляют, мы благополучно выходим из полосы света, и тут мой спутник бросается бежать, а я по мере сил стараюсь не отставать, в то время как собаки на блокпосту заходятся в яростном лае. Таким образом мы преодолеваем метров пятьсот, и я уже различаю вдалеке наш пикап, который обогнул блокпост с другой стороны и теперь стоит с потушенными фарами. Именно в этот момент на дороге показывается еще какая-то машина, мы несемся вперед во весь дух, прыгаем в свой пикап. Успели. Проходящая машина оказывается грузовиком, но гражданским, а если бы это был военный транспорт, нам бы несдобровать.

Мы трогаемся и выезжаем на большую автостраду, на ту, где, по дороге сюда, мы пересели на мотоциклы, и мчимся вперед со скоростью, какую только можно выжать из нашей жалкой колымаги. И это хорошо. Наконец подъезжаем к какому-то серьезному блокпосту, видимо, это уже граница. Ребята останавливаются неподалеку, рядом с другим грузовиком, и мы выходим из машины. Здесь же, справа от поста, — какая-то странноватая лавчонка, в дверях, равнодушно глядя на нас, стоит мужик в куфие. Мы с усатым крестьянином заходим внутрь, и мой попутчик обменивается несколькими словами с хозяином. Я выхожу из лавки, хозяин в куфие по-прежнему не сводит с меня глаз. Тут появляется толстяк и тащит меня за лавочку, знаками объясняя, что я должен сделать вид, что хочу помочиться. Я подчиняюсь. Потом он оборачивается, за ним оборачиваюсь и я. Прямо перед постом стоит военный джип, из которого выходит

массивный, коротко остриженный человек в кожаной куртке и по-арабски подзывает меня к себе. Судя по всему, это офицер, хотя и не в форме. Взглянув на него, я пожимаю плечами и направляюсь к нашему пикапу. За мной идет толстяк, на ходу глупо улыбаясь офицеру. Мы садимся в машину и трогаемся. А офицер, внезапно потеряв к нам интерес, идет к лавочке. Наша машина разворачивается на 180 градусов и на полной скорости мчится по автостраде в обратную сторону. Я оглядываюсь: за нами никто не едет. На всякий случай стираю в фотоаппарате прощальные кадры Гнева. Проехав несколько километров по шоссе, мы наконец-то сворачиваем вправо, на проселочную дорогу. Я пытаюсь понять, почему мы не сделали этого раньше. Подпрыгивая на ухабах, огибаем пресловутый блокпост и снова въезжаем в городишко, но уже с другой стороны, верхом, мимо большой современной церкви, после чего возвращаемся на шоссе и — наконец-то — едем дальше. Через некоторое время нам попадается еще один блокпост, на сей раз обычный, армейский, и все проходит гладко.

Мои попутчики-крестьяне останавливают небольшой фургон и запихивают меня внутрь: «Такси, такси, Бейрут». Дальше — долгое путешествие через Баальбек, пассажиры заходят и выходят. В Штуре, перед самым подъемом, а в машину заходит молодая женщина и садится напротив: первая женщина с непокрытой головой, которую я вижу за последние восемнадцать дней. Не считая Маит. На перевале останавливаемся у большого магазина, помощник водителя и один из его приятелей покупают вино и угощают меня, налив в пластиковый стакан: густое, терпкое, невкусное и все же восхитительное. Перевал покрыт снегом, ночью это выглядит очень красиво. И вот, наконец, долгий спуск по направлению к Бейруту.

В конце путешествия, высадившись на перекрестке, я их надуваю: они хотят сто долларов, я отделываюсь пятьюдесятью, fuck it. Сажусь в такси, пожилой водитель говорит по-английски с западноафриканским акцентом: он прожил тридцать лет в Либерии и знавал покойного Сэмюэла Доу — «He was just a lieutenant, not even a captain, he was a nice guy. Yes, he died really bad. They dragged him all through town», — а также Чарльза Тейлора, который остался ему должен пятьдесят долларов. Я недоверчиво посмеиваюсь: «Charlie Taylor owes you fi fty dollars?»[97] В ответ на мое предложение истребовать долг через Гаагский трибунал он тоже начинает хохотать. Таксист высаживает меня у ресторана «Le Rouge» в Хамре. В ожидании Л. устраиваюсь в баре и заказываю один Джеймсон и сигариллу. Мои сапоги до сих пор облеплены грязью дорог и полей, я не менял одежду с воскресенья и в шикарном ресторане смотрюсь

дико. Вообще все это чистый сюр — сидеть здесь после завтрака в Баба-Амре в компании Хасана, Имада и Ахмада. Сразу после еды, даже не приняв душ, я сажусь в самолет, вылетающий в два часа ночи, и в ожидании взлета дописываю эти строки. За какие-то несколько часов мои записи — уже — из реальности превратились в рассказ.

Эпилог

Едва я, написав все это, уехал из Хомса, как ситуация там пошла вразнос. Я-то думал, что все увиденное мной есть грубое насилие, и пребывал в уверенности, что теперь знаю, как оно выглядит. Однако я ошибался. Все самое худшее только начиналось, и теперь, перечитывая эти строки, я испытываю чувство стыда за некоторые фрагменты. Те, например, где описаны наши идиотские препирательства с активистами Баба-Амра, наши споры, которые действительно имели место и свой смысл (именно поэтому я не исключил их из окончательного текста), но сегодня смотрятся совершенно по-другому в свете того, что последовало дальше и как себя проявили в новых обстоятельствах упомянутые лица. Назову лишь двоих из них, Джедди и Абу Ханена, которым многие западные журналисты обязаны жизнью.

Короче: вечером 3 февраля, на следующий день после моего отъезда, на квартал Халдия, совсем рядом с площадью Свободных Людей, обрушилось несколько снарядов. Они упали не одновременно, а через некоторые промежутки времени, но примерно в одно и то же место, что никак не может быть простым совпадением. Последствия таковы: люди, которые кинулись на помощь жертвам первого — или первых — снарядов (среди них, как уже сказал, был Мазхар Тайяра, псевдоним — Омар Сириец), в свою очередь были либо убиты, либо тяжело ранены. Телефоны еще работали, и я позвонил Мани, который на тот момент еще находился в Баба-Амре. Мне хотелось узнать о судьбе многих людей — Абу Аднана, Абу Бакра, Наджаха (они выжили, по крайней мере, после этого эпизода), парикмахера на площади, кондитера из «Абу Ясира», механика и его друзей, двух продавцов кебаба, — но я спросил его лишь об одном человеке: Махмуде, десятилетнем пацане, распевавшем на манифестациях лозунги, пританцовывая на плечах старших. Но Мани так и не смог ничего о нем узнать. А многие наши знакомые на тот момент были уже мертвы. В субботу 4-го правительственные войска усилили обстрелы Баба-Амра, а 6-го или 7-го, я не знаю точно, окончательно обрубили телефонную связь. В тот момент Мани находился в центре города, и дирекция «Le Monde» и я потеряли с ним контакт до тех пор, пока 11-го он тоже не покинул Хомс. Моя приятельница Маит Каррaско приехала в Баба-Амр с двумя коллегами и пережила там несколько дней жестоких обстрелов, прежде чем ей, как и Полу Вуду из Би-Би-Си, удалось выехать из города по знаменитому тоннелю, после чего она провела еще три

недели в Аль-Кусейре. Об этом тоннеле впоследствии было множество разговоров, но в тот момент канал держался в строжайшем секрете (поскольку в моем тексте эта подробность намеренно обойдена молчанием, хочу уточнить, что лично я выезжал не через тоннель).

Почти все контакты, которые установились у нас с активистами повстанческого движения, оборвались именно тогда. На связи остались только две группы, имевшие доступ к системе широкополосной сети — активисты Халдии и Баба-Амра. Тогда я окончательно потерял из виду Абу Брахима, шейха Баяды, и врача Абу Хамзеха, который с ним работал, а также ребят из Сафсафи — Омара Телауи, Абу Биляля и других. После отъезда Мани у нас больше не было новостей и от активистов Халдии. Время от времени мне удавалось связаться по Skype — в основном через ник — с Абу Ханеном и еще одним человеком из Баба-Амра, который менял псевдонимы так часто, что я теперь не очень уверен, о ком, собственно, идет речь (видимо, кто-то из ребят, с кем я встречался у доктора Али вечером 22 января, но кто именно?). Каждый день на YouTube появлялись ролики один ужаснее другого, которые до своего отъезда в Ливан комментировал британский сириец Дани Дайем, а потом чаще всего какой-то молодой врач — или даже студент-медик, я не совсем уверен, — с которым я тоже несколько раз встречался, но не упоминал о нем в своих записях. Зовут его доктор Мухаммед аль-Мухаммед. Одно бесспорно: обстрелы квартала становились день ото дня все яростнее (о других кварталах нам известно меньше, но, похоже, там дела обстояли не лучше), и количество жертв среди мирного населения возрастало в геометрической прогрессии. Пусть те, кого не мучает бессонница, выберут минутку и посмотрят кое-что из этих роликов: я им очень рекомендую.

Баба-Амр действительно имеет свои особенности, внимание на которые я обратил, но в тот момент не оценил их важности. Квартал строился — в спешке и полулегально — людьми, выдавленными на окраину Хомса и не располагавшими большими средствами. Вырыть при строительстве своего маленького домика еще и подвал для них оборачивалось лишними тратами. Подвал — это очень удобно, чтобы сваливать туда старую мебель или хранить там картошку и лук. Но если ты никогда не выбрасываешь мебель, а твой запас картошки и лука легко помещается в кухне, то без подвала можно и обойтись. Но ситуация представляется совершенно иной, если современная армия, оснащенная наступательной бронетехникой, комплексами типа «Град» и минометами разного калибра вплоть до 240 мм, то

есть оружием, которое не используется в современных конфликтах (исключение составляет только Чечня), утюжит ваш квартал — улицу за улицей, дом за домом, прилежно и методично, двадцать семь дней кряду. Вот как описывал происходящее британский фотограф Пол Конрой, которому чудом (и благодаря помощи активистов Баба-Амра) удалось пережить несколько последних дней этого ада: «Они живут на развалинах, на которые продолжают сыпаться снаряды, дети — вшестером на одной кровати, уцелевшие помещения полны людей, которые ждут смерти». И многие уже мертвы. А в это время, далеко отсюда, все ведутся и ведутся беспрерывные дискуссии.

Дискуссии и в самом деле были нескончаемые. Наступление правительственных сил началось — вроде бы случайно — как раз на следующий день после голосования в Совбезе ООН по поводу весьма беззубой резолюции, основанной на мирном плане Лиги арабских государств и решительно заблокированной Россией и Китаем. Нимало не смущаясь перспективой повторения ливийской авантюры, — даже когда выяснилось, что массовые убийства, которых так опасались в отношении Бенгази, в Хомсе уже стали свершившимся фактом, — американские и европейские дипломаты все глубже увязали в пустой болтовне о «гуманитарных коридорах» и других, столь же смехотворных вещах. Их арабские коллеги — катарцы и саудиты — стали поговаривать о том, что пользу могли бы принести некие более решительные действия — к примеру, поставки оружия повстанцам, — но их никто не слушал. В ту пору я и сам, порядочно подустав от всего этого, в последней статье в «Le Monde» предложил прекратить дебаты, предоставив сирийцам самим разбираться со своими проблемами. Увы, именно это и было сделано.

Эпопея с западными журналистами, убитыми и раненными в Баба-Амре, высветила события в Сирии, но она же, парадоксальным образом, и отвлекла внимание мирового сообщества от происходящего в стране. С одной стороны, стало невозможно утверждать, что мы ничего не знали. Но с другой — сразу нашлось, чем ежедневно заполнять выпуски теленовостей и газетные полосы, воздавая дань уважения (более чем заслуженного) Мари Кольвен и Реми Очлик, погибшим 22 февраля во время целенаправленного ракетного обстрела помещений Информационного бюро, и побуждая дипломатов и СМИ сделать все возможное для спасения журналистов, раненных в ходе той же атаки. Речь идет об Эдит Бувье и Поле Конрое, а также двоих других, кто предпочел остаться с ними, вместо того

чтобы уйти через тоннель, — Жавье Эспиноза и Уильяме Дэниельсе. У меня не найдется слов, чтобы описать их мужество и тот кошмар, который они пережили прежде, чем неделю спустя им удалось — сперва одним, а потом другим — добраться до Ливана. При этом я утверждаю, что западные СМИ, за редчайшим исключением, ни словом не помянули о сирийских повстанцах и журналистах, которые были рядом с ними. Это случилось лишь однажды, под конец, когда тринадцать неопознанных «борцов» были убиты во время катастрофической истории с вывозом раненых[98]. Выбравшись из Хомса, западные журналисты, разумеется, высказывали слова благодарности в адрес тех, кто им помогал, и обличали — в жестких и точных выражениях — тот беспредел, который там разворачивался при почти всеобщем попустительстве. Да, некоторые из наших руководителей тоже гневно его клеймили, но при всем том продолжали смотреть на происходящее сквозь пальцы. Мне могут возразить, что у них не было выбора. *Я* отвечу, что выбор есть всегда, как был он у тех, кто в Сирии поднялся против Башара Асада и его окостеневшего, разлагающегося и в конечном счете обреченного режима.

У меня почти нет новостей от сирийцев, которые всего за несколько дней стали нашими друзьями. Большинство активистов, работавших в информационном блоке, и медицинский персонал Баба-Амра (в том числе Абу Ханен и Мухаммед аль-Мухаммед) были вывезены вместе с остатками подразделений САС накануне окончательной сдачи квартала в пятницу 2 марта. Остаться предпочел только Джедди (в реальности его звали Али Отман), но уже 1 апреля он был арестован в Алеппо и, по некоторым данным, подвергнут жестоким пыткам. Наши друзья из Сафсафи, Халдии и Баяды — Омар Телауи, Абу Биляль, Абу Бакр, Абу Брахим — судя по информации, которую смог добыть Мани, живы, но оказались в тяжелейшей ситуации. Фади, Алаа, Абу Язана, Ахмада и других бойцов Свободной армии, упоминаемых в моих записях, должно быть, нет в живых или даже хуже. Возможно, я и ошибаюсь, но вряд ли когда-нибудь об этом узнаю. От многих из тех, кого я упоминал здесь, назвав их подлинным именем, инициалами или псевдонимом, который они себе выбрали, бросаясь, как в омут, в эту борьбу не на жизнь, а на смерть, не останется ничего, кроме моих записок и воспоминаний тех, кто их знал и любил. Для молодых людей из мятежного Хомса, улыбчивых, мужественных и полных жизни, смерть, пытки, тяжелые раны, разорение и потери мало что значили по сравнению с неслыханным счастьем сбросить тяжкие оковы, четыре десятилетия не дававшие свободно вздохнуть их отцам.

Париж, 11 апреля 2012 года

Список воинских званий

Русский	**Транслитерация**
Маршал	Нушир
Корпусной генерал	Фарик Авваль
Дивизионный генерал	Фарик
1-й Имад (заместитель)	Имад Авваль
Имад	Имад
Бригадный генерал	Лива Амид
Полковник	Акид
Подполковник	Мукаддам
Найор	Раид
Капитан	Накиб
Лейтенант	Нулазим Авваль
Младший лейтенант	Мулазим
Сержант	Ракиб
Капрал	Ариф

Арабский

مشير
فريق اول
فريق
عماد أول
عماد
لواء
عميد
عقيد
مقدم
رائد
نقيب
ملازم أول
ملازم
رقيب
عريف

Окрестности Хомса

Хомс

1 Хомская крепость
2 Кладбище Баб-Сбаа
3 Кладбище Баб-Дриб
4 Рынок
5 Старые башенные часы
6 Центральный квартал (новые часы)
7 Мечеть ад-Друби
8 Площадь Свободных Людей (Халдия)
9 Государственная больница
10 Автовокзал
11 Хомский вокзал
12 Гостиница Сафир
13 Стадион Халид ибн Валид
14 Стадион Аль-Бассель
15 Военный госпиталь

notes

Примечания

1

В приложениях дана карта приграничной полосы между Триполи и Хомсом, а также план города Хомс с обозначением его основных кварталов. — Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. автора.

2

Когда Жакье был убит, один из репортеров Би-Би-Си, настроенный лояльно к режиму Асада, опубликовал ложную информацию об обстоятельствах гибели Жакье, из которой следовало, что в его смерти повинна Свободная армия. После появления сообщений других журналистов, опровергающих это утверждение, стало понятно, что репортер Би-Би-Си солгал, и радиостанция отказалась от его услуг. Прим. переводчика.

3

Мученик.

4

Послушные властям наемные убийцы, часто алавиты. Термин появился в 1990-х годах, и поначалу так назывались алавитские мафиозные группировки, которые, при благосклонном отношении режима, контролировали сирийское побережье до своего исчезновения в 2000 году в результате прихода к власти Башара Асада. С началом известных событий термин появился снова, но теперь он означал группы гражданских лиц, рекрутированных властями для участия в репрессиях против восставших.

5

Серое туманное утро (англ.) — Прим. переводчика.

6

Министерство туризма приветствует вас на сирийской земле. В случае возникших сложностей или для получения необходимой информации наберите 137. Добро пожаловать в страну чудес (англ).

7

Батальон.

8

Лейтенант.

9

«Спецслужбы». Этот термин, как и выражение «органы безопасности», употребляется в Сирии очень широко и может обозначать любое из четырех следующих учреждений: Shubat al-Mukhabarat al-Askariyya, Департамент военной разведки; Idarat al-Amn al-Amm, Управление общей безопасности, часто фигурирующее под своим прежним названием — госбезопасность; Idarat al-Ашп al-Siyasi, управление политической безопасности; и наконец, Idarat al- Mukhabarat al-Jawiyya, Управление авиационной разведки, самая мощная и, по общему мнению, самая опасная из спецслужб.

10

Ручной противотанковый гранатомет, оружие советского производства, очень распространенное в наши дни и особенно востребованное там, где идут партизанские войны: нечто вроде базуки, стреляющей реактивными снарядами с простым кумулятивным зарядом

11

Арабская брынза, блюдо из кислого молока.

12

Ответственные за информацию — активисты местных координационных комитетов, руководящих органов революции. Им вменяется в обязанность снимать на пленку митинги и манифестации; на основе этого материала восставшие строят свою контрпропаганду, противостоящую официальной информационной политике, цель которой — преуменьшить размах революционного движения. Ответственные за информацию снимают также обстрелы, раненых, трупы жертв и любые формы репрессий.

13

Мистическая церемония суфиев, которая может принимать форму исступленного танца.

14

«Эта страна принадлежит нам всем, и Господь — с нами» (англ.).

15

БТР, или бронетранспортер, — военная машина российского производства с восемью колесами и башней, как правило снабженной пулеметом калибра 14,5 мм. На русском военном жаргоне душка означает «Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный», или ДШК, — отсюда название «душка», пулемет калибра 12,7 мм. Возможно, однако, что сирийцы используют это название, произнесенное на свой манер, для пулемета 14,5 мм.

16

Подполковник.

17

БМП — боевая машина пехоты, легкая бронированная самоходка советского производства, амфибия на гусеничном ходу, снабженная 30- миллиметровой пушкой. Т-62 и Т-72 — тяжелые танки советского производства.

18

Частный телеканал, принадлежащий Рами Махлуфу, могущественному двоюродному брату Башара Асада.

19

Младший лейтенант.

20

Капитан.

21

Сержант.

22

Средний танк советского производства, полностью устаревшая модель.

23

«Здесь у нас тихо. Обстановка почти романтическая» (англ.).

24

«Смотришь как и делаешь так же» (англ.).

25

«Иногда видишь, как пациент умирает у тебя на глазах, и ничего не можешь сделать» (англ.).

26

«Бомба с гвоздями». Этот термин обычно относят к самодельным взрывным устройствам, начиненным гвоздями или кусками металла, которые часто используются афганскими и иракскими повстанцами. Но сирийцы употребляют его для обозначения снарядов, которые, вместо того чтобы разрываться на куски, как обычный минометный снаряд, разбрасывают пригоршню дроби на манер охотничьего карабина. Эти боеприпасы широко применяются в Хомсе, но я так и не смог выяснить их происхождения. Они оставляют на теле раны в виде маленьких круглых дырочек, которые ни с чем не спутаешь.

Это слово обозначает фразу «Allahu akbar!» («Аллах велик!»).

28

Musahab — жареное куриное филе со специями, foul — темные бобы, запеченные с овощами.

29

Сирия.

30

Основанное в Индии в 1926 году

31

Я читаю Плутарха, единственную книгу, которую взял с собой.

32

Имеется в виду учиненное в феврале 1982 года военными силами Хафеза Асада, отца Башара, фактическое разрушение города Хама, в ходе которого, по разным оценкам, погибло от 10 до 35 тысяч человек. Результатом его стало окончательное подавление вооруженного восстания сирийских «Братьев-мусульман», начавшееся с большой серии убийств крупных деятелей-алавитов. После событий в Хаме партия «Братья-мусульмане» была запрещена, многие из ее членов казнены, а те, кому удалось уцелеть, бежали за границу. Сегодня они составляют костяк Национального совета Сирии, представительного органа оппозиции.

33

«С марта наша работа налаживается. Врачей набралась уже целая группа. Теперь мы работаем эффективнее» (англ.).

34

«Ты видишь это? И что же остается делать нам, если они себе такое позволяют?» (англ.).

35

«Они размещают это видео в сети, чтобы сказать: „Смотрите, мы трахаем суннитских девушек“. Для нас, арабов и мусульман, это очень тяжело» (англ.).

36

Мусульманский праздник, называемый также «малый Байрам».

37

«Нам нужна международная помощь».

«Как-нибудь потом, если Бог даст».

39

Liwa — это бригада, katiba — батальон. То есть Тласс с товарищами планировали поднять на мятеж от десяти до двенадцати тысяч человек.

40

Майор.

41

Командующий Свободной армией Сирии в турецкой Антиохии.

То есть где-то в конце декабря 2011.

С сирийским правительством.

44

Тех, что лежат в клинике Абу Бари.

45

Неверных.

Страны.

47

«Я не с ними, я с этими людьми. Неправильно: если я алавит, то я с алавитами. Нет. Если они делают плохо, я попробую делать хорошо» (англ.).

48

«Я очень рад, теперь совсем не то, что раньше. Когда ты служишь в армии, если ты знаком с каким-то важным человеком, то живешь хорошо. Если нет, ты в дерьме» (англ.).

49

«Я не слышал, чтобы кто-то говорил: мы хотим убивать алавитов вообще. Только конкретных людей, которые совершили преступления» (англ.).

«Мне это очень понравилось» (англ.).

Университета

52

«Бронированная разведывательно-дозорная машина» — четырехколесный водонепроницаемый бронетранспортер советского производства, (амфибия с легкой броней), на башне которого обычно установлен пулемет калибра 14,5 мм.

53

Абу Бари

Бригадный генерал.

55

От Муханнада аль-Умара.

56

Аптекарь, как и все его коллеги, убежден, что работа медперсонала связана с большим риском.

57

Молитвенные четки.

А не перебежчиками.

59

Ногу З. оторвало осколком того же снаряда, что убил отца двух женщин, которых мы встретили в переулке.

Эту амнистию 15.01.12. объявил Башар Асад, но, по сути дела, ходу ей не дали.

61

Большой поселок в десяти километрах от Хомса, опорный пункт САС.

62

Квартал в северо-западной части города.

63

«Расскажите всем, что мы — не исламисты». — «Я коммунист, и исламистов ненавижу» (англ.).

64

Во время обстрела булочной, случившегося в Инша'ат, недалеко от улицы Бразиль незадолго до нашего приезда, погибло много мирных жителей.

65

Рынок.

66

Активист Сафсафи, не путать с Билялем

67

Шилка — русское название ЭСУ-23-4 — Зенитной Самоходной Установки, противовоздушного оружия советского производства с легкой броней и четырьмя орудиями 23-мм. Судя по всему, сирийская армия использовала их для ведения огня по наземным целям во время боев в городских условиях.

Невеста все это время проведет на кухне, и мы ее так и не увидим.

69

«На следующей неделе я еду в Саудовскую Аравию. Пожалуйста, не показывай мое лицо. *Я* уезжаю в среду. Лицо — большие проблемы» (англ.).

«Армия Асада нас видит, они стреляют. Поэтому мы митингуем здесь. Мы не можем пойти на широкую улицу. Они стреляют» (англ.).

71

Типография «Minuit» (в переводе с французского — «Полночь») начала свою деятельность с печатания листовок для участников Сопротивления, а впоследствии выросла в издательство.

72

Персидское слово, обозначающее паранджу, наглухо закрывающую лицо, — примету строгого разделения полов, принятого в некоторых мусульманских культурах.

73

По причинам, изложенным в предисловии, я не называю полного имени погибшего ребенка, несмотря на разрешение отца.

74

Направление на Каабу в городе Мекка и шкаф в мечети, где хранится Коран.

76

Тела погибших и двое выживших детей были отвезены в медпункт Карам-аль-Зайтуна, в котором мы уже бывали. Там Райед их и видел. А вот шиитского фирменного знака на телах не оказалось.

77

Французский журналист.

78

Намек на вчерашнюю резню в Назихине.

79

Та пальба, которую было слышно даже в Сафсафи.

80

Запрещено, не дозволено.

81

Суннит.

82

«Теперь не стрелять. Но готовы. Не знать, когда стрелять. Мой друг убит в этой машине».

83

Уже не Абу Хамзех, а другой: тот уехал.

84

«Я — человек нерелигиозный, живу среди образованных людей. Но я должен был прийти сюда, в эту комнату. Если меня здесь не окажется, это будет признаком религиозного противостояния. В то же время, если в других городах ситуация будет развиваться в лучшую сторону, то удастся повлиять и на Хомс. Когда лучшая версия революции возобладает в других местах, это успокоит и здешнюю религиозную рознь. НСС (Национальный совет Сирии) не торопится наводить порядок в Хомсе, он действует в том ритме, в каком развивается ситуация в других городах, а Хомс просто вырвался вперед. Хомс — это худшее место в Сирии с точки зрения уровня конфронтационности. Хотя есть регионы, которые подверглись еще большему опустошению, И дли б. например».

85

Здесь есть проблема.

Раскол, смута.

87

«Если Бог даст, завтра утром».

88

Система залпового огня, поставленная на шасси грузового автомобиля повышенной проходимости и обладающая большой огневой мощью. Они действительно выдвинулись из Дамаска в сторону Хомса и начнут обстреливать Баба-Амр 4 февраля.

89

Туда, где заседает Военный совет.

«Я тебя вообще не знаю». — «Допустим, но с ним я разговаривал на прошлой неделе. Он сказал тогда, что вернется через десять минут, и вы оба исчезли».

91

«Нет, нельзя. Вы говорите, что работаете самостоятельно, — отлично, вы говорите, что решаете свои проблемы сами, — отлично, ну так и решайте! Сами, со своими ребятами».

«Ты же видишь: мы — арабы. А у арабов — только так».

«Зачем ты ему рассказываешь, что не можешь уехать, потому что у тебя со мной проблемы? Я тебе ничего такого не говорил. У тебя есть свежая информация, и, разумеется, в наших интересах, чтобы ты ее опубликовал. Если бы мы могли помочь тебе уехать, мы бы это сделали. Но это не в наших силах. А отправить тебя вместе с женщиной нельзя».

Школа в арабских странах, обычно начальная.

95

Карраско, хорошая знакомая, испанская журналистка, работающая для ТВ Cinco.

96

«Ливан завтра. Сегодня ты останешься здесь». — «Опять проблемы? Сегодня мы в Ливан не попадем?»

97

«Он был простым лейтенантом, даже не капитаном. Хотя парень симпатичный. А смерть у него была ужасная: они таскали его тело по всему городу». — «Чарльз Тейлор должен вам пятьдесят долларов?»

На выходе из тоннеля они были обстреляны войсками режима.